

УРАЛЬСКИЙ

ISSN 0134—241X

Следопыт

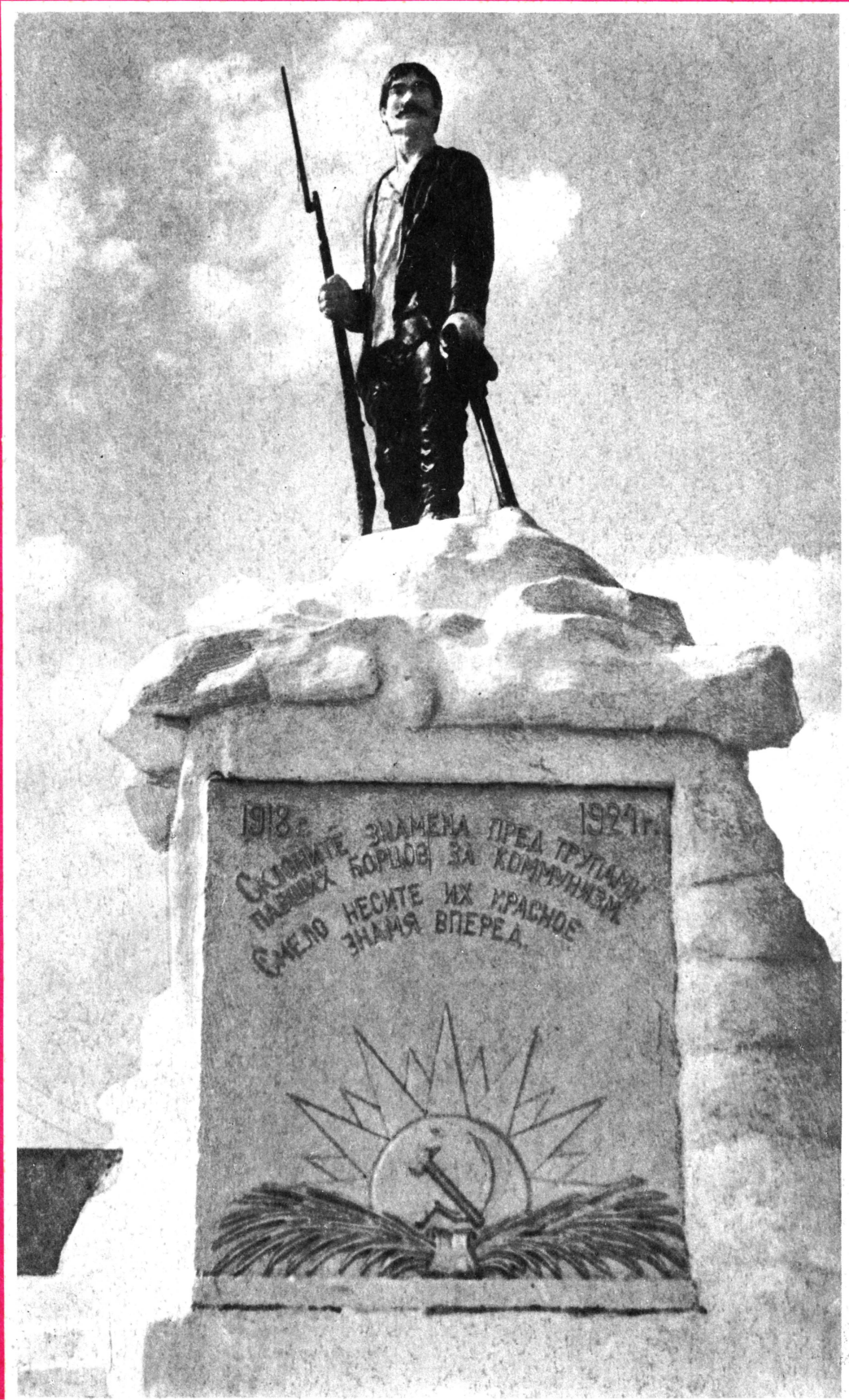
10 '87

Handwritten signature or initials in blue ink.

ТЕБЕ, РЕВОЛЮЦИЈА!

К 70-летию
Октября

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Издается с апреля 1958 года

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

10 '87

УРАЛ-БАТЮШКА, СИБИРЬ-МАТУШКА...

Седой Урал и матушка-Сибирь. Издавна эти слова-понятия стоят рядом. Не только и не столько в силу географической близости, а по более глубоким внутренним мотивам, в силу, если можно так сказать, кровного родства. Каменный Пояс в далекие времена служил опорной базой, стартовой площадкой, откуда брали начало великие географические экспедиции и стихийно складывающиеся отряды первопроходцев. На уральских отрогах зародилась и на кручах Иртыша окрепла звонкая слава Ермака. Пушками Каменского завода оснащалась экспедиция командора Витуса Беринга. С Уральского хребта открывались заманчивые дали, и тысячи казаков, крестьян и прочего люда снимались с насиженных мест и шли звериными тропами встреч солнцу, навстречу будущему, не ведая, каким оно будет...

Горнозаводской край щедро делился техникой и мастерами, помогая сибирскому региону обрести собственную промышленность. От Колыванских заводов рабочая эстафета содружества прямо восходит к Урало-Кузнецкому комбинату, сыгравшему судьбоносную роль в истории Советского государства, и далее по течению времени — к нашим дням. Под Красноярском вырос младший брат Уралмаша, выпускающий механические землекопы; уральским глиноземом питаются алюминиевые заводы Сибири. Традиции живы, но все явственнее проступает обратная связь, когда уже возмужавшая Сибирь поддерживает, подпирает своим плечом почтенного «батюшку».

С Сибирью во многом связано будущее страны. Земля сибирская занимает доминирующее место в программных документах партии. Север Тюменщины, край вечной мерзлоты, обогревает теплом и светом едва ли не полпланеты. Стальная ниточка труб, сработанных, кстати, в числе прочих уральскими металлургами, начинает свой разбег с Уренгоя, а доходит до берегов Сены. Другая ниточка, только уже не труб, а рельсов, прорезала сибирские горы, сокращая расстояние и сближая города; она открыла доступ к подземной кладовой Якутии и других прежде отдаленных мест. Короткое слово БАМ стало в последнее десятилетие символом стремительного обновления страны.

Впрочем, нельзя прибегать лишь к розовой краске, рисуя настоящее и будущее Сибири. На той же тюменской земле рядом с трудовым подвигом соседствует преступная халатность, срывает психология временщиков, живущих одним днем. Газовые факелы, пожирающие наши, народные деньги, испещренная рваными ранами тундра, реки с деревянным руслом, загрязненный Байкал — все это страшный упрек человеку — «покорителю».

Сибирь в системе «человек — природа» повторяет горький урок Урала — к такому печальному выводу приходит известный советский писатель Виктор Астафьев.

Номер, который читатель держит в руках, тематический. Он — урало-сибирский. Все то же родственное сочетание...

В НОМЕРЕ:

- 2/ В. Астафьев
СЕРДИТЫЙ ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ГОДЫ
И РАССТОЯНИЯ
- 10/ А. Чуманов
У МЕНЯ ЕСТЬ ЛЕНИН. Поэма
- 12/ М. Сорокин
УРАЛ — КУЗБАСС
- 13/ В. Шевченко
«В СИНИХ КОЛОКОЛЬЧИКАХ
ВСЬ СИБИРСКИЙ КРАЙ...»
- 14/ А. Викторов
БЕССМЕРТИЕ
- 15/ Ф. Кренделев
СТРАНА НЕСМЕТНЫХ БОГАТСТВ
- 18/ Г. Федорова
СЕВЕРНЫЕ МОНОЛОГИ
- 21/ Г. Терина, Е. Верещагин
МОЛОДЕЖНАЯ ПЯТИЛЕТКА
- 23/ СПАСИБО, ЧИТАТЕЛЬ!
- 24/ А. Ляпустин
ЗАДАЧИ НЕ ИЗ УЧЕБНИКА
- 26/ С. Мешавкин
ЖЕНЬШЕНЬ: ПИОНЕРНАЯ ФУНКЦИЯ
- 29/ А. Одинцов
ВЕСТИ ИЗ АКАДЕМГОРОДКА
- 30/ А. Карякин
ПАМЯТНИКИ ЕРМАКУ
- 32/ А. Малышкин
СТОЛЬНЫЙ МЕРЗЛЫЙ ГРАД СИБИРИ
- 33/ А. Петухов
БЕЗ ОТЦА. Повесть. Начало
- 50/ М. Быкова
ТРИ СТУПЕНЬКИ В МИР ТАЙГИ
- 52/ М. Орлов
НОЧЬ В СТЕПИ. ОСЕННИЕ ЭГОФАГИ. ДОЛИНА
ГОЛУБОГЛАЗЫХ ФЕЙ. Фантастические рассказы
- 64/ А. Матвеев
ЮМБУРА — ЯМБУРА — ЯМБУРГ...
- 66/ А. Конан Дойл
ВЛИЯТЕЛЬНЫЙ КЛИЕНТ. Рассказ
- 77/ В. Миронов
ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ ГОДА. Ноябрь
- 79/ МИР НА ЛАДОНИ

На 1-й стр. обложки рисунок Владимира Ганзина и фото Игоря Горячева: Тобольск, портрет Ермака, строительство нефтехимического комбината.

**Трибуна
Писателя**

С ПИСАТЕЛЕМ,
ЛАУРЕАТОМ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ПРЕМИЙ СССР И РСФСР,
ЧЛЕНОМ РЕДКОЛЛЕГИИ
ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»
ВИКТОРОМ ПЕТРОВИЧЕМ
АСТАФЬЕВЫМ
БЕСЕДУЕТ
НАШ СПЕЦИАЛЬНЫЙ
КОРРЕСПОНДЕНТ
СЕРГЕЙ КАЗАНЦЕВ

**ВИКТОР
АСТАФЬЕВ:**

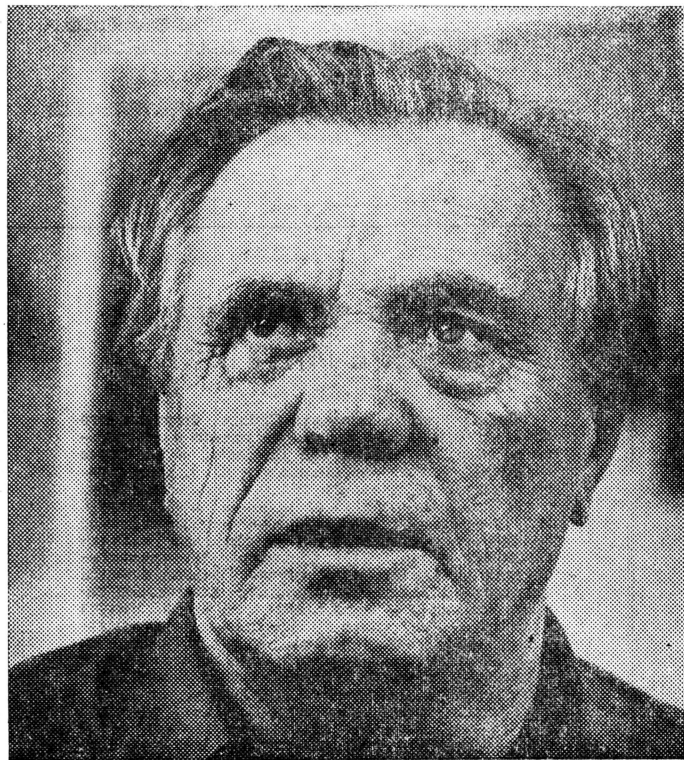

Фото Владимира Борисова

**СЕРДИТЫЙ
ВЗГЛЯД
СКВОЗЬ
ГОДЫ
И РАС-
СТОЯНИЯ**

Самолет пружинисто лег на крыло, сердце привычно подбило снизу жесткой ладошкой, и я очнулся от полудрежных дум о доме. Земля в иллюминаторе потягивалась, вставала на цыпочки, и в толстостенном овале образовалась черно-белая фотография. Неудачное место выбрал мой взгляд. Земля внизу, изборозженная морщинами, припудренными снегом, показалась неухоженной, больной. На курящуюся утренней дымкой полоску маленького ручейка — нет, конечно же, большой реки (земное видится ничтожным с горного полета) — выпрыгнула блестящая блошка и поскакала, разматывая тонкие усы. В мгновение, не успевая оформиться в слова, почудилось, что это — новый Командор, застигнутый на браконьерской зорьке, бежит от своего, сегодняшнего, неизбежно-го Семена... Запомнившейся, застарелой болью от прочитанной и перечитанной царь-книги резануло сердце. И фотография ожила! Земля ожила, окутала теплой чашей, заботливо придвигаясь к дружному ряду наших подошв и каблучков, доверчиво упершихся в обманчивую

твердь, скользкую в пустоте с легкостью осеннего листа, уже сорвавшегося с родной ветви, но еще не прильнувшего к своему последнему месту на земле, которое он сможет созреть... С неясным ощущением какой-то собственной вины я ткнулся лбом в холодное стекло... но поздно, земля стремительно осыпалась за нижний обрез, словно проваливалась в невидимое, в тартарары... В таком меланхолическом настрое я прибыл в Красноярск.

Молодые писатели, Сергей да Олег, предупредили: «Смотри, Петрович нынче вовсе осерчал!» И рассказали, как редакция альманаха «Енисей» провела большую, предствительную встречу за «круглым столом» по наиболее важным проблемам экологии, и вот, альманах-то делается долго, ни областные газеты, ни телевидение, четыре часа жужжавшее в зале краевой библиотеки, второй месяц не дают отчета об этом «токовище», видно, все еще согласовывают, умягчают... Астафьев, резко выступивший на этой встрече, не находя реакции на свои слова, сердится, возвращается к прежнему разговору вновь и вновь, вчера, например, только об этом и толковали...

Опасаясь представить читателям нашу беседу в одном цвете, я подготовил наивную хитрость: выложил перед Виктором Петровичем тонкую книжку его рассказов, одну из первых, «Зорькина песня», изданную в Перми более четверти века назад, попросил вспомнить об Урале, где он, сибиряк, железнодорожник, после фронта начал писать, стал журналистом, писателем, был принят в Союз... Немало дал ему Урал, и любимую жену, с которой, даст бог, отметят и золотую свадьбу — не за горами... Усмехнувшись, он мгновенно раскусил мою игру, но все же принял правила ее и начал ткать романтический флер воспоминаний... Но не умилными слезами томилась его душа. Вглядываясь сквозь годы и расстояния, он все чаще и чаще поднимал из недр памяти неостывшие эпизоды той борьбы, что выковала из него писателя.

— Осенью сорок пятого года, на седьмое ноября, сошли мы с Марией Семеновной с поезда Пермь — Соликамск, совсем окончевшие — ехали в тамбуре, я в летнем обмундировании... Привезла она меня на свою родину, в город Чусовой. Вышел я на перрон, какие-то огоньки маячат, горы, Ленин стоит, из снега выглядывает. Я сказал: «Здравствуй, Владимир Ильич!» — единственный знакомый мне человек в Чусовом. С тем и пошли.

Начинали жить очень сложно, трудно. Профессия потеряна, квартиры нет, денег нет, ничего нет, одни продовольственные талончики на полмесяца. Но как-то начали организовываться в жизни. В сорок седьмом году крестный Марии Семеновны Алексей Ефимович Ходырев, очень хороший человек, подарил мне ружье — «тулку» 1924 года. Он мне все отдал: мерки, патроны, все-все-все. Если бы не это ружье, никакой бы семьи у нас не было, все бы мы сдохли с голоду. Ружье это быстро выручило меня. Я одно время вообще кормился ружьем — и семью, и ребятшек, и всех рябчиками кормил, большего зверя редко одолевал.

У тещы был покос в 18 километрах на реке Вильве, сейчас окончательно погубленной. Вильва, Усьва, Койва берут начало на Бассегах, где уже дорубают последний лес. Делать этого ни в коем случае нельзя, потому что эти три реки питают Чусовую, и я знаю, что больше леса нигде уже нет, из-за того многие другие речки обмелели и высохли. Но тогда лес еще был, и я шел им 18 километров, ну как

шел — бежал, конечно, вечером, чтобы успеть помочь тещу с покосом, нельзя не помочь, они молочка нам давали для детей. Главное было — сплавить сено. Они очень плохо плавали по горным рекам. И когда я в первый раз приплавил плоты так рискованно, по-сибирски, они удивлялись: молодой, хохотун, тещь меня звал «варнак», и вот варнак их приплавил — они ног не замочили. Так вот, было идти 18 километров по старой телефонной линии и 18 гор было. Из Чусового, через горы, до среднего течения Вильвы. Там в Вильву впадает Вижай, недалеко от покоса, километра два-три. Хорошая речка, харизматичная была...

Я был одним из первых спиннингистов. Делали спиннинги у нас на детской технической станции, и вот один делатель себе второй соорудил, длинный, а мне продал короткий, с чемоданчиком. Чемоданчик у меня до сих пор жив. Ну, ребята на этой станции были такие, что блоху подкуют. Вот они первые сделали этот, на горе всем нам, электрический музыкальный инструмент, который демонстрировался на ВДНХ. Эта станция знаменита была еще тем, что мы там, мужики, зимой собирались, шептались, вспоминали летние походы на рыбалку, на охоту, короче говоря, был такой мужской ток.

Обладание спиннингом сделало меня не только счастливым рыбаком, но опять же помогло теперь уже реки облазать как следует, те же Вильву, Усьву, Чусовую, но особенно Вильву и Усьву, это мои реки, и прежде всего Вильва, конечно.

В пятьдесят первом году я поступил работать в газету «Чусовской рабочий». До этого я все время работал на улице, так сказать. Об этом я уже рассказывал недавно в книге «Всему свой час», повторюсь немного. Без образования, без специальности работал я где придется. Врачи не разрешили мне после ранений заниматься тяжелым трудом, но пошли ребятки, надо их кормить, зарабатывать побольше. Пришлось работать в горячем цехе, вагоны разгружать и с дровами, и с мясными тушами для колбасного завода. Потом перевели меня в цех мыть эти туши и подавать их на стол обвальщикам, солить, селитровать, в бачки сваливать — тяжело очень и грязно, и руки в порезах, а уж как попадет в них селитра... Наконец я стал на заводе ночным вахтером. И как-то раз попал вечером на занятие литкружка, где сотрудник местной газеты, бывший фронтовик, читал свой военный рассказ. Взбесило меня это сочинение. Герой рассказа, летчик, таранил и сбивал фрицев, как вороб, благополучно приземлился и получил орден. Был я на разных военных перекрестках, но нигде не попадался мне такой удачливый боец, который врага лупит и в плен берет, а сам остается цел и невредим. Нет, не была такой сказочно красивой наша жизнь ни на войне, ни после нее. А в рассказе том описывалось далее, что летчик вернулся домой, встречать его вышла вся деревня, и так встречала, что хоть перелетай вместе с ним из жизни в сказку.

Разозлился (а во зло становлюсь я хладнокровней, собранней, и это не однажды спасало мне жизнь на войне) и ночью, на дежурстве, стал писать свой

первый рассказ о друге-связисте Моте Савинцеве из алтайской деревни Шумихи. Писал я, полагая, что ничего не должен выдумывать, и потому сохранил фамилию, имя героя и т. д. и т. п. Возможно, произошло это не только по авторской наивности, но и как реакция на те многочисленные исторички на военные темы, которые тогда печатались косяком и ничего общего с войной, какую я видел, не имели. Мой герой, Мотя, умирал с прирожденным спокойствием крестьянина, умеющего негромко жить и без истерик отойти в мир иной.

Позже, когда этот рассказ, который первоначально назывался «Гражданский человек», я переписал, он вошел в книгу под названием «Сибиряк». Книжечку эту я послал на Алтай, и читали ее в Шумихе всей деревней, собравшись в сельском клубе. И плакали все, потому как в Шумихе почти в каждом доме кого-нибудь не дождалось с войны, и оплакивал всяк своих, слушая о гибели связиста Матвея Савинцева. Имя моего героя присвоили пионерской организации Шумихи. И вообще в деревне получилось большое и горькое торжество, как мне потом сообщили.

Я получил письмо от дочери Матвея Савинцева — Валентины. Рассказывала она о своей работающей семье. Хорошая семья осталась у Моти Савинцева, дочери — славные, достойные люди, внуки... Такое письмо, после него уж не захочется писать для литературных снобов или для заморской публики, которую одно время почти уверили молодые, но ранние наши писатели, будто земля наша кишмя кишит мальчиками и девочками, не знающими, куда себя девать и что делать. Большую, очень большую роль сыграло в моей писательской жизни письмо Валентины Савинцевой. Что бы я ни замысливал, что бы ни писал — всегда мысленно обращаюсь к ней и каждое свое произведение примеряю на нее, как платье, — подойдет ли оно ей. И не знаю я другого смысла и другого счастья, чем писать для простых, но истинных тружеников нашей оплаканной и зацекованной земли...

Ну вот. А сначала мой самый первый в жизни рассказ был напечатан в городской газете «Чусовской рабочий». Печатался он с продолжением. Но после одного отрывка печатание вдруг прекратили. Кого-то «наверху» оскорбила фраза, которую произносит один из персонажей: «Мало нашего брата осталось в колхозе, вот и стали мы все для баб хороши». Мне приписали оскорбление советской женщины, которую назвал так некультурно — бабой. Советский солдат, мол, не может так грубо говорить. Однако читатели присылали много писем, звонили в редакцию, требовали продолжения рассказа. Я приобрел скандальную славу в своем городе — буря в стакане воды! Но рассказ все-таки напечатали до конца, а меня вдруг позвали работать в газету.

Конечно, не только этот казус привлек ко мне внимание редакции. Много было стечений обстоятельств в пользу меня. Было в редакции несколько заядлых охотников и рыбаков, а если не охотники, не рыбаки, то страшные любители природы — за ягодами, за грибами там или просто походить. Надо

сказать, что первые годы после войны и на Урале, и везде люди в тайгу, на речку ходили очень мало. Лет пять в том же Чусовом массового нашествия на природу не было. Объяснение этому очень простое: люди устали от армии, от казарм, от скопищ в бараках и вообще от поездов и... я не знаю... друг от друга устали! Они хотели в семью, домой, в хибару хоть какую-нибудь и там замирали. И только несколько человек, которых я знал и знаю до сих пор, ходили рыбачить, охотничать, и мы, конечно, постепенно все друг друга узнали. С помощью этих мужиков я и попал в газету.

Мне, как бывшему железнодорожнику, поручили обслуживать железнодорожный транспорт. И лес. Стал я ездить по этим лесам, давали мне лошадь, иной раз с коновозчиком, и ездил я по леспромхозам. В то время кроме тех, что были в комбинате «Чусовлес», переместился из Курганской области, вырубивши там все, так называемый Курганский лесотрансхоз. А потом начали плодиться невероятные конторы: «Ростовлес», «Кабардалес», «Грузлес», «Астраханьлес» — каких только там контор не было, и все рубили. Ну, «рубил» — это слишком уж литературно сказано. Все губили лес. Наступление шло страшно: заканчивается рубка леса в Казахстане, в Кировской области — и все перебрасываются на Урал, на Урал... Дальше, как сказал Чивилихин, человек взмахнет топором — и перед ним засветится тундра, он оглянется на погубленное сзади себя и скажет: что я наделал?!

Но как сегодня, так и тогда хозяйственники наши об этом мало думали. По другим поводам мысль горячили. Вот ведь додумались на Чусовой! В конце 50-х, когда с лесом стало плохо, начали сдвигаться к рекам. И вот на Чусовой, я уж не говорю про остальные реки, на Чусовой, жемчужине, туристской реке, ставили лебедки на лед, затаскивали трос на скалы и оттуда сдергивали сосняк. Где спилят, где с корнем, где как... А ведь это же надо было двести тысяч лет, чтобы деревья могли утвердиться на скалах, найти себе там среду обитания. Две-три тысячи лет... И вот эти соснячки, рисованные... Конечно, стащить на лед, на берег они могли ну двадцать, пятнадцать процентов, остальной лес просто разламывался в щепу на камнях, падая, калеча другие деревья, кусты, траву, ягоды... И это длилось несколько лет, управу найти было невозможно... Теперь-то меня не удивит подобным варварством, я теперь наблюдаю варварство запланированное, организованное, как, например, гибель леса во время сплава по рекам Сибири... А тогда было не в привычку... Да невозможно к этому привыкнуть! Хоть тогда, хоть сегодня.

В первый раз я выступил в защиту леса в 1953 году. Как сейчас помню, был такой клишированный заголовок. Я с юношеской писательской самоуверенностью назвал статью «Думы о лесе». Она была в защиту кедр. Если в Сибири кедр — повсеместное дерево, то на Урале он растет только вверх по хребту и кое-где по спускам. На Урале у него корни стелющиеся, и он стоит только до тех пор, пока есть лес вокруг него. То есть братство совер-

шенное, предусмотренное природой. И когда леса вокруг повыверушали, кедр стал выпадать сам. Что поделаешь, в отличие от наших Саянских гор Уральские горы старые, у них очень слабый покров, почва там заболоченная, — когда появились в леспромхозах трактора, они даже на вершинах гор в грязи тонули. Я однажды чуть лошадь хорошую не утопил. Решил спрямить путь, по старому волоку подался лесовозному, а там — болото, и хорошо, я хоть вовремя догадался соскочить с лошади. Сначала она храпела, прыгала, потом смотрю, она уже садится на зад, а сядет — все, завязнет насмерть. Тогда я уж давай ей сам помогать, за повод тянуть, твердые места начал показывать; ну, лошадь — существо умное, она стала ставать ближе к пням, и все-таки я ее вывел к берегу, выкупал и попросил у нее извинения: лошадка, прости, больше я никогда на Урале не полезу в неизвестные мне места. Да-с.

Ну, собственно, тут рассказывать долго не о чем. Я стал свидетелем того, как уничтожалась уральская природа, на моих глазах. Лес был частично погублен уже в войну, многие заводы, в том числе Чусовской металлургический, работали тогда на древесном угле, вырубались, конечно, ближние, наиболее доступные леса... Но тем не менее за войну как раз много отросло, и, как ни странно, может, четыре года войны для животного мира, для птицы, для леса и на Урале, и в Сибири были самым благодатным временем. Есть такое противоречие в природе: когда люди истребляют друг друга, им не до животных, не до птиц. Это уже года с 54-го, 55-го пошли так называемые пикники, «народные гулянья». С них началось просто разбойство какое-то, насилие над природой...

И все-таки это можно было считать невинной забавой по сравнению с тем, как изгаляются до сих пор над родной землей, вскормившей их, наши хозяйственные руководители всяких рудников, леспромхозов, заводов и фабрик и тому подобных.

На моих глазах совершались такие чудеса... Во многих городах Урала иной год, а в Губахе — да и в Чусовом, и в других — ежегодно картошка не могла цвести. Набирает цвет, становится от сажи, от газов мохнатой такой, как тряпка. Цвет опадает, и картошка, бедная, рожает! Это просто растение какое-то такое нам матушка-природа дала, видимо, за то лучшее, что в нас еще есть, чтобы нас сохранить — вдруг еще задумаемся. Без картошки что мы? — умерли б давно голодной смертью.

Ни разу за все время, когда я работал в газете, ни одна комиссия, и тем более исполком, не дали нам опубликовать цифры загазованности города. Потому что они ужасны, я их знаю, они ужасны. Да не только в Чусовом. Я однажды подлетал к Орску, друг у меня фронтовой там живет, и вдруг почувствовал, что самолет вот-вот развалится, его стало трепать — это мы пробивали двухкилометровой толщины смог. А когда пробили, открылась картина: оранжевые, синие, черные, серые дымы стояли столбами, небо ими подперто. Это Орско-Халиловский комбинат. Один только, а сколько их таких... В Чусовом по весне все лужи были в желтой пленке — от

феррованадия, от газов. Поумирали деревья. Сколько ни садили — все умирали. Мы только информацию дадим: «Высажено десять тысяч лип, тополей» — и все, смотришь — прутья стоят одни. Выбросит листок, стоит, стоит, мучается и — замрет...

Да что деревья... Люди-то как выживали, не пойму... В Чусовом, когда я там работал, 12 лет не могли пустить автобус, рабочие ходили пешком; 15—20 лет не строили мост на другую сторону реки, задыхались все на одном пятачке. Долго, до прихода Володи Хохолкова на должность секретаря горкома, даже не асфальтировали улицы; сверху, с горы, где почему-то расположили ассенизационные ямы, ливнями сносило все в город: дохлых собак, тряпье, телогрейки старые — и все это лежало под окнами, прело... Только через 18 лет после войны начали строить Дом культуры. Догадались в 50-х годах ликвидировать подсобное хозяйство, которым жил завод и в войну, и после войны; а когда наступала кризисная пора с продуктами, их в первую очередь отбирали у Чусового, чтобы накормить большие города, где больше власть имущих... В то время похоронили мы с Марь-Семеновной свою первую дочку, благодаря «заботам» нашего родного учителя и вождя и его соратников, кормить нечем было, вот и похоронили...

И я, работая в газете, наблюдая все это, писал какие-то статьи... о передовых методах обрубки сучков. А ни о чем другом писать было просто нельзя. Ведь мы в печати доживали до того, что критиковать уже могли только одного Эдуарда Германовича Шпигеля, это был музыкальный работник в Чусовом, он во всех школах, во всех детских садах играл на аккордеоне. Когда ему говорили: «Эдуард Германович, ты же неправильно ноту взял!», он отвечал: «Да, неправильно, сразу возьму правильно». В конце концов мы его докритиковали до того, что он принес нам аккордеон, поставил на стол в редакции и сказал: «Нате, играйте сами!» А у нас играть никто не умел... Но газетку все равно заполняли. Этими: «Встав на трудовую вахту...», «В честь...».

Потом я работал на радио, разъездным корреспондентом, у меня и зарплата стала больше, и гоночары пошли приличные. Мы начали налаживаться жить, избушку построили свою. Я сам строил, после работы, и колотил молотком чаще по руке, чем по гвоздю, после чего следовали громкие высказывания, от которых даже вороны отлетали вверх, и теща моя, человек тихий, добрый, выросшая девятирех детей и всего, как говорится, изведавшая, когда ее спросили, что-де за мужичонка на пустыре строится, больно, мол, «боевые» у него выражения... постеснялась признаться, что это ее милый зять, и тихо удалась... Ну вот, так на радио я выдержал только полтора года: радио — это же еще безответственнее, еще хвастливее, еще гремучее! Я уж работал-работал, потом принес заявление, подал: «Увольте, еще год поработаю — перестану себя уважать». А мне хоть каплю уважения к себе надо было сохранить, я же собирался в литературе, так сказать, работать, ну как без уважения к себе можно работать в литературе, хотя бы маленького... Устал я слушать фан-

фаронство. «Авангард России», «хребет» там... «прогресс»... Сам какие-то слова научился сочинять — боже мой, боже мой! Чем хуже становились дела, тем больше словобряцания.

Устал, устал... Эти одиннадцать лет жизни в Вологде — по существу, на чужой стороне, — особенно первые пять-шесть лет, я просто не мог надышаться кислородом какой-то скромности, простоты, сам себя хотел ушибнуть: где я нахожусь? После Урала-то... Это уж вы акклиматизировались, привыкли ко всему — к дымам, к этим длинным трубам, длинным речам... Вот только дети привыкнуть не могут... Недавно услышал по радио передачу о том, что жить на Вильве нельзя. Пионеры написали: мы живем в городе Гремячинске у реки Вильвы, но мы не можем ни купаться, ни воду пить, потому что реки как таковой не стало, все русло забило топляком. Я думаю: господи помилуй, я уезжал — там уже рубить было нечего, где же находят? Овраги, значит, обрубают, все подчистую, идут по второму, по третьему разу на старые вырубки...

Тягчайшие у меня воспоминания о том, что сделали с Уралом, тягчайшие... Вот о народе ничего плохого не скажу, вспоминаю его только добрым словом. Я учился в школе рабочей молодежи, в железнодорожной, очень хорошая школа, не здание — оно, конечно, деревянное было, развалюха, — а дух тот, что в школе был. Я был самый старший, поступил двадцати четырех лет. Ребята ко мне относились хорошо. Чтобы кто-нибудь пришел в школу пьяным!.. Вот выпивших несколько раз видел, так они только подхихикивают от смущения, и всё, и учителя говорили: Бушуев там, или еще кто-то, давайте отправляйтесь домой, проспите, потом приходите в школу. Никакого маразма, учились, старались, а ведь все еще и работали... В газете у нас народ был непьющий, после нас, позже начался развал. Мы могли в праздники безо всякой водки повеселиться, попеть, подурчиться, поплясать, сходить в тайгу. Удивительная дружность была какая-то... Чтоб чувовляне когда-нибудь бросили тебя в лесу, не помогли — на охоте всякое бывало, — никогда, на себе вынесут, последний кусок хлеба разделят. Пусть меня забросают кирпичами, если я скажу против этого народа что-нибудь плохое... Это сейчас среди пролетариев появилось какое-то затаенное существо со своими дачками, машинами, своей психологией, моралью, которое мы породили, мы, мы, мы!

Теперь вот наши тоже научились: «Сибирь!», «Прирастать Сибирью!»... Давно эти лозунги укоренились в сознании руководителей нашего края. Им сказано: «осваивать Сибирь», и они ни от чего не отказываются, ни с чем не согласуются. Хотя еще многое можно было бы приостановить, исправить. Положение в Сибири сейчас примерно такое, как было на Урале в 50-х годах. То есть еще есть лес, еще есть чистая вода, еще кое-где можно дышать... Но многое уже потеряно. Красноярская ГЭС построена с такими нарушениями экологического порядка, с таким обманом!.. Вот обещали, что Енисей не будет замерзать ниже плотины всего на 30 километров, то есть кромка льда должна была быть

где-то в районе моей родной деревни. Кромка льда нынче — на 300 километров от плотины. И мы живем зимой в морозном тумане, страшно увеличилось количество бронхиальных заболеваний... Гибнет вода. Приезжали ленинградские ученые, замерили, подсчитали: вода мертва на 90 процентов... И вот вторую на нашу голову построили, еще более толстую, более мощную — Саяно-Шушенскую ГЭС. От нее уже на 100 километров идет просто черная вода. Лес там почти не рубили, и остался он под водой, разлагается... На строительстве Богучанской ГЭС уже пытаются как-то решить эти проблемы. Там по проекту должно было погибнуть, уйти под воду 15 миллионов кубометров ангарской сосны. Так они что-то изменили в проекте и сейчас собираются 5 миллионов из этих 15 свалить. Как они этот лес будут вывозить — не знаю. Вместо того чтобы давно уже протянуть на Богучаны железную дорогу, дорубают последний лес на реках, нашу Ману — красавицу, сибирскую Чусовую — уже добились молевым сплавом...

Мы пытались протестовать. Наши кинематографисты (у нас в Красноярске филиал Свердловской киностудии) по сценарию писателя Сергея Задерева сняли фильм «Плотина» — против бездумного насаждения в крае бесчисленных ГЭС. Руководители края старались помешать выходу этого фильма. Потому что богатеи-«хозяева» в крае — гидростроители. Они сказали: «Строили и будем строить!» Туруханская ГЭС будет строиться. Всего планируется 12 гидростанций. Туруханская — шестая. Это будет бедствие для всего края. Она ставится в таком месте, что подтоп от нее разольется на 1400 километров, по существу, затопит большую часть Эвенкии — земли, где в недрах лежит черт-те что, несколько разведанных богатых месторождений будет затоплены, а сколько еще не изучено... Но самое главное, что все население Эвенкии гнездится на Нижней Тунгуске, на ее притоках, в глубин материка его почти нет. Значит, будут затоплены коренные поселки, уйдет под воду история, культура целого народа...

Вот тут я не выдержал, читатель, извини, что прерываю астафьевскую речь. Долгое время я сидел почти без слов, лишь изредка задавал уточняющие вопросы или вставлял реплики, незначительные для того, чтобы фиксировать их на бумаге. Слушал Виктора Петровича, а он рассказывал, будто писал новую повесть, повесть воспоминаний, печальную, как его недавний роман. Слушал и каким-то вторым, кипящим слоем сознания воскрешал в памяти картины своего собственного прошлого, когда я вот уже почти двадцать лет тому назад пришел работать в маленькую газету, такую же, как «Чусовской рабочий», и начал, вспыхивший, молодой, рьяно писать фельетоны о всех непорядках, что видел вокруг. И меня специально вызвали в горком и сказали: «Не с того начинаете, молодой человек!» И я притих, научился тоже слова какие-то сочинять, «высоким штилем»... Да, пусть меня забросают кирпичами мои земляки-уральцы, но не за то, что безропотно принимал горькие и гневные слова сибиряка Астафьева о разоре моей же родной земли, а за то, что молчал, не бил в набат еще в те годы, еще тогда, когда дед мой забросил одноствольное ружьишко на чердак, потому что у него не было вертолета, чтобы летать на охоту за 100 километров от ближайшего жилья,

а ближе даже зайца не осталось; и тогда, когда официальным решением закрыли единственный в наших краях заповедник «Денежкин Камень», тем самым стыдливо признав право сильного — леспромпхоза, уже вломившегося в «охранную зону» и разогнавшего там всю живность, — заповедник закрыли, когда там уже нечего стало охранять... Я вспомнил опустевшие мансийские поселки, которые прохожие туристы растаскивали на костры, и все это в мгновение связалось с рассказом эвенкийского писателя Алитета Немтушкина, который водил меня по Красноярску, показывая город, но больше говорил о сегодняшних бедах родной Эвенкии, всего края, попавшего в железные челюсти экстенсивного развития промышленно-энергетического комплекса, когда уже крутится вхолостую половина агрегатов одной ГЭС — энергию некуда передать, а рядом воздвигается еще один памятник доблестным гидростроителям, надгробие лесам, лугам, поселкам, деревенькам, — надо же осваивать миллионы, отпущенные щедрой рукой Госплана... Это наследие уходящей эпохи, когда все заслоняла погоня за валом, гигантомания. Быстро меняются времена, но медленно перестраивается сознание людей. Хотя уже заметно меньше стало благодушных убеждений в том, что завтра все, как в сказке, переменится: враз перестанем губить природу, и она оживет... Нет, предстоит нелегкая, последовательная, поэтапная работа.

— Я повторяю, это не мои слова, это слова очень хорошего человека, заведующего экологической кафедрой нашего Красноярского института цветных металлов Виктора Ивановича Зверькова, к сожалению, недавно умершего, он на «круглом столе» сказал так: с нынешними людьми, с нынешним поколением возможно сделать единственное — до минимума убавить потери, создаваемые в природе нашими методами хозяйствования. Враз остановить весь этот грабеж природы мы не сможем — вся наша жизнь тогда останвится, у нас нет ни технологии, экологически безопасной, ни техники такой, ни умения и желания так пользоваться техникой, чтобы не наносить ущерб окружающей среде.

Недавно еще один фильм смотрел — «Госпожа тундра», тоже наши снимали, филиал Свердловской киностудии, свердловчане им свободу дали, раньше они были филиалом Новосибирской студии, та вообще ничего не пропускала, Новосибирская самая правильная, а свердловчане наших распустили, вот они давай дипломы получать на всесоюзных кинофестивалях, на международных, за фильмы «Плотина» и «Госпожа тундра», который по сценарию Саши Михайлова снят, главного редактора нашего филиала. Так, значит, в этом фильме показывают, как ведут отстрел оленей с вертолетов. И стреляющие, и организаторы этого знают, что они всех застреленных оленей, разбросанных по тундре, не соберут. Процентом 10, ну 15, остальных потеряют. Во-вторых, стреляющие и те, кто спустил этот приказ, знают, что убежавшие от пуль олени тоже умрут — от долгого гона у оленей в легких лопаются бронхи, и они захлебываются кровью. Все равно стреляют! Хуже придумали: дожидаются оленей на реке, на переправе, и стреляют их, плывущих, наверняка, потому что плывущий олень беспомощен, увернуться не может, и их расстреливают в упор, окружив моторками. Маленькие оленки тонут, раненые

олени, спасаясь вниз по течению, тонут. Как могли придумать такое! Ведь наши же институты кончали, студентами советскими были, песенки пели про родину, землю родную... Совершенно озверел человек, потерял природные инстинкты... В этом же фильме есть момент, когда волк, загнанный летучими охотниками, бросается на вертолет, придавливающий его. Смотрели мы этот фильм, Валя Распутин рядом сидел, говорит: «Апокалипсис!»

А когда я читал уже подготовленные к печати гранки этой беседы, в газете «Красноярский рабочий» появилась бодряя информация о том, что нынче на Таймыре будет заготовлено (читай — истреблено) 44 тысячи диких оленей. Ну ничегошеньки наши слова, стенания и слезы для этих горе-охотничков не значат! Последние взгляды человека, зверя, птицы, которые довелось мне видеть многожды, оставляют нам упрек, в них застывают боль, мука и непрощение. Да что этот страдающий взгляд жертвы для зверя в человеческом облике?! Он не почитает не только праматерь свою — природу, но и родителей своих. Не боится крови, грома, молний, смерти, — и невольно закрадывается в сознание давящая мысль: «А может, мы достойны той страшной участи, которую уготовили сами себе?..»

Земля нам досталась богатая, и вот мы десятки лет куражимся! вон сколько у нас всего, миллиарды-миллионы! Да нету уже этих миллиардов! Ситуация изменилась, природные ресурсы во многом израсходованы, и наши хозяйственники это прекрасно знают, тот же Госплан, но все равно планируют, например, что числится по стране 125 миллиардов кубометров спелого леса — которые, по моим предположениям, наполовину погублены пожарами, шелкопрядом, неразумным хозяйствованием. Наши лесозаготовители на Абакане мне показывали: вот, спущен план — столько-то заготовить ели, столько-то сосны... Нет сегодня на Абакане ни ели, ни сосны. И те, кто план такой спустили, знают, что мы будем рубить кедр, и мы его рубим. Тащим. С трудом таскаем, а весной у нас его подхватит половодьем, унесет. Половину по берегам разбросает, по островам... Наверно, можно выехать на место, посмотреть, что от леса осталось, сосчитать. Пора наконец, как Ленин учил, вести строгий учет. Но для наших чиновников это сложно! Они сидят, разбирают... роман «Печальный детектив». Целыми этажами, понимаешь, сбегаются: «Очернительство! Наш советский человек...» Они вот — советские человеки... Я как-то искал в Москве Министерство финансов, запутался в этих бесчисленных конторах, устал, ошалел, несмотря, что кругом сплошные вахтеры, проходил свободно в разные помещения — на всех этажах молодцы в шахматы играют, двое играют, шестеро болеют, в середине дня... Целые дома ими набиты, восьми-девятиэтажные, все чем-то управляют... Однажды я видел: по улице Кирова хлынул чиновник, рабочий день у них кончился, и они, будто в засаде выжидали, хлынули всей массой, на улице полчаса все движение остановилось, пока весь чиновник не изошел. Я смотрел-смотрел, и вдруг, как чертово наваждение, представилось, что все они распоряжаются лесом, водой, воздухом нашим...

— Да-а... Слишком много хозяев у природы развелось... Нужен один хозяин, один защитник, который начнет по чайной ложке выдавать... Чтобы его просили, упрасивали, этого хозяина, прежде чем в природу лапу запустить...

— Вот когда припечет уж совсем, станет нечем дышать, нечего жечь, нечего есть, тогда и появится обязательно единый хозяин, орган и защиты природы, и нападения на губителей ее... У нас сегодня много создано специальных отделов, комиссий по охране окружающей среды, но все они при разных ведомствах — одни воду защищают, другие воздух, третьи землю...

Сегодняшняя наука умеет только фиксировать потери в природе. Вот у нас на Гремячей горе, здесь, в Академгородке, находится отделение института, изучающего проблемы леса. У него прямо под окнами гибнет березовая роща. А они, ученые, десанты выбрасывают в тайгу, там шелкопряд в коробку складывают, подсчитывают мух, гусениц... Ребята здоровые, рыбачат, ягоду берут, грибы заготавливают, возвращаются довольные, загорелые — где уж им до тех березок, что под окнами их кабинетов скукожились! Вот погибнет весь лес вокруг, они переместятся на другое место и опять будут подсчитывать. Кандидатские, докторские диссертации защищают на этом, а лес защитить не могут!

Нужен, нужен единый орган защиты природы. И такой орган надо создавать уже сегодня, сейчас. А то, как много раз прежде, поговорим, пары спустим — и на этом все кончится. Потом спохватимся, как спохватились на Урале. Несколько лет назад я видел на Камском водохранилище объявление, что до середины июня выход на воду моторным лодкам запрещен. Это чтобы, значит, не мешать нересту рыб. В том месте, я знаю, полторы-две тысячи лодок — целый флот. И вот он стоит, весь законсервированный... Это надо было сделать 30—40 лет назад! А теперь что же... там уже некому нереститься. Кроме дачников... В том же Чусовом перевели наконец котельные на газ, много труб дымить перестало — воздух чище стал, природа начала оживать и людям легче. Но ведь можно было сделать это раньше, не в таких судорогах, как сейчас... Мне кажется, Урал сегодня для всех, и особенно для нашего края, модель того, что будет с нами лет через 50. А то и раньше. С нынешними-то темпами. Мы с вами можем лишь свести потери до минимума. И учить новое поколение хозяйствовать по-новому.

— *Времена меняются — может, удастся что-то сделать при нынешнем поколении? Вот вышло постановление Политбюро ЦК КПСС по Байкалу, за ним второе, в котором строго спрашивается с нерадивых руководителей, отложивших выполнение первого постановления в долгий ящик. Выходит, сегодня Политбюро выступает в роли общегосударственного, и наиболее действенного, органа защиты природы. На совещании в ЦК КПСС перед июньским Пленумом предложено закрепить в Законе о государственном предприятии положение о строжайшем учете и оплате природных ресурсов, которые использует предприятие. Хочешь получать больше прибыли — рациональнее расходуй сырье, руду, воду... Побольше бы таких законов!*

— Законы у нас хорошие, с самого 1917 года, но, к сожалению, на исполнение их смотрели и смотрят сквозь пальцы. Лево́й рукой жмут: «Соблюдай закон!», а право́й дают: «Давай план!». Давай план, прибыль, валовую продукцию, давай гони лес, руду, то, другое... Редко еще спрашивают по закону, и не так, часто бывает, спрашивают. Вспоминаю, на Урале был такой случай. Спалил один ротозей гриву леса на косогоре. Его поймали и судили. Судья вынес вместо штрафа такой приговор: чтобы виновник засадил выжженный косогор. Три года злоумышленник таскал в мешках саженцы и ухаживал за ними, пока не поднялась молодая рощица. Он сам говорил потом, любуясь рукотворным лесом: «Вот если бы всех паразитов эдак — тогда и леса были бы у нас целы, вода и воздух чисты...»

Думаю, что не по суду, а по доброму желанию каждый гражданин нашей страны должен минимум один день в месяц поработать на природе. Пора вводить во всех без исключения школах и вузах специальные уроки природоведения, ибо разбой в природе происходит не всегда от жадности, порой и от неведения.

Я был в совхозе-миллионере, 200 километров отсюда, богатейший совхоз, 800 рублей доход на душу населения, со мной директор ходит, показывает. Совхоз стоит в безводной местности, они догадались — загородили ручеек, сделали пруд. Я говорю: «Владимир Иванович, дальше надо идти, дальше...» — «А шо, Виктор Петрович?» — «Надо вокруг пруда лес насадить, кустики, чтобы летом тень была...» — «Да коровы съедят!» — «А вы пастухов наказывайте, чтоб следили... Вам же нужен лес, у вас, вон, первый березняк в 18 километрах...» — «Правда, — говорит, — ведь... Знаешь, Виктор Петрович, в суете все как-то в голову не приходило...» Я говорю: «Вот сейчас первоклассники посадят, а когда доучатся до десятого класса, уже будут деревья, под которыми можно в тени отдохнуть, книжку почитать...» Он говорит: «У нас денег много, мы готовые деревья купим». Я говорю: «Да свой лес посадите! Ребятишки за саженцами ухаживать будут, потом веточки не сломят. Рыбу в пруд запустите. Карасей или карпов, побольше, раз у вас деньги большие... И от вас уезжать никто не будет...» Потом спрашивал — посадили, ага. Правда, ломают, но порядочно уже подросло, ребятишки любят, с удочками по берегам сидят...

В Томской области, в Колпашевском районе я встретил школу, которая стоит в кедровом бору. Лет ворок назад, а то и больше, ребятишки принесли орехов или саженцы, потом из класса в класс, из поколения в поколение передавали эту работу и заботу, и вот уже кедровые суют лапы прямо в окна, ребята заготавливают орех тут же, в школе, сдают его в лесхоз за деньги и приобретают школьный инвентарь, снаряжение для походов. Мы к такому не привыкли, мы ведь стали барчатам нашим на все деньги давать, откупаться. Американские дети миллионеров, значит, сами на развлечения зарабатывают, а мы в своем трудовом государстве барчат растим. Колпашевские ребята не такие, они у родителей денег не просят. С детства приучая себя к самостоя-

тельной жизни и труду, они и в походах умеют все делать и быть самостоятельными.

Ах, как бы мне хотелось, чтобы возле каждой нашей школы зазеленели боры и дубравы, чтобы дети не только учились грамоте, но и труду с раннего возраста, видели бы и знали, как выращивается хлеб, картошка, всякие другие овощи, как птички малые высидывают и выкармливают своих птенцов, как непроста жизнь в лесу, в воде, в воздухе, где обитают братья наши меньшие, нуждающиеся не только в помощи, но и в защите человека...

Уже дома, в Свердловске, я несколько раз переписывал нашу беседу с Астафьевым. Закостеневшая в старых газетных привычках рука не поднималась перенести на бумагу резкие, кровоточащие болью и гневом слова. Можно ли,—точил душу ядовитый червь сомнения,—можно ли такое выносить на суд читателей, ведь среди них есть дети... Можно! И нужно. Пусть это звучит пока янием нашим и предостережением будущему поколению.

Мы виноваты. В памяти моей колотится, не умолкает астафьевский вскрик: «И я, дурак, молчал! Не надо обольщаться тем, что мы сами землю не губили, мы допустили всё это, мы!» С высоты своего положения, как с горного полета, где холодная и кристально чистая пустота, он мог бы, и право имел, метать молнии, обвиняя и кляня, но... если бы каждый из нас так мучался сознанием своей собственной вины перед жизнью земной, перед будущим...

Вспоминаю заключительные строки «Царь-рыбы» Астафьева:

«Так что же я ищю? Отчего мучаюсь? Почему? Зачем? Нет мне ответа».

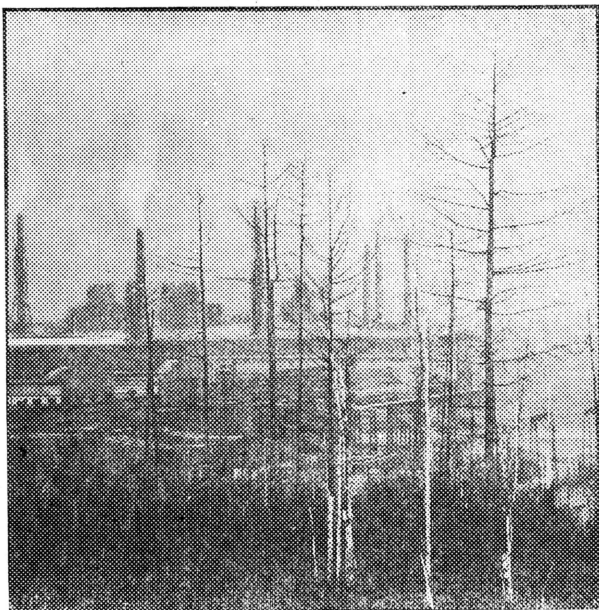

Фото Игоря Верещагина

ЛЮБИТЬ СВОЙ КРАЙ

Из материалов встречи
за «круглым столом», проведенной
редакцией альманаха «Енисей»

Писатель А. И. ЧМЫХАЛО:

— Самые лучшие, самые плодородные земли мы оставили под водами Красноярского моря. Земли, которые кормили полкрая. Водохранилище Березовской ГРЭС-1 затопит реликтовый торфяник «Сосняк-хазрак». По нему мамонты паслись, он пережил мировые катаклизмы и сохранился до нас. Радоваться бы и беречь как зеницу ока. Но пришли молодые, энергичные преобразователи природы, срубили бор над торфяником, утопят его. А ведь был проект строительства плотины ниже по течению — отвергли проектанты из Ростова, тот проект был дороже. Не нами — классиком сказано: не гонялся бы ты, поп, за дешевизною...

Может быть, уже настало время отказаться от гигантомании? Мы всегда кричали: больше всего в мире, лучше всего в мире. Довхвстались. Наконец-то признали действительное положение дел. А те, кто составляет проекты, — продолжают для Сибири проектировать «самое большое». «Энергичные ребята» из ленинградского института имени Жука, из московского «Гидропроекта», ростовского «Атомтеплоэлектропроекта»... Да и те, кто в Москве утверждают проекты для Сибири... Все они тут не живут, и дети их тут жить не будут. Им все равно.

Академик А. С. ИСАЕВ:

— Мне приходилось принимать участие в экологической экспертизе некоторых крупных проектов. Странное дело: они направлены на создание трудностей. А потом еще создаются проекты, чтобы эти трудности исправлять. Как на КАТЭКе сейчас. Или, скажем, нам задают вопрос: сообщите методы оценки качества воды в водохранилищах, где затоплен и гниет лес? Понимаете, какая постановка вопроса: сначала лес по проекту утопили, вместо того чтобы по проекту спасти, теперь нас просят: помогите оценить ущерб. И как с таким бороться?.. Почему не сделать было это на стадии предпроектных проработок ГЭС? Мы вышли с предложением в компетентные органы: все крупные проекты для Сибири должны проходить экологическую комплексную экспертизу СО АН СССР...

Писатель В. П. АСТАФЬЕВ:

— Нам надо сейчас объединить усилия. Не для эмоциональных, так сказать, разгрузок, а для того, чтобы заниматься делом. И защищать природу не вообще, а начинать с нашей малой родины, своего края. Защищать свой край пока. Надо нам всем его больше любить... Только действия и только усилия заинтересованных людей, причем совместные действия, могут приостановить разграбление и уничтожение природы.

Записал В. КОМОРИН

У МЕНЯ ЕСТЬ

1.

Дым отечества белый-белый.
Красных листьев дымит костер.
Снова вечный вопрос

«Что делать?»

Перед нами встает в упор.

Дым отечества горький-горький
в небесах голубых — столбом.
Весь охваченный перестройкой
вздуроражен наш общий дом.

В этом доме я —
скромный житель,
меж рабочего класса —
свой.
Спутник, движимый по орбите
притяжением и судьбой.

Я копался в своих проблемах:
дом, работа, друзья, родня...
Но горячая эта тема
вдруг обрушилась на меня.

Память тянется тонкой нитью,
бьется сердце эпохе в такт.
Без претензии на открытие
понимаю я это так:

что в моменты больших свершений,
что в минуты работы злой
нас немало.

И в каждом — Ленин.

В каждом — личный.

Особый.

Свой.

Очищающий,
вечный,
главный.

Выше этого — ничего.
Сознаюсь, что совсем недавно
я в себе ощутил его.

Я проник в существо явлений
в тридцать восемь неполных лет,

осознал:

у меня есть Ленин,
а не только мой партбилет.
И решился.

Уж как сумею —

извиняться не побегу.
Потому что я тоже смею,
и посмотрим —

а вдруг смогу!

2.

Как я жил? —

отдыхал, работал.

Бил баклуши, варил металл.
Про космические полеты
с гордым чувством статьи читал.

Отрастало с годами пузо,
и беспечно, как механизм,
верил, братцы, и в кукурузу,
и что завтра же —

коммунизм.

Дух застойных витал явлений,
проникающий в каждый дом.
А со стен улыбался Ленин,
дескать, верным путем идем.

Тоже верилось —

как не верить! —

в светлый будущий идеал.
Про ежовых и прочих бериев
он не знал.

Да и я не знал.

Кто-то брал через силу ношу,
я, пожалуй, жалел того...
Мордовали людей хороших —
я был там же.

Где большинство.

Коллекти-и-в!

Это ж очень-очень!

Он верховный судья и мать!
«Коллектив бывает порочен», —
кто посмел бы тогда сказать?

Кто открыто и непредвзято
объяснить бы решился вдруг:
«Это вот —

коллектив,

ребята,

ну а это вот —

склочный круг?»

Так я жил.

И другие жили

под гипнозом округлых фраз.
Мы за что-то других любили,
и за что-то любили нас.
В ежедневности устремлений,
наблюдая то снег, то дождь,
отрешенно я мыслил:

«Ленин —

он, конечно, провидец,
вождь...»

Пролезал сквозь репейник «измов»,
как слепец на лихом коне.
О «развитии» ленинизма
прожужжали все уши мне.

Я и верил,

развесив уши.

Был покладист, сговорчив, тих...
Толкователи, мать их в душу, —
сколько было на свете их!

Толкователей время судит.

Но припомни,

моя страна:

словно клятву шептали люди
перед боем их имена.

Вот и верь,

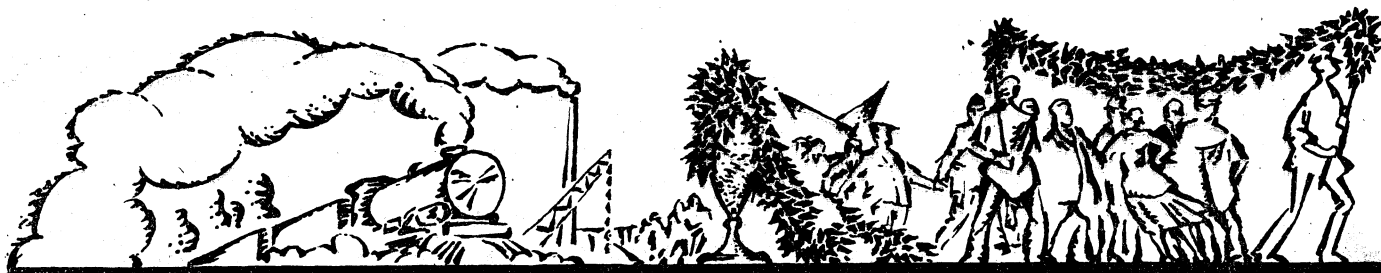
что вранье бесплодно,

что беспспорен наш славный путь,
что нельзя обмануть народы.
Можно запросто обмануть!

И внушить им,

как будто Ленин,

ну, а Ленину всех видней, —
автор всяческих направлений
и сомнительных рубежей.

ЛЕНИН

Александр ЧУМАНОВ

Рисунок Владимира Ганзина

Будто он для всего Союза,
как основу наших основ,
завещал растить кукурузу
и упорно искать врагов.

Люди слушали.

Нет, внимали,
как наверх выползает Зло.
И в ряду с производством стали
производство глупцов росло.

Прихлебателей и начальства,
проститутток и алкашей...
И росло с каждым днем бахвальство,
Кривда Правду гнала взащей.

Дым отечества —
газ угарный,
цвета, запаха он лишен,
если Правда непопулярна
между прочих
других имен.

И сидит она без работы,
и живет шепотком, во сне,
если с пакостным анекдотом
Правда-матушка наравне.

3.

Так я жил.
Да и все так жили,
подперев косяки плечом.
И, естественно,
не тужили.
И, естественно, —
ни при чем.
Ели, стало быть,
щи да кашу,
говорили не «я»,
а «мы»...
Неожиданно Правда наша
появилась на свет из тьмы.

Взбудоражила наготою,
обжигающим светом глаз,

неподкупна,
как верный воин,
наша Правда пошла на нас.

Что нам голос чужой «Европы»,
да и голос другой земли,
оказалось —

в какую пропасть
толкователи завели!
Слабонервные пали сразу:
«Что же, правда —
не благодать?»

Надышавшись угарным газом,
неужели не устоять?..

Как-то больно и необычно
стало жить.

Растеряв покой,
кое-кто загрустил привычно
о любимой реке стальной,
избавляющей от соседства
сомневающихся сердец...

Может быть,
затяжное детство
покидало нас, наконец?..

В эти дни, непростые очень,
жизнь как будто шла нагишом,
не спалось мне.

И как-то ночью
я раскрыл самый первый том.
Не впервые, конечно,
в жизни
привелось почитать его...
Оказалось,
о ленинизме
я, дурак, не знал ничего!

Отвечал, бывало, экзамен,
сам с тоскою глядел на дверь...
Что стояло пред глазами —
стыд какой вспоминать теперь!
И теперь, углубленный в чтение,
знать, впервые за все года,
я почувствовал просветленье,

исцеленье,
прозренье,
да!

Слабый голос мой грянул зычно,
подступила боль горяча,
я почувствовал —
должен лично
заступиться за Ильича!

В кабинете кремлевском сидя
или руку простирая в зал,
он же всю нашу дурь предвидел,
а предвидя —

остерегал.
Прожекторам любых формаций
зарубить бы на все века:
он умел до всего дознаться
из далекого далека!..

4.

Мне уже мерещится осень.
Осознал, в чем моя беда.
Очень стыдно,
что в тридцать восемь,
но уж лучше —

чем никогда.
Кое-кто ведь, ни в чем не каюсь,
словно мир —
развеселый клуб,
так и сгинет, не просыпаясь,
с выраженьем смиренным губ.

Я проснулся.
Взошел из лени.
В тридцать восемь неполных лет
понял вдруг —
у меня есть Ленин,
а не только
мой партбилет.

К 70-ЛЕТИЮ
ОКТАБРЯ

УРАЛ— КУЗБАСС

Михаил СОРОКИН

В кремлевском кабинете Владимира Ильича Ленина рядом с письменным столом на книжной этажерке-вертушке стоит чугунный обелиск.

Экскурсовод подчеркивает, что Владимиру Ильичу очень нравился этот скромный подарок металлургов: обелиск был изготовлен в 1922 году из металла первой плавки только что восстановленной домны Гурьевского завода, что на Урале...

— В Кузбассе, на юге Западной Сибири, в двух тысячах километрах от Урала,— довольно робко, негромко пытаюсь я исправить ошибку. Экскурсовод лишь на секунду прерывается, бросает недовольный взгляд на непрошеного помощника и спокойно продолжает свой рассказ.

Мне, жителю Гурьева, ошибка работника музея поначалу кажется обидной. Но, поразмыслив, постепенно начинаешь понимать ее происхождение. Между Уралом и Алтаем, между Уральским и Алтайским горными округами существовали такие прочные связи, что впору согласиться: Гурьевский завод — это частица горнозаводского Урала.

Известно, что железоделательное производство на Урале в XVIII—начале XIX веков достигло значительных успехов. Другое дело Алтай, главный центр добычи благородных металлов в России, где производство чугуна, выделка железа долгое время рассматривались как дело второстепенное, вспомогательное. Поначалу черные металлы и изделия из них завозились на Кольвано-Воскресенские заводы с Урала, пока в 1771 году не построили Томский железоделательный завод. В связи с дальнейшим расширением производства, строительством новых рудников, золотых приисков, каменоломен, угольных копей было решено учредить выплавку черных металлов, производство листового железа на Гурьевском заводе.

Однако дело сразу же не заладилось. После ряда неудач было принято решение пригласить «искусных мастеров с демидовских тагильских или с яковлевских верхисетских заводов, где производство листокатальное находится в самом цветущем состоянии».

Уральские мастера с Верх-Нейвинского завода Афанасий Веревкин и Акакий Пестриков пробыли в Западной Сибири несколько лет и хлеб свой не зря ели. Как сообщила в Алтайское горное правление администрация

Гурьевского завода, «вместо прежнего пленоватого и ломоватого получается теперь настоящее листовое железо, не уступающее по доброте уральскому».

Целая эпоха в истории Гурьевского завода связана с деятельностью известного русского металлурга уральца Павла Петровича Аносова, назначенного томским гражданским губернатором и главным начальником Алтайских заводов. Первым делом он, чтобы улучшить производство металла здесь, выписал несколько мастеров с Златоустовских заводов.

А с 1848 года под руководством П. П. Аносова на Гурьевском заводе началось изготовление сибирского булата. По мнению известного историка техники Н. Я. Савельева, булат Гурьевского завода по качеству даже превосходил уральский. Изделия сибирских металлургов были представлены на Всемирной выставке в Лондоне, где удостоились серебряных медалей.

Репутация Гурьевского завода настолько выросла, что сюда поступил крупный заказ на изготовление нескольких десятков орудийных лафетов для пушек Петропавловского порта на Камчатке. Изделия гурьевских мастеров с честью выдержали суровый экзамен в дни героической обороны русской крепости на Дальнем Востоке от объединенных сил англо-французской морской армады.

Еще более окрепли и расширились связи Урала и Сибири после Великой Октябрьской социалистической революции. Творцом грандиозного проекта, получившего название «Урало-Кузбасс», был Владимир Ильич Ленин. Заметную роль в этом проекте играл Гурьевский завод.

Выходящая в Томске губернская газета «Красное знамя» в апреле 1922 года писала:

«В настоящее время Гурьевский завод в Кузбассе является единственным центром, могущим снабжать копи Кузнецкого бассейна чугуном и железом. Советская власть направляла все свои усилия на возращение завода, чтобы получить с него железо и чугун для Сибири, так как Урал не может снабжать Сибирь своим чугуном и железом».

В марте 1922 года на Гурьевском заводе произошло событие, которому суждено было иметь важнейшие последствия для судеб уральской металлургии, для реализации урало-кузбасского проекта. Здесь был получен первый в Сибири чугун, выплавленный исключительно на минеральном горючем.

Журнал «Сибирский горнорабочий» (апрель 1922 года), комментируя это событие, отмечал: «Маленькая домна старейшего Гурьевского завода, построенная чуть ли не сто лет назад, укажет путь к возрождению уральской промышленности».

По поручению Владимира Ильича Ленина с Надеждинского и Сосьвинского заводов в Гурьев было направлено оборудование для прокатного цеха.

В сентябре 1924 года на Гурьевском заводе произошло важное в жизни молодой Советской Республики событие — была получена первая в Сибири мартовская сталь. Год спустя, к восьмой годовщине Великого Октября, здесь был произведен первый в Сибири прокат.

Гурьевский металлургический завод имени М. К. Курако — живая история черной металлургии СССР. С ним были связаны П. К. Фролов, П. П. Аносов, И. П. Бардин, Г. Е. Казарновский и многие другие выдающиеся русские металлурги.

«В СИНИХ КОЛОКОЛЬЧИКАХ ВСЬ СИБИРСКИЙ КРАЙ...»

Владимир ШЕВЧЕНКО

Эти стихи я получил из Москвы. Их прислал Борис Михайлович Трофимов. В юности он жил в Павлодаре.

Однажды, перебирая документы личного архива, Борис Михайлович обнаружил этот, ничем не примечательный листок бумаги. На нем — наспех набросанные строки, а над ними — нотные знаки. И подпись: Федор Лыткин.

«Когда я прочел стихотворение, — пишет Борис Михайлович, — вспомнился далекий летний день семнадцатого года. Наш домик на берегу Иртыша. Отец, только что пришедший с работы. И незнакомые юноша и девушка. В ту пору я был мальчишкой, но отчетливо помню, как, знакомя мою мать, а потом и меня с приезжими, отец называл юношу Федором, а девушку — Ольгой.

В Павлодаре Лыткины прожили несколько дней. Вместе с отцом целыми днями Федор пропадал на реке. Однажды вечером, когда наша семья собралась за самоваром, Федор стал читать стихи. Одно стихотворение очень понравилось отцу, и он сказал Федору, что переложит его на музыку...»

Письмо Бориса Михайловича меня заинтересовало. Дело в том, что, знакомясь в Ленинской библиотеке с павлодарскими изданиями, я попутно просматривал газеты и журналы, выходившие в первые десятилетия нашего века на территории Сибири. Выискивал в них малоизвестные, забытые публикации, имеющие отношение к павлодарскому Прииртышью.

В журнале «Пламя Революции», выпущенном небольшим тиражом в 1920 году в Иркутске, мне встретилась подборка стихов, подписанная знакомыми инициалами.

А вот печальная находка.

«В Олекминске состоялись похороны товарищей, павших жертвами белого террора. Среди тех, кто отдал свою жизнь за дело Революции, председатель Центросибири Н. Яковлев, член ЦИКА Ф. Лыткин...» — читаю в одном из мартовских номеров 1921 года иркутской газеты «Сибирский красноармеец». Той самой газеты, первым редактором которой был Федор Лыткин.

Немногое рассказала биографическая справка в «Краткой литературной энциклопедии».

Федор Матвеевич Лыткин родился в 1897 году в селе Тулун Иркутской губернии. Русский советский поэт, революционный деятель. Студентом Томского университета вступил в РСДРП(б) и выдвинулся как талантливый партийный деятель, оратор, публицист.

Захотелось узнать о Лыткине больше, и я обратился к архивам. Написал в Омск, Новосибирск, Иркутск, Томск. Перечел все, что было издано о Лыткине.

Отец Федора Лыткина по национальности был курдом, мать — русская. В конце минувшего столетия Матвей Лыткин, как политически неблагонадежный, был сослан в Сибирь. В Сибири протекало и детство будущего поэта.

Окончив реальное училище, Федор поступает в Иркутскую гимназию. Учиться, однако, ему здесь долго не пришлось. Вместе с двумя товарищами — Якимовым и Парнаковым в 1915 году за распространение рукописного журнала «Наша работа» Федора исключили из гимназии.

Он переезжает в Енисейск, где поступает в местную гимназию, которую и оканчивает в 1916 году.

После февральской революции Федор Лыткин отправляется в Томск. Успешно сдав вступительные экзамены в университет, становится студентом юридического факультета. В Томске Федор Лыткин женился на павлодарской девушке Ольге Бутовой.

К тому времени имя Федора Лыткина, молодого, подающего надежды поэта, становится известным сибирскому читателю. Его произведения печатаются в журналах «Сибирские студенты», «Путь юношества», «Шиповник», «Комар», «Красный бич». Стихи, подписанные именем отца — Полат-бек Ферик Фетько и инициалами «Ф. Л.», появляются на страницах новониколаевских, иркутских и томских газет.

Октябрьскую революцию Федор Лыткин встретил членом партии большевиков. Юноша, едва покинувший учебную скамью, студент, не успевший пробыть в университетской аудитории ни одного семестра, стал заместителем председателя исполкома Томского областного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Летом 1918 года на втором общесибирском съезде Советов, проходившем в Иркутске, его избирают членом Центрального Исполнительного Комитета Советов депутатов Сибири и народным комиссаром советского управления Сибири.

Народный комиссар и член ЦИКА — в 20 лет!

Когда вспыхнул белочешский мятеж, Центросибирь направляет Лыткина во главе делегации ЦИКА на переговоры к чешскому генералу Гайде — руководителю контрреволюционного восстания. Но мирно решить вопрос с белочехами не удалось. В Сибири началась гражданская война.

И вновь Федор Лыткин на боевом посту. Он редактирует газету Забайкальского фронта «Красноармеец».

Осенью восемнадцатого 18 коммунистов, возглавляемые председателем Центросибири Н. Яковлевым и Ф. Лыткиным, направились в Западную Сибирь. Цель похода — координация партизанского движения против белогвардейцев.

По безлюдной тайге, звериными тропами, останавливаясь в редких зимовьях, шел отряд.

К Тамптонскому прииску, что расположен на берегу реки Олекмы, отряд подошел в последних числах октября. Здесь его ждали семь партизан, посланных на связь. Здесь же и приготовили белогвардейцы засаду.

Еще накануне отряд встретил в тайге охотника, который напросился в проводники. На самом же деле это был переодетый шпик, колчаковский поручик Захарченко.

Ночью колчаковец выкрал замок пулемета, а когда рассвело, на измученных длительным переходом людей обрушились каратели. Несколько часов длился неравный бой. Немало белогвардейцев полегло от метких пуль партизан, но никому из двадцати шести, в том числе и Федору Лыткину, не удалось вырваться живым из окружения. Все они сражались до последнего патрона, оставив последнюю пулю себе.

Прошло более двух лет, прежде чем удалось разыскать в тайге прах павших борцов революции. Зимой 1921 года останки Яковлева, Лыткина, Шевцова и других перевезли в Олекминск, где торжественно похоронили. На их могиле поставили памятный обелиск.

Ну, а стихи, написанные Федором Лыткиным в Павлодаре?

Это стихотворение «Май». Оно посвящено жене поэта Ольге Бутовой. Время создания — 1917 год.

*Синих колокольчиков вольная семья,
Между ними бродим — солнышко и я.
А едва повеет, нарушая сон,
Легкий ветерочек — раздаётся звон.
В этом тихом звоне, нежном полустоне
Много тихой грусти, как в глухом затоне.
В синих колокольчиках весь сибирский край.
Шепчутся березы, мил им теплый край.
И под этот шелест, звона и дремот,
Замирает сердце в лоне сонных вод.*

Автором музыки был переплетчик Михаил Трофимов — отец Бориса Михайловича, приславшего мне стихотворение Федора Лыткина. Трофимов был дружен с Лыткиным. В феврале 1917 года Михаил с семьей гостил у родителей жены в Павлодаре. Здесь его и навещил Федор Лыткин, жена которого Ольга Бутова тоже была родом из Павлодара. Молодой поэт подарил товарищу стихотворение, а тот написал музыку. Вскоре они простились. Как и Лыткин, большевик Михаил Силович Трофимов был убит белогвардейцами вскоре после прихода к власти Колчака.

А стихи Лыткина и ноты остались в его семье.

Сын Михаила Силовича Борис в начале двадцатых годов работал наборщиком в павлодарской уездной типографии. После окончания Оренбургского рабфака поступил в ГИТИС. Затем долгие годы был артистом Московской оперетты.

«Песня Федора Лыткина, — вспоминает Борис Михайлович Трофимов, — появившись в 1917 году на суровых берегах седого Иртыша, взлетела как птица. Ее слышали в Семипалатинске, Оренбурге, Москве и Тбилиси. Ее я пел в Германской Демократической Республике, Чехословакии...

Признаюсь, раньше я нот никому не давал. А сейчас, поскольку сам уже не пою, хочу, чтобы она снова обрела крылья...»

БЕССМЕРТНЫЕ

Александр ВИКТОРОВ

31 января 1921 года в северных волостях Ишимского уезда Екатеринбургской губернии вспыхнуло кулацкое восстание.

В ясный морозный день группа конников въехала из Клепиково в Лариху. Повстанцы бросились по известным адресам. Но опоздали: в селе остался только один член партии — учительница Евдокия Ивановна Сухорукова. Она не могла оставить школу, своих учеников, хотя и знала о готовящейся расправе над ларихинскими коммунистами.

Бандиты вывели Евдокию Ивановну в лютый мороз в одном платье. Привели на сельское кладбище. Сюда же прибежали и все ученики Евдокии Ивановны.

— Ну, рассказывай, как агитировала за Советскую власть, как ты учила ребятшек ненавидеть царя-батюш-

ку? — начал допрос чернорободый кулак из соседнего села Травное Федор Серебренников.

К Евдокии Ивановне подскочил Лукьянчиков, один из подкулачников Ларихи. Это он передал списки коммунистов и комсомольцев бандитам.

— Да чаво вы с ней волюндитесь? — пропищал он. — Она же самый главный верховод тут. Не спрашивать ее надо, а казнить...

Серебренников подошел к учительнице вплотную и стволом обреза приподнял ее подбородок. Угрожающе бросил:

— Ну, говори!

— Ничего я вам не скажу, бандиты!

Кулаков взбесила смелость этой хрупкой женщины. Они стали выкручивать ей руки, разорвали платье.

Тогда учительница заговорила:

— Только единственное я намерена высказать в присутствии добрых жителей села и моих учеников. Советская власть не умерла. Она — победила! И теперь уж никогда не умрет! Могу умереть за эту власть... Но вам, бандиты, придется умереть за смерть невинных людей... Не верьте этим бандитам, что они народную власть свергли. Это кулачье взбунтовалось...

Евдокия Ивановна не успела договорить — кулак выстрелил ей в лицо. Учительница не упала сразу, а продолжала стоять, опершись плечом на березу.

Серебренников, перезарядив обрез, выстрелил ей в грудь.

А через полчаса после расправы над Сухоруковой на площадь вывели комсомольца Пашу Максимука. Бандиты подвели подростка к церкви.

— Становись на колени, антихрист! — закричал все тот же чернорободый кулак. — Проси у бога прощение за свои грехи, за связи с большевиками. Отрекайся от комсомола — и бог тебя простит...

Не подчинился Павел Максимук, не встал на колени.

— Целься в грудь! Пли! — звонко прокричал кулак-предводитель.

Павлик стоял, слегка пошатываясь. Толпа людей отпрянула назад.

— Пли-и! — снова раздалась команда.

Но и на этот раз пули не убили комсомольца. Мальчик, сильно закачавшись, пошел на бандитов...

— Пли! Пли! Пли! — закричал палач.

Павлик упал, толпа в ужасе кинулась в разные стороны...

Рано утром следующего дня Татьяна Шабанова пошла в свою баню и там увидела... окровавленного Павлика.

— Не говори никому, тетка Татьяна, — попросил Павлика. — Жив я остался. Только выживу ли...

Но Шабаниха предала его — пошла к бандитам и все рассказала.

Павлика снова привели к церкви. Снова предлагали ему молить прощения, отказаться от комсомола. Обещали жизнь. Но Павел Максимук, весь в крови, стоял гордо, не склонив головы.

Теперь в него не стреляли. Кулаки приказали сельскому ведернику убить комсомольца... железным ломом.

Три дня возле убитого стояла охрана. Кулаки не отдавали тело матери. А она, укрыв своего сына тулупом, легла рядом с ним и тоже умерла тут же...

Кулацкое восстание, получившее в истории название Ишимского, было в скором времени подавлено.

Сейчас в Ларихе, в том двухэтажном деревянном здании, где была школа, помещается почтовое отделение. Поодаль выросла добротная новая школа. Только не достает на этих зданиях мемориальных досок о бессмертии учительницы Евдокии Ивановны Сухоруковой и ее ученика Пашу Максимука.

Федор КРЕНДЕЛЕВ,
член-корреспондент
Академии наук СССР

*Рисунки
Владимира Казакова*

Страна несметных богатств

ХРЕСТОМАТИЙНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ М. В. ЛОМОНОСОВА: «МОГУЩЕСТВО РОССИЙСКОЕ ПРИРАСТАТЬ БУДЕТ СИБИРЬЮ» ИМЕЕТ МНОГИЕ АСПЕКТЫ. ОНО ВКЛЮЧАЕТ НЕ ТОЛЬКО ЗЕМЛИ, ЛЕСА, РЕКИ, РЫБНЫЕ И ПУШНЫЕ РЕСУРСЫ, НО ТАКЖЕ И РУДНЫЕ БОГАТСТВА, К РАСКРЫТИЮ КОТОРЫХ РОССИЯ ПРИСТУПИЛА ТОЛЬКО В XVIII ВЕКЕ.

К началу XX века оказалось, что Россия не имеет минерально-сырьевой базы по большинству видов полезных ископаемых. И потому военный флот Балтики базировался на английском угле, фосфориты для удобрений завозились из Алжира, абразивы — из Малой Азии, гранаты — из Америки, алунды (искусственные абразивы) — из Норвегии, карборунды — из Германии. Серный колчедан на заводы серной кислоты доставляли в Петербург из Португалии. Фарфоровая посуда изготавливалась из полевых шпатов Швеции. Даже глина для цветочных горшков шла из Германии, а песок для стекол — из Финляндии. Брусчатку для мощения улиц и площадей завозили из Скандинавских стран.

Крупные ученые и общественные деятели понимали ошибочность такой политики и не молчали. Они обращали внимание царского правительства на эту несообразность. Россия была в полной и кабальной импортной зависимости от иностранных государств, которые могли диктовать ей свою волю.

Только в преддверии первой мировой войны была наконец создана КЕПС — Комиссия естественных производительных сил. Один из членов-учредителей комиссии академик А. Н. Крылов со свойственной ему экспрессией заявил на одном из заседаний, что «этому безобразию должен быть положен конец» и что скоро «к черту полетит вся царская семья и великие князья, которые

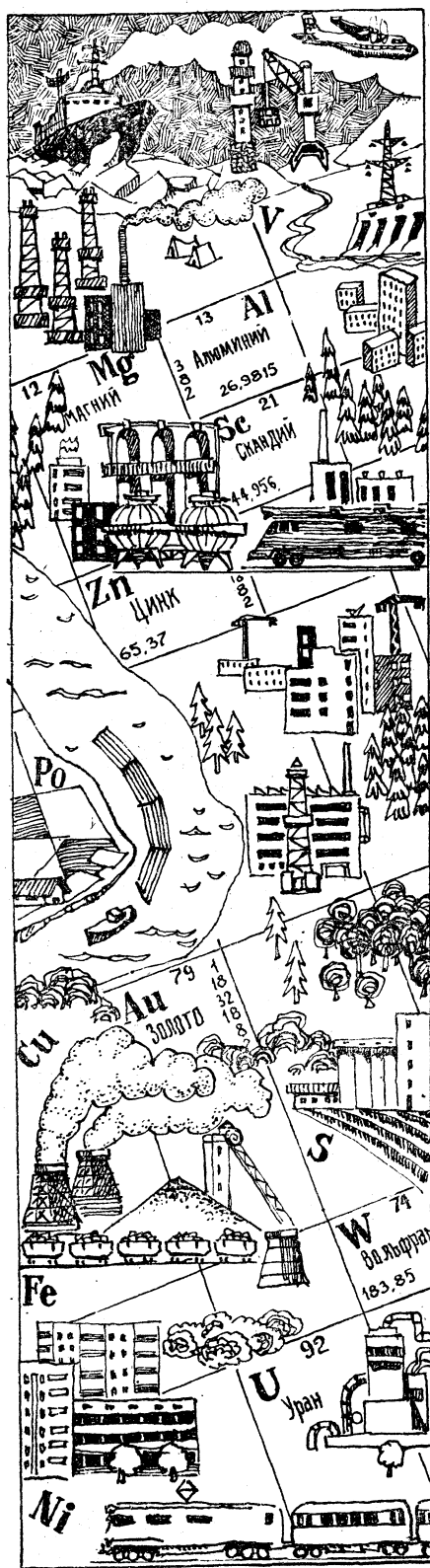
захватили в свои руки вольфрамовые месторождения Забайкалья». Академик выложил из своего кармана 500 рублей для обследования месторождений Кавказа. И как в воду глядел: царская фамилия действительно «полетела».

В первые годы Советской власти в знаменитом «Наброске плана научно-исследовательских работ» В. И. Ленин сформулировал главную задачу не только Академии наук, но и геологической службы.

Было ясно, что наскоком тут не возьмешь. Громадная проблема требует государственного, научного подхода, необходимы передовая теория, кадры, техника. И сразу последовали директивные решения, значение которых только сейчас стало ясным в полной мере. При жизни В. И. Ленина начались исследования тех богатств, которые были выявлены, но еще не оценены. Создали комиссии по исследованию Курской магнитной аномалии, Кольского полуострова, Постоянную Полярную комиссию, Якутскую и Забайкальскую комплексные экспедиции, Тунгусскую экспедицию Л. А. Кулика, Плавморин и другие.

При Ленине появилась и вызрела идея Урало-Кузнецкого комбината-«маятника»: уголь Кузбасса шел на Урал, в Магнитогорск, а железные руды гор Магнитной и Благодать направлялись в Кузбасс. По сути дела, это не один комбинат, а два крупнейших предприятия на двух концах «маятника», сыгравшие важную роль для победы в Великой Отечественной войне.

В предвоенные и послевоенные годы создаются Дальневосточный, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский, Якутский, Южно-Сахалинский филиалы Академии наук СССР. В мае 1957 года было организовано Сибирское отделение АН СССР с крупнейшими институтами физического, химического, математического, геолого-геофизического, геохимиче-

ского, лимнологического, географического профиля в Новосибирске, Иркутске, Якутске, Владивостоке, Хабаровске, Улан-Удэ, Магадане, Петропавловске-Камчатском, Чите с многочисленными стационарами и опорными пунктами самого различного назначения. Почти во всех областных и краевых центрах сложились мощнейшие территориальные геологические управления Министерства геологии РСФСР, а также институты геологии, геофизики и минерального сырья.

Только Советское государство смогло так быстро и дальновидно развернуть теоретические фундаментальные исследования, чтобы обеспечить развертывание поисково-съемочных и геолого-разведочных работ практически по всем видам полезных ископаемых, по всем элементам таблицы Менделеева. Задача, поставленная В. И. Лениным в «Наброске», ныне практически решена. Сейчас задача состоит в том, чтобы улучшить географическое размещение месторождений. К стати сказать, Сибирь — единственный регион, где есть все виды полезных ископаемых планеты.

Можно с полным основанием отметить, что самые крупные успехи в развитии минерально-сырьевой базы СССР связаны с Сибирью и Дальним Востоком. Давайте коротко перечислим те полезные ископаемые, те месторождения, о которых не знали в досоветские годы. Начнем с северо-востока и будем двигаться вместе с солнцем от Тихого океана к Уралу.

Это золото северо-востока и Чукотки, Южной Якутии и Северного Прибайкалья. Это оловянные и полиметаллические руды Приморья и Сихотэ-Алиня, крупнейшие месторождения фосфатного сырья на Селигдаре и в Ошурково. Это железные руды и угли Нерюнгри и Чульмана, железные руды Алдана и Чаро-Токкинского района, будущей базы Южно-Якутского промышленно-производственного комплекса. Этот комплекс может превзойти по эффективности даже Урало-Кузнецкий комбинат, и во многом потому, что расстояние между источниками железа и коксового угля здесь всего 217 километров, а сам уголь будет добываться открытым способом из карьера.

В довоенные годы никто не предполагал, что будет найдено такое месторождение медных руд, как Удокан, обнаруженное в 1949 году Елизаветой Ивановной Буровой. К стати сказать, для сибирских просторов характерно участие женщин в открытии крупных месторождений.

М. В. Бесовой обнаружено месторождение вольфрамовых руд в верховьях реки Джиды в Забайкалье. В 1951 году две женщины-геологи Ю. Г. Лагздина и О. А. Трещалова нашли Нерюнгринское месторождение коксовых углей, о которых мы уже упоминали. 21 августа 1954 года Л. А. Попугаева вместе с рабочим Ф. А. Беликовым обнаружили первую в СССР алмазосносную трубку «Зарница». Менее чем через год, 13 июля 1956 года, еще одна женщина, Е. Н. Елагина, вместе с Ю. И. Хабардиным вышла на «трубку мира» по методике, разработанной ленинградкой Н. Н. Сарасадских.

Богатейшие руды месторождений Норильск-I, Норильск-II, Талнах, Октябрьское стали базой Норильского комбината, вокруг которого вырос современный город, самый северный на земле. Большая группа железорудных месторождений выявлена близ Братской ГЭС, в низовьях Ангары — очень крупный Ангаро-Питский железорудный бассейн и целая Чаро-Токкинская провинция с магнетитовыми кварцитами отличной обогащенности.

Имеются запасы алмазов, графитов, оптических кальцитов Сибирской платформы. Открыты и разрабатываются замечательные месторождения цветных камней: чего стоят одни фиолетовые чароиты, золотистые хризолиты и нежно-розовые тулиты на севере Читинской области! А белые, голубые, зеленые и черные нефриты Бурятии! А синие лазуриты Байкала!

Весь мир ныне волнуют три громадные проблемы: энергетический кризис, продовольственная проблема и нехватка строительных материалов.

В приложении к геологии эти проблемы проектируются так. Энергетический дефицит ликвидируется, если будут найдены месторождения энергетического сырья — нефти, газа, углей, урана. В этом отношении Сибирь не подведет.

Продовольственную программу геологи решают через сырье для удобрений и воду, потому что для выращивания тонны пшеницы надо израсходовать 150 кубометров воды и несколько центнеров удобрений. Как известно, Сибирь с ее могучими полноводными реками и Байкалом не имеет равных по запасам воды на всей планете. Здесь же есть запасы термальных и минеральных вод. Месторождения фосфатов разведаны в черте города Читы на реке Кручине. Их надо осваивать.

В Сибири найдены специфические горные породы — синныриты,

целый хребет, площадью в сотни квадратных километров. В этой породе содержится более 10 процентов калия и около 22 процентов окиси алюминия, а все остальное — цементное и керамическое сырье. Но Сыныр далеко от железных дорог, за крутыми горными перевалами... Найдены такие же сыныриты под рукой — в Читинской области, в восьми километрах по прямой в горах над станцией Хани. Ставь канатку и спускай прямо на станцию руду. Чего ждать? А ждать приходится: нет пока подходящей технологии.

В разоренной гражданской войной и интервенцией молодой Республике Советов мало кто верил в быстрый расцвет науки и тем более в ее практическую пользу. Ученые представлялись кабинетными старцами, которые занимают невесте чем. К управлению страной, развитию ее хозяйства пришли новые, порой малограмотные люди. Они уповали на силу мышц, энтузиазм масс, не доверяли иностранным специалистам, но жадно учились. Уже в годы первых пятилеток появились рабфаковцы, выпускники красных академий и промакадемий, новорожденных институтов и техникумов. Впитавшие в себя дух революции, они отметили буржуазную рутинную науку, иногда и ошибались, но строили свою, советскую, революционную науку.

...Молодой ученый В. С. Соболев опубликовал несколько статей, в которых доказал необычайное сходство траппов Сибирской платформы с вулканическими породами Южной Африки. Он подчеркнул не простое сходство пород, а их генетическое родство, объяснил, что оно обусловлено аналогией в истории геологического развития и, в частности, так называемого ультраосновного магматизма двух регионов. Поскольку Южно-Африканская провинция алмазоносна и рождение алмазов там связано с образованием кимберлитов, то и на Сибирской платформе могут быть обнаружены драгоценные трубки кимберлитов.

Не все отнеслись тогда восторженно к такому фантастическому прогнозу.

Известный писатель, геолог-палеонтолог по специальности, И. А. Ефремов опубликовал повесть «Алмазная труба», герой которой находит кимберлитовую трубку в Сибири.

Прошло 20 лет, и в 1954 году первая алмазоносная трубка была найдена. А еще через год Юрий Хабардин послал шифрованную радиограмму: «Закурили «трубку мира», табак отличный».

Многие геологи читали отчеты алмазной экспедиции и поражались тому, насколько этот выстраданный научный труд соответствует повести Ивана Антоновича Ефремова. Даже в деталях. Фантастическая повесть выглядела черновиком научного отчета экспедиции.

Смело и решительно приступили геологи и производственники к проверке гипотезы академика И. М. Губкина о возможной нефтегазоносности Западной Сибири, края бесконечных болот, песков и глин, простирающихся от подножия Алтайских гор до Карского моря. Одно дело высказать идею о возможности нефтегазоносности, и совсем другое — указать точки, в которых надо бурить скважины. Прогноз блестяще оправдался.

Сейчас идет такая же проверка идеи академика А. Д. Архангельского, высказанной в предвоенные годы, о том, что в Сибири возможна находка палеозойской нефти. Иными словами, нефть в Сибири идет не на одном горизонте, а в нескольких этажах и простирается на пол-Сибири — от Енисея до Лены. Нефтеносными представляются отложения с возрастом пород около 600 миллионов лет. А это значит вероятное утроение запасов, обнаруженных под болотами Западной Сибири. Нефть будет найдена и на шельфе Карского моря, и в море Лаптевых. Первые скважины уже дали палеозойскую нефть и в Западной, и в Восточной Сибири.

Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР зарегистрировал открытие: академика А. А. Трофимук и Н. В. Черский со своими сотрудниками предсказали, а затем и обнаружили на больших глубинах в зонах вечной мерзлоты криогидраты горючего газа. Проще сказать, в условиях вечной мерзлоты существует горючий газ в замороженном состоянии. Это новый и колоссальный источник энергии будущего.

В 1975 году было принято правительство решение о строительстве Байкало-Амурской магистрали, идея которой содержалась еще в трудах декабристов. В предвоенные годы шли интенсивные изыскания

трассы этой магистрали. И главное внимание было уделено поиску и разведке угольных месторождений: ведь паровозам нужен уголь. В годы второй, третьей и четвертой пятилеток были обнаружены и разведаны месторождения угля вдоль всей трассы — в районе Улькана, Ургала, Зеи, на берегах озера Читканда.

Выбор трассы — не простое дело, ответственное, при котором любая ошибка многократно умножается как при строительстве, так и особенно при эксплуатации дороги. Геологи смело предложили: трасса должна пройти по Чарской котловине, где могут быть найдены многие виды полезных ископаемых в крупных объемах. И этот прогноз оправдался. Вокруг таежного поселка Чара обнаружены и разведаны солидные запасы руд меди, железа, титана, ванадия, алюминия, фосфатных и калийных удобрений, бурого угля и природного кокса, всех видов строительного сырья, пресные, минеральные и термальные воды. Суммарные запасы этих ведущих ископаемых вполне сравнимы с запасами всех стран Европы вместе взятых.

В 1897 году В. И. Ленин беседовал с известным красноярским этнографом и писателем В. И. Анучиным. Они обсуждали те скотские условия, в которых жили и трудились приисковые рабочие Сибири, говорили о тех богатствах, которые хищнически обрабатывались предпринимателями. Оценка Сибири В. И. Лениным уложилась в одну фразу: «Алмаз, затоптанный в грязь».

«Горные богатства Сибири представляются совершенно необъятными». И этот вывод В. И. Ленина оказался пророческим. В нем учены закономерности развития науки и социального строя государства, организатором которого был он сам.

На тюменской земле вершатся важные для всей страны дела. Сотни тысяч людей осваивают нефтяные районы Западной Сибири. В конечном счете они свою задачу выполняют, хотя далеко не всегда имеют самые необходимые, по современным меркам, условия для жизни.

Сегодняшний день выдвигает на первый план задачу резкого улучшения бытового обустройства и культурного обслуживания северян — каких бы населенных точек это ни касалось: нового города, базового поселка или десантного лагеря.

«Время вагончиков и палаток прошло!» — эти утверждения часто слышатся сегодня с трибун, со страниц газет. Нет, не прошло! И, наверное, всегда оно будет существовать для первооткрывателей — время палаток, вагончиков, балков. Вся проблема в том, чтобы пребывание человека, осваивающего новые места, в этих жилищах, в «полевых» условиях сделать временным!..

Где бы наш, советский человек ни трудился, он должен быть обеспечен клубом, кинотеатром, баней, магазином, стадионом и спортзалом, выставками, концертами, спектаклями... В этом и состоит сущность социалистической заботы о человеке. В этом — залог того, кем будет чувствовать себя человек — временщиком или хозяином.

Пришло время ко многому изменить отношение.

Давайте подумаем и вот над чем. Всегда ли благодарностью, уважительным отношением оплачивается пребывание в краю, который открывает людям свои богатства! Каждый ли человек на Севере может с полным правом сказать про себя, что он живет с достоинством, что он стал рачительным хозяином на вновь обжитой земле!

Какие нынче ценности в ходу! Не заслоняют ли зарплата, карьера чего-то важного! Каждый ли видит свою работу не через измерение рублем, а через значимость ее для всей страны! В самом ли деле отжили «старые» мерки, называемые — чувство долга, романтика, энтузиазм!

...Что думают обо всем этом сами северяне! Об условиях жизни, о значимости своей работы, о пригодности жилья, проблемах Севера, сохранении природы! О самом своем пребывании на Севере, которое, вопреки ожиданиям, все чаще становится не временным, а постоянным...

СЕВЕРНЫЕ

В. В. Копысов, начальник центральной инженерно-технической службы Аганской нефтегазразведочной экспедиции:

— Ехал сюда, чтобы посмотреть Тюменский Север. Ребята с практики с большими деньгами приезжали, рассказывали: хорошо здесь, и природа замечательная, не тронутая еще. Здесь меня все устраивает. Здесь — вольница...

В. Е. Мамаев, инженер Ампутинской геофизической экспедиции:

— То, что тут происходит, напоминает северные рассказы Джека Лондона... Не ради красот природы люди сюда едут. Едут за деньгами, за жильем, некоторые — карьеру делать. Алиментщики едут — потому что с полевых проценты не берут... А все мы вместе и есть первые вредители.

Эти две крайние точки зрения — безоглядность и раздумчивость, самозабвение и критичность, восторг и боль — не раз еще прозвучат в словах самых разных людей, чьему мнению предоставляет нынче журнал свои страницы. И в столкновении противоположных взглядов, на перекрестках этих мнений встанут во всей остроте сегодняшние проблемы «нефтяного Клондайка»...

В. И. Жильцов, в недавнем прошлом лесничий, теперь работник Ампутинской геофизической экспедиции:

— Я здесь родился, тут для меня Большая земля. Когда-то в юности меня, как многих, увлекла романтика геологии. Работал в сейсмопартии, отслужил армию, сно-

ва пошел в экспедицию. Но постепенно восторги исчезли. Совестно стало: губим мы землю...

Решил я защищать нашу природу. Сознательно решил. Окончил заочный институт, стал лесничим. Несколько лет честно пытался бороться. И понял, в конце концов, что бесполезно пока это.

Лесхоз находится в полной зависимости от экспедиций. Машины в лесхозе нет — есть катера, а бензина не дают ни капли, ни грамма. Где просить бензин? У экспедиций!.. А я должен быть независим от них, чтобы требовать соблюдения правил, порядка — как госприемка независима от предприятий.

Транспорта нет. Зарплата в экспедициях по 600—800, у меня — 200. Права какие-то есть, но ничем не подкреплены. Лесобилет, скажем, экспедицией выписан на земельный участок. Они там хотели бурить, но по каким-то причинам не стали. И под этот лесобилет вырубают другой участок, неважно где — вдоль реки Аган, например. А там водоохранная зона, леса первой группы. Разрешение на рубку этих лесов с Москвой должно быть согласовано, а они бурят!.. Рубят лес! Получается самовольный захват земли.

Для вертолетных площадок вырубается лес, так он и валяется: штраф проще заплатить, чем лес вывезти. Нам же и говорят: «Вывозите, если надо, деньги перечислим». Нет у нас ни техники, ни рабочих, чтобы за всеми убирать, подчищать просеки, площадки.

Маялся я, маялся и ушел. Вот что случилось. Инициативные товарищи из «Нефтедорстроя» раздобыли где-то бланки актов, составили свой акт и мою подпись под-

делали. Акт подписала одна дамочка, которую я в жизни не видел. Хотел очень увидеть, поглядеть ей в глаза... По акту выходит, что они построили дорогу по всем правилам. А на самом деле в лесобилле выписана ширина полосы десять метров, а вырублено оказалось шестьдесят. Я составил свой акт. Мне говорили: «Заберите! Вам же хуже будет». Я сделал повторное освидетельствование и оказался прав. Но и виноват... Выговор получил за то, что кто-то бланки у меня выкрал.

Не мог я больше так работать.

Ю. С. Самоховец, заместитель главного инженера треста «Мегионэлектросетьстрой»:

— Да, мы лес на просеках губим, тракторами его в землю утрамбовываем. С нас ЛЭП требуют в первую очередь, а лес... Пробовали с леспромхозами, с украинскими колхозами договариваться — невыгодно им, неэкономично наш лес брать. Сами за собой понемногу убираем, сколько можем, и для собственных нужд, но это — капля в море. Понимаем мы все — советские же люди! — но толку что...

...Если по здешним местам собрать не только лес поваленный, но все, что выбрасывается по кустам, — на Большой земле целый совхоз на годы вперед был бы обеспечен. Слежавшийся цемент мешками валяется, машины угробленные, древесина — кубометрами... Хозяин бы не бросил — подобрал. А у экспедиции денег считано-несчитано: можно бросать все, что испортили, не сумели использовать. План выполняется, месторождения открываются — все в порядке!

Справедливо это? Те же деньги можно было равномерно на жилье потратить и для начальства, и для рабочих.

...Интересно порассуждали на эту тему руководители экспедиции:

— Мелочи все это!.. Ну, не хочет начальник жить в одном доме, на одной площадке с рабочим... Главное, чтобы он дело делал!

А если рабочий не хочет на одной площадке с начальником жить — ему в какой коттедж деваться? Плох тот начальник, который себя выше людей ставит. А ведь мы привыкли к такому положению вещей, все мы — и те, кто ворчит, и те, кто строит, и те, кто «не хочет» жить на одной площадке с людьми, которые, между прочим, тоже свое дело делают.

В. Е. Мамаев:

— Я иногда задаю себе вопрос: «Что же случилось с нашим народом?» Мое детство пришлось на войну. Я видел людей, потерявших все, но оставшихся внимательными, чуткими, добрыми. Ну, были деньги на первом месте у дельцов, спекулянтов разных, но не были они для всех повальным идолом, мерилом всего жизненного благополучия.

Просит у меня молодая женщина взаймы, а зарплата накануне была. Я спрашиваю, куда она ее подевала?

— На книжку поставила!

— А Васня, мужа своего, спросила?

— Кто вин таков?!

МОНОЛОГИ

Какое-то торжество исполнения плана над смыслом и разумностью жизни...

Бесхозяйственностью оборачивается «вольница» — ты тут владыка, тебе все дозволено. Так растлевается душа, меняется психология, укрепляется вера во вседозволенность.

«Вошло в жизнь новое поколение, которое лихо приспособилось к нашим идеалам, которое умеет жить удобно, извлекая из всего пользу для себя», — сказал один молодой инженер в Нижневартовске.

Шоферы Аганской геологоразведочной экспедиции рассказывали про жизнь в своем поселке:

— Привезли в Новоаганск апельсины. Нам сказали: апельсины — для детского садика. Мы это понимаем. Но спустя неделю на всех помойках — корочки от апельсинов... Кто мог, значит, тот от детишек урвал: начальство, «блатные» всякие.

В поселке бани доброй нет, за одной шайкой пятеро в очередь стоят. Зато есть сауна. Многие ли эту сауну в поселке видели? Мы, например, и не бывали... Для кого она?

Или с жильем. Сколько балков, даже незаконно, построено — жить-то людям надо. Перепродают балки эти, тысячи платят, не жалуют! Иначе по восемь лет в одной комнатенке с детишками придется ютиться... А на краю поселка три коттеджа стоят, деревом отделаны, шикарные — для семей руководителей и трех бригадиров. И еще один дворец, рядом: «большой» человек в нем живет — начальник Варьганского отделения леспромхоза...

Сколько угодно примеров, когда люди сходятся, расходятся — бездумно, бесчувственно. Вот одно из характерных признаний: «Я закончил техникум, работал вначале автомехаником. Но у шофера и денег больше, и ответственности меньше. Женат ли? Как сказать... нет вроде. Живу тут с одной, ребенок есть... Как дальше жить буду? А не знаю, не задумывался...»

Итоги «вольницы» — полная безответственность. А как хватится потом пропавшего, потерянного времени? Деньги жизнь заслонили, целью и смыслом стали?

Большие деньги требуют от человека особенно высокой культуры, нравственной стойкости и особенно порядочности — от руководителя.

Сеймотехника у нас на грани XXI века. А условия труда и жизни — как в тридцатые годы...

Может быть, в этом корень зла?

Или корень зла в том, что люди на Севере чувствуют себя временными?.. Живут по три, пять, а то и десять лет, и все им кажется, что временно: наступит завтра — и они уедут на Большую землю. И потому — что тут церемониться, на «временном-от» месте...

А. Рузавин, секретарь комитета комсомола треста «Засибэлектросетьстрой»:

— В Сургут тысячи человек приезжают каждый год и столько же уезжают. Мы с женой приехали к родителям, они обосновались здесь прежде нас. Уже три года живем. Дочка с нами. Но вы придите к нам в гости — шкаф стоит да диван... Ничего не купили, будто завтра уезжать... И большинство так — все чего-то ждут: кто

стаж зарабатывает, кто — квартиру... Будто на Большой земле все мы жить начнем, а тут и не живем вовсе. А иные квартиры обставляют, гаражи ставят, а все думают, что живут временно...

В. Е. Мамаев:

— Но если даже человек не останется здесь навсегда, если он вернется на Большую землю, — очень важно, чтобы эти три года или десять были прожиты достойно, со всей полнотой. Ведь от человека зависит: чувствует он себя временным или нет. У нас в Новооганске есть сейчас музыкальная школа, есть даже балетная студия — это что, для «временных»? Дети скоро будут учить нас культуре. Они иначе, по-своему будут смотреть на жизнь. Какими они увидят нас и наши дела? Они спросят, обязательно спросят: «Как вы жили, наши отцы? Чего ж вы такую неустроенность допустили на богатой тюменской земле? Кто ошибки ваши должен исправлять?»

Психология временного человека — огромная беда Севера. Летающие бригады, вахты, которые на две недели приезжают в Тюменскую область, на промыслы из Башкирии, Молдавии, с Украины — яркие представители «временного» племени. Кое-где их ставят на комсомольский учет, пытаются включить в круг забот всего коллектива, но чаще всего они остаются вне общественной жизни, в стороне от тюменских проблем — их настоящая жизнь там, дома...

А. Г. Красовский, главный инженер управления «Черногорнефть»:

— У меня в управлении каждый четвертый — вахтовик. Некоторые по семь — десять лет летают. Их отношение к делу? Нельзя сказать однозначно: есть и хорошие работники, есть и похуже. Другой вопрос — что выгоднее государству: возить вахты или строить на месте все необходимое для людей.

Н. Н. Регент, заместитель начальника отдела Управления трудовыми ресурсами Госкомтруда СССР:

— По данным социологов, вахтовик старше, чем те, кто живет в Западной Сибири, почти на десять лет. Среди вахтовиков выше партийность и ниже — текучесть.

Это говорит в пользу вахтового метода. Тем более что он позволяет привлечь к работе грамотных, знающих специалистов. И в то же время надо задуматься: расширять или свертывать вахтовый метод. За 11-ю пятилетку на перевозки в Главтюменьнефтегазе затрачено более 52 миллионов рублей. Может быть, эти перевозки как раз и съедают те деньги, которые могли бы пойти на развитие соцкультбыта?

И. Ф. Ефремов, главный геолог объединения «Нижневартовскнефтегаз»:

— Летающие бригады — вынужденная мера, от которой со временем мы должны будем отказаться. Вот сейчас, когда нам нужно было срочно исправлять положение дел, мы пошли на увеличение летающих бригад подземного ремонта скважин. Подняли добычу нефти — и отказались от многих бригад, стараемся теперь ориентироваться на местные кадры.

Н. Н. Регент:

— Рассмотрим вахтовый метод как внутрирегиональный. Люди живут в городах и выезжают на участки, в вахтовые поселки на несколько суток. Метод, рожденный в Урае. Главное его условие — высокий уровень жизни по сравнению с вахтовыми поселками, жизнью в вагончиках. Но по Тюменской области эта грань часто стирается — даже в городах нет кинотеатров, кафе, плохо с банями, автобусами, с жильем...

В. Курипко, бригадир комсомольско-молодежной бригады управления «Черногорнефть»:

— Мы у себя в Нижневартовске, чтобы в кино пойти,

через комитет ВЛКСМ билеты заказываем... А в городе вроде живем. Много неувязок с бытом, с жильем. Один парень из нашей бригады третий раз жену из Прибалтики привозит, третий раз назад отправляет. Кто послабее — не выдерживают, уезжают. Стабильности добиться очень нелегко. Правда, в нашей бригаде текучести сейчас практически нет. Но этого, мы считаем, добились за счет организации труда, энтузиазма.

Именно неустроенность быта, нехватки, недостатки и прочие «не» создают фон, на котором складывается психология «временщика», а вовсе не суровые природные условия. Отрапортовать — это единственная забота. Человеку заплачено за это большим рублем!

Но ведь не все же за ним гонятся. Иному мало самого большого рубля, ему другое нужно — для души, для жизни, для интереса в работе...

И. Ф. Ефремов:

— Это самое обидное и тревожное — что изменяется отношение к делу... Даже самый совестливый геолог в безалаберной текучке, в бесконечном требовании «рапортов» совесть теряет. На участке скважины простаивают, падает коэффициент эксплуатации — значит, не будет премии. Проще не внести эти скважины в отчеты, чем ремонтировать их, работать с ними, добиваться, чтобы они нефть давали. Одна такая уступка, другая — и все: нет геолога, сломался геолог... Работает он теперь только со скважиной-кормилицей, которая по пятьсот тонн дает. Прекратись эта добыча — и встал участок. А должен работать весь фонд. Тогда и добыча будет устойчивее, и план будет выполнен. Пришло время инженерной, грамотной работы!

А. Сосновский, геолог управления «Белозернефть»:

— Я вырос в Нижневартовске, отец возил меня на первые буровые. На месте, где теперь стоит наш дом, была вертолетная площадка. Начинали освоение Тюмени специалистами, те, кто понимал толк в нефти. Постепенно схемы освоения месторождений стали упрощаться. План — любой ценой... Зубами вырвать!.. Штурмовщина... Ставка — на рубль. Вот тут и стали прибывать рвачи. Потом случилось то, что и должно было случиться — фонтаны кончились. К переходу на принудительные способы добычи нефти промыслы не были подготовлены, хотя и следовало предвидеть это. Глубинные насосы, газлифтный способ — при такой добыче рубль стал не тот. Рвачи теперь с промыслов уезжают: упал заработок. Так что ими двигало — корысть? А за дело кто-то должен болеть?

В. Курипко:

— Мы ехали сюда не за деньгами. Себя попробовать, на что годимся. Быт на участке наладили сами, как могли: деревья посадили, вагончики покрасили по-особенному, убрали металлолом, хлам всякий, который тут валялся годами, не нами брошенный. Что зависит от нас — делаем. Стараемся не допускать разливов нефти — знаем, что вред от этого природе, но трубопроводы рвутся... Сейчас придумали вакуумные насосы для откачки нефти с поверхности почвы, а как убрать нефть с болот?.. Таких механизмов никто еще не придумал.

...Тюменской земле очень нужны люди, которые ощущают ее беду, как свою личную. И есть они, да не все. А Западной Сибири сегодня нужны не просто работники, а люди, которые относились бы с любовью к этому краю, которые работали бы не с узким интересом, а с хозяйским, государственным. Люди, для которых, кроме слова «деньги», существует еще и слово «совесть».

Монологи собрала
и прокомментировала Галина ФЕДОРОВА

МОЛОДЕЖНАЯ ПЯТИЛЕТКА

Одной из главных задач комсомола, определенных XX съездом ВЛКСМ, сегодня становится всемерное развитие молодежной инициативы. Но любая инициатива может заглухнуть, если не будет поддержана старшими товарищами, обладающими правом планировать и распоряжаться трудовыми и материальными ресурсами. В Братске составили четкую пятилетнюю комплексную программу помощи молодежи в решении ее проблем. О ней рассказывают секретарь Братского городского комитета КПСС Галина Степановна ТЕРИНА и председатель постоянной депутатской комиссии по делам молодежи городского Совета, ветеран уральского комсомола Евгений Петрович ВЕРЕЩАГИН.

Г. С. Терина:

— «Молодежная пятилетка» — название фольклорное, и оно прижилось в городе. Официально же она называется: «Комплексная программа повышения трудовой и общественно-политической активности молодежи города Братска на XII пятилетку». Название отражает цель, а суть, новое, отличающееся от обычных лозунгов содержание программы в том, что все без исключения предприятия и организации Братска получили конкретные задания в решении молодежных проблем: от оборудования в каждой группе детского сада уголков здоровья и создания кабинетов ручного труда в начальных классах до работы службы знакомств, общественных советов по вопросам семьи и брака, возведения молодежных жилищных комплексов. Мы понимаем, что идеологическое воспитание молодых должно строиться на прочной социальной базе — это жилье, детские учреждения, возможность повышения квалификации и т. п.

Само собой разумеется, что мы не предлагаем молодежи подождать, пока добрые взрослые дяди преподнесут ей все это на блюдечке. Главная действующая сила программы — сама молодежь. Мы надеемся побудить ее к более активному участию в решении своих собственных проблем. А то что-то, на мой взгляд, слишком много у нас развелось созерцателей среди молодежи. Хотя в традициях Братска, от рождения его — нетерпимость к пассивности. Я сама здесь живу и работаю вот уже ровно четверть века (а городу нынче 32 года). Проблемы у нас в то время были другие, много сложнее, но и мы были терпимее, знали, что все надо самим заработать. Сегодня же, мне кажется, у молодежи больше иждивенческих настроений. Может, и не надо делать широких обобщений, но вот не дает покоя недавняя сцена. Пришла ко мне на приём молодая женщина. Приехала из Башкирии, с тремя детьми. «К кому приехали?» «Ни к

кому!» И в крик. Устроили ее, конечно, но возмутили меня ее необоснованные претензии к Советской власти, ее готовность тут же оплевать эту власть, если не выдают ей немедленно все удобства: вы, значит, заработали, а мне дайте!..

Конечно, и с «взрослых дядей» спрос сейчас будет особый. Не секрет, что многие руководители социально-бытовыми, воспитательными проблемами занимались спустя рукава. Проблемы молодежи не обрушились на нас неожиданно, но обострились в последние годы. Мы рассматривали их на заседаниях бюро ГК КПСС, а комплексную программу «Молодежная пятилетка» предполагали утвердить на пленуме горкома партии. Вернее стало решение принять программу на сессии городского Совета народных депутатов, что и было сделано в июне 1986 года.

Программа работает второй год. Может быть, мы в чем-то ошибаемся, что-то не учли, — на ходу поправим, дополним. Не ошиблись в главном: программа с первых месяцев вовлекает в свою орбиту все большее количество молодежи.

Е. П. Вереццагин:

— Братск не впервые становится первостроителем молодежной инициативы. Вся история города связана с комсомольскими починами. Со дня рождения в 1955 году Братск стал своеобразным полигоном, на котором отработывалась модель Всесоюзной ударной комсомольской стройки. Может быть, из нашего города зашагает по всей стране и «Молодежная пятилетка»...

Молоды были первостроители Братска, в числе которых посчастливилось быть мне, приехавшему к Падунским порогам из Каменска-Уральского. Сегодня мои друзья-ровесники подошли к порогу пенсионного возраста или уже перешагнули его. «Постарел» и наш «сын» — город, его средний возраст вырос от 24 до 30 лет. Но по-прежнему Братск называется молодежным городом, и потому решение общегородских проблем до сих пор считалось решением проблем молодежи. Сегодня это стало ошибкой.

Долгое время мы не замечали, что, к примеру, БратскГЭСстрой превращается в «пенсионера»: первостроители уходили массой, а о молодой смене не позаботились — не расширяли сеть ПТУ, слабо вели профориентацию в школах... Второй пример: утратилась традиция массовых занятий физкультурой, начали выраживать чемпионов. А нечемпионы искали на улицах выход своей энергии... Подобные явления подтолкнули нас к пристальному рассмотрению проблем молодежи.

Оргкомитет программы направил от имени горисполкома каждому директору, начальнику предприятия или управления, объединения официальное письмо с предложением разработать в своем коллективе пятилетний план решения молодежных проблем, включив его в государственный план развития предприятия.

Кажется, с этого письма, где мы впервые употребили — без дальнего умысла — термин «молодежная пятилетка», и появилось «фольклорное» название комплексной программы.

Мы начали с официального письма не ради заведения новой бюрократической игры. Такой документ не отложишь в долгий ящик, не сделаешь вид, что не заметил его, будто призыв в газете или плакат на стене. И все же кое-кто из руководителей вначале посматривал косо, как на очередное «мероприятие», пытался отмахнуться... На заседаниях нашей комиссии заслушали отчеты всех крупных предприятий, и пришлось кое-кого пристыдить и завернуть, чтобы еще раз пришли, с более зрелыми мыслями.

А когда сессия городского Совета приняла комплексную программу, выполнение ее стало законом для каждого директора и начальника. Но нам не пришлось прибегнуть к мерам принуждения. Потому что, во-первых, все поняли, что Советская власть взялась за это дело всерьез, и во-вторых, в ходе подготовки к сессии у руководителей всех степеней появилось осознанное убеждение в том, что к решению молодежных проблем надо подходить дифференцированно, выделять их из общего круга забот. Иначе — рубишь сук, на котором сидишь.

В стране сейчас немало молодежных городов, Всесоюзных ударных комсомольскихстроек. Их проблемы — это в первую очередь проблемы молодежи. Именно так их рассматривают, например, в Западной Сибири. Там проведены научные разработки по молодым городам, руководил ими тюменский ученый, бывший секретарь Иркутского обкома ВЛКСМ Геннадий Филиппович Кудев, ныне заместитель министра высшего и среднего специального образования РСФСР. Этими разработками мы пользовались при составлении нашей программы.

Комплексная программа «Молодежная пятилетка» имеет три направления. Первое и главное — это активизация трудовой деятельности молодежи. Труд — основа всего.

В городском Совете подсчитали баланс трудовых ресурсов в городе и поняли, что основной источник будущего рабочего пополнения — сегодняшние наши школьники. Значит, надо усиливать трудовое воспитание и профориентацию в школах, управлять набором в ПТУ. Обязали создать на всех промышленных предприятиях общественные советы по профориентации, профотбору и профадаптации, а в каждой школе — советы и клубы по профориентации. Расписали в программе, кто в какой школе оборудует кабинеты ручного труда для младших классов, соорудит пристрой-мастерские. Догадались использовать мастерские профтехучилищ для школьников. Это, конечно, не бог весть какое открытие, но... прежде не учитывалось. Часто в перспективных планах плохо заметно то, что ближе лежит...

Опыт работы с людьми приобретался в общественной деятельности. К примеру, три заместителя начальника БратскГЭССтроя раньше были неосвобожденными секретарями крупных первичных комсомольских организаций. Когда я открываю телефонный справочник руководства БратскГЭССтроя, — вижу весь комсомольский актив первостроителей. А где молодые? Их надо готовить. Вот почему второе основное направление нашей комплексной программы — развитие общественной активности молодежи.

Главное — изучить интересы молодых, а не навязывать им свои представления о том, чем они должны заниматься. Когда мы разрабатывали программу, депутаты и наши помощники-комсомольцы буквально ходили по дворам, смотрели и расспрашивали. В результате

узаконили многие спортивные увлечения молодежи. Энтузиасты «пробили» базу по картингу — и теперь выходит на республиканские соревнования. В городе проводятся автотралли на личных машинах, соревнования по служебному собаководству, по пулевой стрельбе... Раньше не было в Братске и большого тенниса. Прямо в городе, в двух микрорайонах, построили два детских лыжных трамплина, будет еще два. Молодежь, увидев такие сдвиги по сравнению с прошлыми обещаниями, сама с энтузиазмом взялась за спортивные сооружения. Многие из них строятся на общественных началах, например — 20-километровая освещенная «трасса здоровья». Зимой ее заполняют лыжники, летом — велосипедисты и пешеходы. В планах на пятилетку — построить в каждом дворе спортплощадку, создать в каждом микрорайоне хотя бы по одному подростковому клубу.

Микрорайон мы считаем центром воспитательной работы. Здесь мы должны работать со всеми категориями молодежи, в том числе и с молодыми семьями, и с допризывниками (нас сегодня не устраивает уровень подготовки юношей к службе в армии: слабы физически, мало владеют техническими специальностями).

Эти дела связаны с третьим направлением программы — созданием социально-культурной материальной базы для улучшения быта, организации досуга молодежи. Здесь в основе — строительство. Планы большие, но, мы считаем, реальные. Хотя многие вопросы не решаются на городском уровне. Ну что же, письма-заявки о строительстве в Братске Дома молодежи наши делегаты XX съезда ВЛКСМ передали в Москве всем министрам, от которых это зависит. Еще одна проблема: не можем приобрести по безналичному расчету видеоаппаратуру. А мы хотели бы создать в каждой школе видеокласс, в каждом общежитии — видеозал. Помещения найдем. Нет аппаратуры и кассет.

Молодежные жилищные комплексы закладываются в пяти местах, в том числе в поселке Энергетик. Планируется ввести в МЖК до 65 тысяч квадратных метров жилой площади. А можно для МЖК использовать старые брусовые дома — они простоят еще лет 50. Молодые могли бы сами перепланировать их, украсить резьбой...

Задним умом все богаты — и мы сегодня, год спустя, видим недостатки программы. Ее надо разрабатывать заранее, за год, за два. И обязательно нужно централизованное планирование. В течение пятилетки программу будем корректировать. Горсовет регулярно будет рассматривать ход выполнения программы по конкретным разделам.

Вместо комментария

Каждое доброе дело должно иметь своих энтузиастов. В Братске я познакомился с удивительным человеком — Евгением Петровичем Верецагиным. Жаль, не знал его раньше: когда он был первым секретарем Каменск-Уральского горкома ВЛКСМ, я еще в школу не ходил. А в 1956 году он поехал по комсомольской путевке на строительство Братской ГЭС. Решил, что комсомольский вожак должен личным примером увлечь молодежь. Он и сегодня подает пример высокой гражданской активности. К таким, как он, обращены слова Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, сказанные в Политическом докладе XXVII съезду КПСС: «Таков долг старших поколений — делать все, чтобы смена была еще умнее, способнее, образованнее, чтобы она достойно несла в будущее эстафету идеалов справедливости и свободы, завещанных Великим Октябрем».

С. КАЗАНЦЕВ

Спасибо, читатель!

Куда пропал журнал

Пожалуй, впервые за все время своего существования «Уральский следопыт» получил в этом году столь обильную почту. Журнал регистрации свидетельствует, что «валовый» показатель редакции поднимается на рекордную отметку — почти пять тысяч писем-рукописей. В этом частном факте виден рост самосознания, общественной гражданской активности, который проявляется в последние годы во всех сферах нашей жизни.

Как мы и ожидали, лидерство захватили поклонники фантастики. Идею МФ тетради, «журнала в журнале», они приняли буквально «на ура». Во многих письмах приводятся обширные списки советских, а также зарубежных писателей, которых, по мнению их авторов, стоило бы привлечь к сотрудничеству в журнале. Предельно лаконичным пришел отклик из Старого Крыма: «Даешь Кира Булычева!» Читатели подсказывают, каким быть «Калейдоскопу», как полнее освещать деятельность клубов и т. д. Искренне трогает, что многие авторы, желая облегчить участь редакции, прислали рабочие эскизы-макеты будущей тетради с указанием размера полей, шрифтов, вариантов расположения материала на полосе. А вот идея о приложении к журналу встречена с прохладцей. Впрочем, можем «порадовать» наших подписчиков — Госкомиздат СССР добрые полгода «изучает вопрос», который, судя по печальному опыту прошлых десятилетий, так и рискует упокоиться на стадии «изучения».

Обширную читательскую почту вызвала анкета. Уже после публикации части ответов многие захотели быть в роли редактора. Иные за кардинальные перемены, другие против. Читатель спорит с читателем. Честно говоря, редакции это по душе. Мост-диалог налаживается, отрабатывается к обоюдной пользе системы связи «Редакция — читатель» и «Читатель — читателю».

Данная публикация носит не аналитический, а информационный характер. Редакция испытывает потребность отчитаться перед теми подписчиками, которые прислали в ее адрес отзывы и предложения. Во-первых, как уже сказано, часть писем была помещена в журнале, наиболее важные, с нашей точки зрения, зачитывались и обсуждались на редакционных планерках, многие попали на специальный стенд для всеобщего обозрения. Это, так сказать, по части гласности. Ну, а что касается действенности, позиции редакции, то она, надеемся, будет практически просматриваться уже с первых номеров будущего года.

И еще одно суждение, очень важное. Каждое письмо заслуживает отдельного ответа, но увы... Доверительно приоткроем перед читателем редакционную дверь и откровенно скажем о наших внутренних проблемах. Штат редакции остается неизменным с момента зарождения журнала, когда издание носило сугубо региональный характер, а число подписчиков не превышало 50 тысяч. Ныне «Уральский следопыт» выписывают более 400 тысяч жителей страны от Сахалина до Бреста, чистая прибыль от издания достигает порядка миллиона рублей в год, а журнал делается руками все тех же творческих работников (всего «могучий» аппарат редакции насчитывает 15 единиц). Нет не только заведующего или сотрудника отдела писем, а даже учетчика. Пишутся эти строки не для того, чтобы «выдавить слезу» у сентиментального читателя. Мы рассчитываем на понимание друга-подписчика наших объективных трудностей и, не имея возможности ответить письмом лично каждому, говорим с этой журнальной страницы лично каждому: «Спасибо, читатель!»

Дорогая редакция! Мой отец много лет выписывает ваш журнал. Читаем его всей семьей. И вот сидим ждем «Уральский следопыт» № 7. Приносят восьмой номер. А где седьмой заблудился? Отцу 80 лет, я тоже уже пенсионерка, но делать нечего, приходится идти самой за журналом. Пошла. А на почте говорят: «Седьмого номера вам не будет. Потом получите деньги за него». 40 копеек. Зачем они мне! Я хочу иметь журнал. Куда он пропал?

В. А. Чуракова, г. Серов.»

Вот такое грустное письмо. Первое, но, увы, не последнее. Были еще. Мы заранее ждали подобные жалобы. Их могло быть 900 — именно столько экземпляров седьмого номера «Уральского следопыта» не получили подписчики. Кто виноват? Межведомственные неувязки.

Седьмой номер редакция направила в печать, еще не зная, сколько человек подписалось на него. Ведь по новым правилам, установленным Министерством связи, читатели могут выписать журнал за месяц до выхода очередного номера. Подписчикам — удобно. Полиграфистам — нет. У «Союзпечати» свой график, в типографии — свой. Пока «Союзпечать» к 18 июня собрала заявки с мест на 7-й номер, в типографии уже закончились многие производственные процессы. Повторять их ради дополнительных 900 экземпляров — себе в убыток, а у полиграфистов хозрасчет...

А с 1988 года подписка будет проходить в течение всех двенадцати месяцев. Значит, каждый месяц будет изменяться цифра тиража и «Следопыта». Есть ли гарантия, что не повторится обида, нанесенная в июле Вере Александровне Чураковой и еще сотням читателей? Такой гарантией мог бы стать резерв в несколько тысяч экземпляров, часть которого уходила бы подписчикам, а остальное — в розничную продажу (к слову, сегодня «Следопыт» почти не поступает в розницу). Однако и тут завычка: при постоянно растущем тираже нашего журнала дополнительную бумагу на его печатание Госкомиздат СССР выделяет буквально по чайной ложке...

Сумеют ли договориться меж собой три ведомства — Госкомиздат СССР, Министерство связи и руководство полиграфического комбината «Уральский рабочий», где печатается наш журнал, — от этого зависит, попадет ли к каждому подписчику или вновь пропадет «Уральский следопыт».

ЗАДАЧИ НЕ ИЗ УЧЕБНИКА

Александр ЛЯПУСТИН

«Навстречу друг другу из Чары и Хани вышли два путеукладчика. Первый прошел 104 километра. Проходя в день на один километр больше, он пришел к месту стыковки на один день раньше. Сколько километров проходил в день второй путеукладчик, если он до места встречи уложил путь на 125 километрах?»

...Идет урок арифметики в средней школе № 25 Байкало-Амурской железной дороги имени Ленинского комсомола в Юкталях. Жителей в этом новом поселке около четырех тысяч, 800 — школьники.

В окна школы видны магистраль, стройплощадка. Там работают отцы и матери ребятишек. Здесь все рядом. И ребята видят, чем заняты их мамы и папы, знают, как прожит трудовой день в поселке.

Дети здесь гордятся отцами. Они ежедневно впитывают в себя дух героического труда на огромной стройке Родины. Проходят крепкую закалку. И не из учебников, а на деле видят они, на что же способен человек: в условиях вечной мерзлоты прокладывать дороги и строить города. Каждая минута жизни ребят в Юкталях — профориентация.

Станции на БАМе распределены между строителями. Нью строят грузины, Кувькту — свердловчане. Тынды — столица БАМа — забота москвичей, а Усть-Нюкжа — челябинцев.

Столицу строят с размахом. Пятиэтажек немного, здания в основном девятиэтажные. А в центре и небоскребы есть — в шестнадцать этажей. По улицам мчатся машины, маршрутные автобусы, невозможно поймать такси, как и всюду в крупных городах.

На БАМ я ехал к своим землякам-челябинцам по заданию газеты. Из Тынды до Усть-Нюкжи добирался уже поездом. А давно ли здесь, где проложены теперь рельсы, была непроходимая тайга?..

Разговорился с попутчиком — молодым парнем. Ехал тот работать бригадиром на пути.

— Почему именно в Усть-Нюкжу?

— Друг позвал. Квартиру обещают.

Вот это темпы! Челябинцы еще только возводят поселок в медвежьем углу и — пожалуйста — квартиру обещают.

Станция челябинцев, как я уже говорил, называется Усть-Нюкжей — есть здесь такая горная речка Нюкжа. А поселок их — Юктали. Первые строители обосновались на берегу ручья Юктали, так и поселок назвали.

Что представляет из себя этот далекий край? А край — далекий. Больше суток я добирался до него самолетом с пересадками: Челябинск — Абакан — Благовещенск — Тынды...

Приведу строки из письма юкталинских школьников, которые они переслали со мной челябинским ребятам:

«...До прихода людей долина, где расположен наш поселок Юктали, называлась Голубой. Так называли ее местные жители, потому что, если смотреть на нее с вершин сопки, она как бы окутана голубой дымкой.

Хотя климат здесь неласковый, но природа красивая, особенно летом, когда распустился лиственница, поднимется стланник и зацветут рододендроны, багульник, саранки. Все сопки, окружающие Голубую долину, оживают. Летом у нас много вкусных ягод — морошка, голубика, брусника, клюква...

...Хотя здесь вечная мерзлота, летом все с удовольствием купаются...»

Глухая тайга была здесь до великой стройки. Но когда мы с попутчиком перед рассветом вышли на станции, меня поразило море огня. Сверкал построенный «Урал-автостроем» вокзал с огромным циферблатом часов каслинского литья, горели фонари вдоль линии. Светились окнами жилые бараки, взбравшиеся на сопку над ручьем Юктали.

Станция напоминала мне не то химический, не то нефтеперерабатывающий завод. Какие-то постройки из

цветного профнастила; огромные серебристые баки над станцией и в долине; кругом нити трубопроводов. В баках — топливо и вода для котельной. Переплетения труб — система отопления, магистрали. Упакованные в теплоизоляцию и фольгу, отражающую солнце, трубы протянуты над землей; нельзя беспокоить вечную мерзлоту. Станция в перспективе будет одной из основных на центральном участке БАМа.

Челябинцы строят жилой городок капитально — из кирпича и бетона. Работают здесь строители, электромонтажники, санитарно-техническая служба из передвижной механизированной колонны объединения Челябинметаллургстрой.

Один из первых в Нюкжу прибыл геолог Василий Васильевич Клименко. Это было весной семьдесят пятого. От него я узнал, что площадка, выделенная для челябинской станции, едва ли не самая удобная на тысячах бамовских километров. Ровная, окружена со всех сторон сопками. Они защищают поселок от жестоких зимних ветров.

Место высадки первопроходцев отмечено в поселке. На стальной пластине, приваренной к трубе, выведено огненной рукой сварщика: «Отсюда в марте 1975 года челябинские изыскатели начали освоение БАМа».

В Усть-Нюкже бараки и вагончики вознесены на постамент. Под зданием новой красавицы-школы можно свободно пролезть на другую сторону.

— Вечная мерзлота намного уложит работу, — говорит Клименко.

— Что это за мерзлота, когда снегу не видно?.. Взял вот валенки с собой — и ни к чему вроде.

— А она, мерзлота-то, у тебя под ногами валяется.

Клименко поднял первую попавшуюся гальку.

— Так ведь это насыпной грунт, — не соглашался.

— Ну и что. Его же сняли где-то в другом месте. А вечная мерзлота — это промерзший грунт. От поверхности до самых различных

глубин. За лето верхний слой чуть оттаивает, внутри же — постоянный холод.

..Мерзлоту нельзя согреть. Поэтому-то все дома на свайных фундаментах парят над землей. Теплотрасса — на воздушной подушке. И прежде чем снять верхний слой (мох, стланик, дерн), нужно тысячу раз подумать. Мерзлота капризна. За поведением ее наблюдают постоянно у жилых домов, под проезжей частью автодороги, у школьного здания да и в любом другом месте.

Для этой цели челябинцы бурят скважины. Стенки их укреплены обсадными трубами, а устье скважины термоизолировано. Тепло не должно проникать в глубину. В любое время, отграв замок на скважине, можно опустить в нее градусник и узнать температуру на глубине.

..Буровая извлекала очередной столбик керна. Вечная мерзлота. Галька, камушки, земля, хвоя, лед, снег — все перемешано в замороженный монолит. Но на весеннем солнце сразу же распадается, как говорят изыскатели, на фракции. Глубина самая разная, поведение мерзлоты самое загадочное.

В Усть-Нюкже бурили скважину питьевой воды. 50, 100, 150, 180 метров — мерзлота! И только на глубине свыше 240 нашли воду. А по берегам ручья Юкталы вода вдруг пошла на первом же десятке метров. В устье ручья, похоже, мерзлоты вообще нет. Как поведут себя соседние постройки? Загадка.

Лаборант Наташа Соколова каждый день перебирает руками эту мерзлоту, отбирая образцы с различных глубин. Чтобы они не растаяли в ладонях, Наташа быстро опускает их в смесь парафина с гудроном. В лаборатории она определяет объем каждого образца, выпаривает в печи влагу, узнает ее содержание в породе, просеивает через сито на фракции. Затем все это описывает... Вот такая работа у Наташи, очень нужная, но и очень нелегкая.

Надо ли говорить, что каждый построенный здесь дом стоит гораздо дороже своего челябинского собрата. Панели привозят из Шимановска — с завода, построенного на Транссибе. Там их делают с учетом повышенных требований.

И ночью не прекращается работа в Юкталях. Бурильщики сверлят мерзлоту и устанавливают сваи круглосуточно.

У прораба Мухарама Якупова одиннадцать человек в бригаде: сварщики, экскаваторщики, бульдозеристы. Коллектив постоянный. Основная работа спецстроевцев — инженерные сети, то есть тепло, вода, канализация.

Коммуникация здесь надземная. Здания и строящиеся объекты связаны строгой геометрией эстакад, приподнятых на полметра над землей. Сделаны они из оцинкованного профнастила. В них-то и монтированы все инженерные сети.

Брак здесь недопустим. Ас электросварки — Николай Алексеевич Быков. «Сварено по-быковски» — лучшая оценка для сварщиков. Ни один шов, сваренный им, не переделан на многих километрах магистрали.

..Строители заканчивали отделочные работы в первом благоустроенном жилом доме, готовили основание для следующего. Главный инженер колонны Анатолий Яковлевич Андреев, недолго вводил меня в курс дела. Вся стройплощадка была как на ладони. Сложности стройки традиционны — неритмичная поставка конструкций. И если бы не это, юкталинцы справились бы новоселье в новом доме еще в прошлом году.

Москвичам повезло, «свою» Тынду они строят из московских конструкций. Дальше, да быстрее. Строительство остальных станций зависит от поставок с Шимановского завода. Тоже не близко, но еще и медленно. При мне юкталинцы получили всего две панели и две сантехкабины, и то была радость.

Но рабочие здесь не сидят сложа руки в ожидании конструкций. Монтажники во главе с партгрупоргом бригады Юрием Ивановичем Коневым вязали из дерева сложную опалубку крыльца. Здесь многие умеют делать всё. И не называют это освоением смежных профессий, а просто делают то, что сегодня более нужно.

Юрий Иванович работает пять лет в Юкталях и даже отпуск проводит здесь. Несуетливый, какой-то весь надежный, он сразу же вызывает доверие. Партгрупоргом бригады его выбирают не первый год.

..Почти каждый день я слышал имя — Владимир Письменный, но никак не мог его увидеть. Главный механик все время в бегах. Только в последний день мне удалось с ним встретиться.

Техники здесь полно и самой разной: буровой, рыхлительной, подъемной, транспортной... Иная грохочет круглые сутки, иную же необходимо долго разогревать, прежде чем поутру пустить в работу. Много техники устаревшей. За всем этим хозяйством главный механик должен углядеть. Теперь понятно, почему неуловим главный механик. Он мотается из конца в конец, выпрашивая, выменивая, выбывая запчасти. Латает ежедневные прорехи. И нет у главного механика помощников: ни завгара, ни механика по выпуску машин, ни даже простого линейного механика. Один во всех лицах.

Трудные задачи решают бамовцы. Сколько приходится тратить сил и здоровья на их решения. И все-таки справляются. Но вот напрашивается вопрос: может, хватило бы бамовцам тех препятствий, которые неизбежны в работе в условиях вечной мерзлоты?

..Задачи отцов в облегченном варианте дети решают пока что в классах. Это не «приближение математики к жизни», а вторжение жизни в сухие формулы учебника.

«...Мои родители работают на БАМе, — пишет в сочинении Сережа Бахтин. — ...Когда я и мои одноклассники станем комсомольцами, мы возьмем в ряды строителей молодежных новостроек страны».

Этим мальчишкам и девчонкам, для которых с детства ударная стройка — за порогом школы и вагончика под лиственницей, не усидеть в пыльных городах. Их постоянно будет манить та жизнь, которую они знали с детства...

ЖЕНЬШЕНЬ: ПИОНЕРНАЯ ФУНКЦИЯ

Станислав МЕШАВИН

Рисунок Сергея Мальцева

Впервые я побывал в Комарово летом 1971 года. Маленькая деревушка эта приютилась на крутых берегах красавицы-реки Уфы. Места живописные, уральская природа причудливо смыкается здесь с башкирской, в лесах водятся, пусть не в изобилии, глухарь, рысь и даже медведь.

Привела меня в эти края, однако, не заманчивая экзотика, а журналистское любопытство. В Комарово впервые на Урале появился женьшень. Абориген Дальнего Востока поселился на усадьбе Степана Минеевича Сыропятова. Хозяин — личность колоритнейшая. Высокого роста старик с окладистой бородой, густо тронутой сединой. Речь певучая, любимое обращение к собеседнику: «дорогуша». Служил еще в царской гвардии. Под старость, когда «весь изробился», занялся «земелькой». Садоводческое кредо Степан Минеевич обозначил так: «Запало мне в голову вырастить то, что на Урале не растет». Сажал земляной орех, арбузы, а потом вполне естественно «запало ему в голову» заняться на огороде женьшенем. Поразило его прочитанное в книгах восточное изречение: царь лесных зверей — тигр, царь морских зверей — дракон, а царь лесных растений — женьшень. О том, как С. М. Сыропятов приручал «царя», я рассказал в свое время в журнале¹.

Степану Минеевичу было уже за сто, когда он ушел от

нас в небытие. Ушел, оставив потомкам главное дело жизни — сад с плантацией женьшеня. Уцелела ли она? Вопрос не праздный. Сколько на памяти случаев, когда на жизненном небосклоне ярко загоралась одиночная звезда и, никем не поддерживаемая, медленно угасала в этом гордом одиночестве. Подхватил ли кто эстафету? И вот через шестнадцать лет я снова в этих краях.

...Мартовским вечером 1987 года едем втроем вдоль берега Уфы, держа курс на Комарово. С горки на горку. За рулем «Волыни» директор Артинского межхозяйственного лесхоза Александр Григорьевич Танков, на заднем сиденье — мастер специализированного участка по выращиванию женьшеня Иван Павлович Сорокалетовских.

Да-да, именно так. Зазвучали, пусть еще не в полную силу, производственные термины. Женьшень принял из рук С. М. Сыропятова не кустарь-одиночка, садовод-любитель, а государственное предприятие. И поскольку на Урале этот опыт первый и пока единственный, да и в стране промышленным разведением занимаются считанные единицы, то есть смысл рассказать об эксперименте подробнее.

...Они и сидят вместе в одной тесной комнате — столы впритык, два энтузиаста, принявшие эстафету от Сыропятова и придавшие ей государственное значение: Василий Антонович Боголепов и Иван Павлович Сорокалетовских.

В. А. Боголепов в сороковые годы прошел военными дорогами в составе минометного полка гвардейских «катош» до Кировограда. Потом «комиссовался» по зрению. Закончил техникум и заочно Уральский лесотехнический институт. А глаза продолжали отказывать.

— Валим мы с ним в лесу деревья, — рассказывает Иван Павлович. — Он сначала руками ощупает, где у хлыста сук, на ощупь, понимаешь, а потом ударяет топором. И ни слова жалобы.

Эта жизненная стойкость снискала уважение товарищей — Василий Антонович все последние годы практически бессменный секретарь партийной организации. Но даже зная характер Боголепова и цена его упорство в достижении цели, тогдашний директор лесхоза замал руками, едва услышал о женьшене:

— Ну, вырастешь десяток-другой корешков. А ты подумаешь, что каждый из них будет золотым в пересчете на государственные денежки? И потом: есть у тебя земля? Нет! А семена? А материалы для изгороди? То-то! Пустое дело затеваешь, Василий Антонович!

Кругом был прав директор. Не получив от начальства поддержки, Боголепов и Сорокалетовских стали держать «военный совет». Клятв не давали, но твердо решили: не отступать! Павел Степанович Сыропятов, сын Степана Минеевича, охотно отвел на своем огороде три грядки. Нашлись и семена.

Я держу в руках документ. Вот его текст.

«АКТ.

1975 г., сентябрь м-ц, 17 дня, д. Комарово.

Комиссия в составе: специалиста лесного хозяйства «Облмежхозлеса» Боголепова В. А., агронома по защите растений управления сельского хозяйства Сорокалетовских И. П. и Сыропятова П. С. в присутствии Сыропятова С. М., Кашина В., Рябухина А., Быковских Г. сего числа заложили первый на Среднем Урале в д. Комарово питомник по выращиванию лекарственного растения женьшень в честь Сыропятова Степана Минеевича, который первым акклиматизировал женьшень на Среднем Урале в д. Комарово Артинского района Свердловской области.

Питомник временно расположен на территории приусадебного участка Сыропятова П. С. Площадь питомника разделена на 3 грядки размером: длина 15 м,

¹ «Уральский следопыт» № 1 за 1972 год.

ширина 1 м. Всего семян высеяно 1212 штук, в т. ч. получено: от Сыропятова С. М. — 250 семян, от Сыропятова П. С. — 52, от Елизарова П. Е. (с. Залесье Приморского края) — 900 штук. Питомник создан с целью продолжения опыта Сыропятова С. М. по акклиматизации и производственному выращиванию женьшеня на Среднем Урале».

Акт, как и полагается, заверен подписями.

Лиха беда начало. Сменилось руководство в объединении «Облмежхозлес», и новый директор К. Е. Сидоров решительно поддержал эксперимент. Постановлением Свердловского облисполкома Артинскому лесхозу выделены участок в два гектара. С сердечной заинтересованностью отнеслась к инициативе уральцев главный инженер единственного в стране специализированного совхоза «Женьшень» Н. И. Северюк. Она дважды высылала с Дальнего Востока семена. И советами; и литературой помогает артинцам руководитель методического центра Тебердинского заповедника профессор А. А. Малышев.

Перечитал написанный абзац и посетовал на себя: все так и вместе с тем все не так. Уж очень легко это выглядит на бумаге, ускользает, теряется главная мысль. И тогда, несколько лет назад, и сейчас эксперимент был бы стопроцентно обречен на неудачу, если бы во главе его не стояли энтузиасты. Не просто добросовестные, исполнительные работники, а именно энтузиасты.

Участок должен быть огорожен. Лучше всего железным прутом. Начались поиски по району, обратились на Первоуральский новотрубный завод. Все это без фондов. Материал нашли, но... в Комарово нет ни сварочного аппарата, ни сварщика. Трубы надо забивать глубоко в почву. Чем? И так на каждом шагу. Женьшень капризен к почве. Кто и на чем подвезет торф, навоз? И. П. Сорокалетовских спешно освоил трактор Т-40, получил права вождения, тридцать километров, отделяющих Комарово от Артей, он изучил до каждого ухабышья.

У Ивана Павловича 24 записных книжки. Все они заполнены убористым почерком. Вот, к примеру, две записки: «С 6 классом пошли из Артей в Комарово (24 ученика + 2 учителя). Вышли от автохозяйства в 11.30 дня, пришли в 8.30 вечера — ночью был сильный дождь», «Шел с трех дня до 9 вечера. Пришел, стал мыть полы».

Я нарочито привел обыденные примеры. Ну что двигало им? Ведь мог, кажется, резонно сказать: дадите машину — поеду, нет — извиняйте. Директору можно сказать, а женьшеню от этого легче? Сколько мы знаем случаев, когда, скажем, доярки часами ждут транспорта, чтобы добраться за 4—5 километров до фермы. Ругают они, и совершенно справедливо, свое начальство, а бедные буренушки стоном стонут от распирающего молоком вымени. Куда удобнее отыскивать дефицит совести у других, если своя в эти часы молчит.

Жизнь украшают подвижники. Они как живой укор многим из нас, стремящимся установить планку для прыжка не повыше, не на максимум, а как можно ниже; они живой пример того, что серые будни могут обернуться праздником, если человек одержим делом. Разумеется, если эта деятельность не направлена всецело на себя, а открыта большой идеей. Примечательно, что Иван Павлович увлекся женьшенем не ради экзотики или садоводческого самоутверждения. Его потрясла перечитанная им почта, пришедшая на имя С. М. Сыропятова, человеческие страдания, которые мог бы облегчить чудодейственный корень. Тогда он и дал себе внутреннюю нравственную установку: помочь людям.

Если верна поговорка, что дурной пример заразителен, то, видимо, с полным правом можно выдвинуть и встреч-

ную антитезу. Человечество ждала бы печальная участь, если бы его сердце оказалось неспособным откликаться на добрые побуждения. Столяр из Красноуральска Николай Каргополов, прослышав про женьшень, приехал в Комарово в конце мая любопытства ради. Увидел, как бьется едва ль не в одиночку Иван Павлович за свою идею, и остался в деревне до ноября. Работал самоотверженно — это оценка Сорокалетовских. Многое в доме и в гараже напоминает о красноуральском столяре, в частности, большой стол-верстак, добротный сколоченный из толстенных плах, на котором поздним вечером мы готовим сейчас немудреный ужин.

— Посмотри, посмотри на кирпичную кладку. Да выше, почти под самый потолок, — интригуяще предлагает мне Иван Павлович. — Ну что, увидел?

Красной краской на кирпичной стенке выведены две фамилии: Кирсанова Тania, Кузнецова Эльвира. Студентки Удмуртского госуниверситета. Прослышали про уральских энтузиастов, тоже приехали просто посмотреть, а остались на полтора месяца. Их руками вскопано, обработано две сотки. Не удивляйтесь столь малой величине — земля под посев женьшеня требует кропотливого вдумчивого труда, почву готовят два года, работа ручная. На прощание девчата замуровали в стену, там, где начертаны их фамилии, капсулу. Просили не трогать до их возвращения — в письме они загадали, какой будет через несколько лет судьба питомника и их собственная.

А как нужны в Комарово не временные, а постоянные рабочие руки! Планов, и заманчивых, у Сыропятова и Боголепова много, а вот кто их будет воплощать? Задумали они, например, превратить питомник в зеленый оазис. Начало положено: высажены золотой корень, черноплодная рябина, смородина. Посадил Сорокалетовских сто пятьдесят лиственниц — саженцы, едва поднявшись, были перекопаны трактористом. Надо было их, конечно, огородить, да где и у кого занять хотя бы напрокат время? «Оазис» рождается на самодеятельных началах, а Сорокалетовских хочется иметь научно обоснованный проект озеленения. Чтобы переливались краски, чтобы один цвет, не успев увянуть, сменялся другим, чтобы гармонично чередовались сочетались тона. Ну, а почему бы и нет? Но мечта все отодвигается, придавленная неотлагательными прозаическими проблемами. Скажем, женьшеню противопоказаны прямые солнечные лучи, ему достаточно лишь трети энергии солнечного светила. Вначале растения просто укрывали белой материей, сейчас перешли на реечное покрытие. Сделали полторы тысячи щитов, а чтобы расширить плантацию, надо сколотить еще столько же. Расширять, значит, и огораживать. При мне Сорокалетовских выписали командировку в Первоуральск, чтобы привезти оттуда двадцать тонн некондиционных труб диаметром 30—60 мм. Разрезать, сварить, выколотить — всего три глагола, а сколько за ними труда!

В отпечатанной типографским способом памятке по выращиванию женьшеня, которую лесхоз составил по собственной инициативе, положив в ее основу опыт дальневосточного садовода П. Е. Елизарова, особенное внимание уделяется почве. Елизаров рекомендует такой состав: лесная земля — 3 части, листовая перегной — 1, навозный перегной трехлетней давности — 1, древесная труха — 1, шлак бурого угля — 1, древесная зола — 0,2, старая хвоя — 0,1.

— Нам об этом остается только мечтать, — вздыхает Иван Павлович. — Это пособие для любителей, которые могут лелеять на своем участке десяток-другой корней. А у нас их, всех возрастов, более семи тысяч. Тут поневоле отдаешь предпочтение спартанскому воспитанию. Навоз и торф — вот и все наше удобрение.

Спартакское воспитание имеет свои издержки, и немалые. Из шести тысяч однолеток примерно одна треть не выживает. Но иного, менее жесткого пути, наверное, и нет, если речь вести о промышленной плантации.

Видимо, пришла пора сказать о результативности усилий энтузиастов. Человеческая деятельность, что ни говоришь, поверяется конечным результатом. Так хочется перейти на высокий слог, но в данном случае он неуместен, все-таки речь идет об эксперименте, причем долговременном, обусловленном самими законами природы. Добавим, однако, толику оптимизма: цифры скромные, но обнадеживающие. В 1979 году лесхоз получил 150 граммов семян и постепенно перешел на посев исключительно своими — уральскими. В 1986 году собрано 2,5 килограмма семян. Наверное, стоит для ясности прокомментировать, что этот вес содержит 45—50 тысяч штук будущих корней. Артинцы уже не импортируют, а напротив, поставляют семена «на экспорт».

В 1983 году артинцы получили первую товарную продукцию — корни шестилетнего возраста общим весом 1725 граммов, а всего за 1983—1985 годы реализовано 15 килограммов (каждый килограмм сырого веса стоит 500 рублей). Причем к радости примешалось и огорчение. Как ни странно, встала проблема реализации. Обратились в областное аптекоуправление — отказ, на завод медикаментов — то же самое. Посоветовали артинцам... лететь для сбыта корней в Хабаровск, где есть специализированный завод. Совет хороший, но и денег хороших стоит. Добавлю, что и по сию пору вопрос так и не улажен.

Вспоминаю, как в свое время Степана Минеевича мучила мысль, что он ничего не может сказать о деликатных свойствах корня. Вспоминаю его слова: «может, пустышку выращиваю». Полезность женьшеня определяют по содержанию в корне гликозидов (сапонина) — носителей основного фармакологического действия женьшеня и экстрактивных веществ. Так вот, лабораторные исследования, проведенные в Майкопском фармацевтическом институте, показали такие результаты: в дикорастущем корне содержится 21 процент сапонина, в приморском (культурированном) — 24, в тебердинском — 30. Уральский занимает почетное второе место — 27,3 процента. Специалисты склонны приписывать это гористости и повышенной радиоактивности края.

Как видите, почва для оптимизма есть. Но если брать во внимание одну лишь экономическую сторону, то почва довольно зыбкая. О рентабельности специализированного участка пока говорить не приходится.

На эту тему и возник спор в доме, который построил лесхоз в Комарово специально для питомника. Двухквартирное здание пустует — нет желающих поселиться в глухой деревне. На улице минус пятнадцать, в комнатах чуть меньше. Быстренько распределяем обязанности: один подносит дрова, другой шурует у печек, третьему выпало чистить картошку. Тяга превосходная, «голландки» аж воют, нагнетая тепло в дом. Держа в руках кружку с горячим чаем, настоящим на зверобое, директор лесхоза начал миролюбиво:

— Вот ты, Иван Павлович, меня всю дорогу атакуешь: то, другое дай для питомника. Да разве я против женьшеня? Но у меня же план на шею висит! Зима нынче, сам знаешь, свирепая, снежная выдалась — ни пройти, ни проехать. Если лес не вывезем — сорвем строительство в совхозах, завалим не только кварталный, но и годовой план, зарплата, премии погорят. А у тебя на уме один питомник, к тому же, — Александр Григорьевич выдержал паузу, — убыточный.

Лучшей растопки для спора нечего было и желать. Иван Павлович весь так и вскинулся:

— Ты меня рублем бьешь, а я тебя сейчас наукой прихлопну. — Он достал из кармана потертую записную

книжку и стал торопливо листать ее. — Вот послушай, что пишет крупный экономист, голова, не нам чета: «На чисто коммерческих началах это сделать невозможно, поскольку освоение любой новинки требует больших затрат времени и денег на проведение идеи, гипотезы до товарного варианта. Государство должно поддерживать пионерную функцию...» Вот мы с тобой и осуществляем эту пионерную функцию.

Не стоит выискивать в этом споре острейший конфликт, который ныне в большой моде, выявлять борца за правое дело и обрушиваться на консерватора. Все сложнее... Межхозяйственный лесхоз работает по законам хозрасчета, и, естественно, каждый рубль должен давать отдачу. Женьшень же никак не хочет вписываться в жесткие рамки планового механизма.

Ну как, скажите на милость, можно предвидеть крепость весенних заморозков — слабы они будут, средние или экстремальные? Скажем, апрель 1985 года выдался на Урале на редкость теплым, а в мае грянули холода. Тысяча корней погубило — сплошной убыток. Как определить всхожесть семян? Давно мечтает Сорокалетовских о дистанционных термометрах, о малой полевой агрохимлаборатории, которая бы позволяла проводить анализ почвы и другие исследования, стратификацию семян. Без всего этого сплошная кустарщина. У себя дома Иван Павлович хранит ящик с песком, в котором шесть тысяч семян. Проклюнется половина из них — это еще терпимо, а если процентов десять? Что тоже, кстати, бывает. Это ведь уже не тысячи, а всего 600 будущих корней... Проблемы крупные, сложные, и хорошо, что в Артях к ним подходят реалистично: не впадают в панику при неудачах и скромно оценивают первые успехи.

Редкостью для партийных собраний тема обсуждалась в прошлом году: «Задачи коммунистов лесхоза по выращиванию лекарственного растения — женьшеня». Естественно, звучала озабоченность, но была и твердая убежденность в своей пионерной функции. Сейчас корнями женьшеня занято 0,25 гектара, под семенами — 0,3 га. Решено расширить питомник в Комарово, а в перспективе заложить новый участок площадью в 6 гектаров уже в Артях — здесь с рабочей силой проще. Не свертывать, а расширять плантации — в этом ключ экономического обеспечения.

Горячий разговор, начавшийся в простуженном доме на берегу Уфы, завершился уже в Свердловске, в кабинете генерального директора объединения «Свердловск-межхозлес» К. Е. Сидорова.

— Мы не только поддерживаем, но и пропагандируем опыт артинцев, — говорит мой собеседник. — Три года назад засеял женьшенем маленькую делянку Шалинский лесхоз (заметьте, это севернее Артей), дали семена Туринскому, Тавдинскому, Пригородному лесхозам.

Я оценил, что слово «пропагандировать» в устах генерального директора звучит как самое точное. Не внедрять на Урале повсеместно женьшень, как некогда кукурузу на севере, а поддерживать словом и делом тех, кто сам по доброй воле и с желанием берется за его выращивание. А энтузиастов уже не десятки, а сотни. Могли предвидеть такое Степан Минеевич, когда посеял в уральскую землю маленькое зернышко, похожее на семена вики?

...А в моей памяти Сыропятов остался таким, каким я видел его в последний раз. Мы сядили в лодку, когда он медленно, опираясь на палку, спустился к берегу Уфы. Не спеша достал из кармана небольшую бутылочку.

— Прими от меня подарок. Женьшеневая настойка. Застучал мотор, поплыли назад небольшие, но крепко сколоченные домики глухой уральской деревушки Комарово, стал уменьшаться на глазах плечистый, с окладистой бородой старик, дарящий людям здоровье.

Вести из Академгородка

Алексей ОДИНЦОВ

РАБОТАЕТ ВЕТЕР

Где-то свирепствуют ураганы, а в новосибирском Академгородке вялые дуновения едва шевелят верхушки деревьев. Странно видеть, что небольшое ветряное колесо, укрепленное на наружной стене лаборатории Института гидродинамики, быстро вращается.

Эти ветродвигатели, созданные сибирскими учеными, могут совершать полезную работу, используя энергию даже слабого ветра, имеющего скорость два-четыре метра в секунду.

На лабораторном столе под сенью многопластового ветряка расположился миниатюрный химический заводик. Это — опреснительная установка. Ветроколесо легко раскручивается, и почти сразу же с конца трубки, выходящей из недр агрегата, начинает капать прозрачная, опресненная, почти стерильная вода...

Опытная установка будет смонтирована сначала на берегу Азовского моря. Диаметр колеса — один метр, это так называемый микромодуль. С уменьшением размеров ветротурбины падает ее мощность, но в то же время резко снижается металлоемкость, а значит, и стоимость конструкции. Микромодульный ветродвигатель — дешевый, прочный, прост в эксплуатации. Его легко перевозить с места на место, монтировать на столбах среди поля, на склонах оврагов, на крышах или стенах строений. Если требуется увеличить мощность двигателя, то устанавливается не один, а несколько микромодулей.

РЕДКИЕ НАХОДКИ

В музее Института геологии Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР за 25 лет собрано свыше четырех тысяч образцов минералов, горных пород, ископаемой фауны и флоры, в том числе экспонаты мамонтовой фауны и археологические находки.

К числу редчайших находок относится удивительный по сохранности скелет чурапчинского шер-

стистого носорога с сохранившимися рогами, шерстью.

Не менее уникальна полностью сохранившаяся задняя нога мамонта с Берелезской (низовья реки Индигирки) стоянки древнего человека. Ее отделили от туши мамонта 13 тысяч лет назад первобытный охотник, используя для этого каменные топоры и ножи, которые были найдены недалеко от ноги мамонта.

ОГНИ СВ. ЭЛЬМА

Огни св. Эльма — редко наблюдаемое явление природы, возникающее в ненастную погоду на мачтах, пальцах поднятых рук, шпилях церквей, скалах и других выступающих телах. Это загадочное явление во все времена привлекало внимание исследователей.

До сих пор огни св. Эльма встречались только в природе. Лишь недавно, после разработки методов создания искусственных грозовых облаков, члену-корреспонденту Академии наук СССР Б. В. Войцеховскому из новосибирского Академгородка впервые удалось воспроизвести это явление в лаборатории. На предметах и руках, вносимых в искусственное грозное облако, возникает свечение в виде факелов. Исследования показали, что природа огней св. Эльма, в противоположность установившемуся мнению, существенно отличается от коронного разряда. Например, свечение исчезает при нагреве предмета свыше 100 градусов по Цельсию.

Открываются новые, неожиданные электромеханические явления, связанные с огнями св. Эльма.

КАРАКОЛЬСКИЕ ЖИВОПИСЦЫ

Отряд археологов Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР работал на раскопке курганов рядом с рекой Урсул на Алтае.

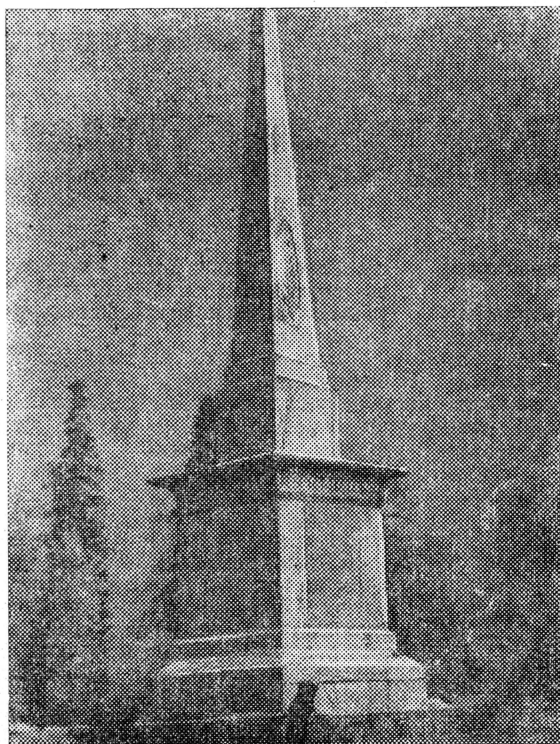
При исследовании малоприметного кургана были найдены погребения далекой энеолитической эпо-

хи. Здесь ученых поразили рисунки на внутренних сторонах плит каменных ящиков, в которых хоронили умерших.

Каракольские рисунки (по названию села, рядом с которым было обнаружено захоронение) удивительно самобытны и в то же время просты и прекрасны. Поражает удивительная сохранность красок, хотя им около четырех тысяч лет!

Рисунки найдены в погребении, которое можно отнести к окуневской культуре. Памятники этой культуры до сих пор не были известны на Алтае. Окуневская культура, несмотря на открытия последних лет, все еще остается загадкой. Например, известно, что «окуневцы» были пришельцами. Но откуда они пришли? Из Индии или Европы? А может быть, окуневская культура родилась в Южной Сибири?

ПАМЯТНИКИ

Аркадий КАРЯКИН

Среди выдающихся личностей России мы непременно называем и имя Ермака.

В 1579 году Строгановы пригласили на службу казаков во главе с Ермаком. 1 сентября 1581 года отряд Ермака, насчитывающий около 500 казаков, выступил из Нижних Чусовских Городков в направлении Сибири. В сопровождении проводников дружина двигалась кратчайшим путем по рекам Чусовой, Серебрянке, Кокою, затем, преодолев 25-верстный волок через вершину Уральского хребта, по рекам Обского бассейна — Туре, Тавде, Тоболу, Иртышу.

26 октября 1582 года дружина Ермака разгромила войско Кучума и взяла столицу сибирского ханства Кашлык.

Разумеется, покорение Сибири на этом не закончилось. Это было только начало.

Ермак — один из любимых народных героев. Ни об одном из исторических персонажей не сложено столько преданий, легенд, песен. Именем Ермака названы многие населенные пункты, реки, горы, береговые утесы, пещеры... Личность Ермака увековечена и в грандиозных монументальных памятниках.

Первый памятник Ермаку был воздвигнут в городе Тобольске. В 1830 году академику архитектуры А. Брюллову было поручено разработать проект. Открытие состоялось в 1849 году. Памятник представляет собой гранитный монумент, состоящий из квадратного основания, несущего на себе кубичный постамент с пирамидальным обелиском. На плоских гранях обелиска прорезанные пальмовые ветви, на постаменте венки с датами прихода Ермака в Сибирь и гибели его: 1581—1584. На двух противоположных плоскостях постамента памятные надписи: «Покорителю Сибири Ермаку» и «Воздвигнут в 1835 году».

Все сооружение имеет довольно внушительные размеры, высота его 16 метров. О былых походах Ермака напоминает ограда памятника, состоящая из стволов пушек. Памятник хорошо смотрится на темном фоне высаженных здесь хвойных деревьев и удачно выбранном местоположении на высоком обрывистом угоре.

В 1862 году в Новгороде Великом был торжественно открыт грандиозный памятник Тысячелетию России. В числе ста девяти фигур исторических личностей, изображенных на горельефном фризе, опоясавшем нижнюю часть постамента, и Ермак. В отличие от других изображений Ермака в образе полководца, атамана в военных доспехах, здесь он сидит в простой одежде, без головного убора — как песенно-былинный герой.

ЕРМАКУ

Фото автора

Самый значительный памятник Ермаку установлен в городе Новочеркасске. Он был сооружен в честь 300-летия Войска Донского. Бронзовая статуя Ермака высотой 15 метров и весом 350 пудов установлена на гранитном постаменте в виде скалы с уступами. На его лицевой стороне славянской вязью слова:

«Ермаку. Донцы. 1904».

На постаменте высечены слова:

«Донскому атаману Ермаку Тимофеевичу, покорителю Сибири, от благодарного потомства. В честь 300-летия Войска Донского. Окончил жизнь в волнах Иртыша».

В двух последних памятниках Ермак фигурирует как донской казак. Так оно и считалось, не подвергаясь сомнению, до конца XIX века, когда пермский историк А. А. Дмитриев в летописном «Сказании Сибирской истории» обнаружил сведения о том, что Ермак был выходцем из строгановских вотчин и носил фамилию Аленин. Сейчас в краеведческой литературе, в путеводителях, в описании биографии Ермака указывается на его уральское происхождение.

В 1898 году транссибирская железная дорога дошла до Иркутска. В честь этого события в центре Иркутска на берегу Ангары был воздвигнут величественный гранитный обелиск с горельефными портретами на четырех гранях постамента, на одном из них изображен Ермак.

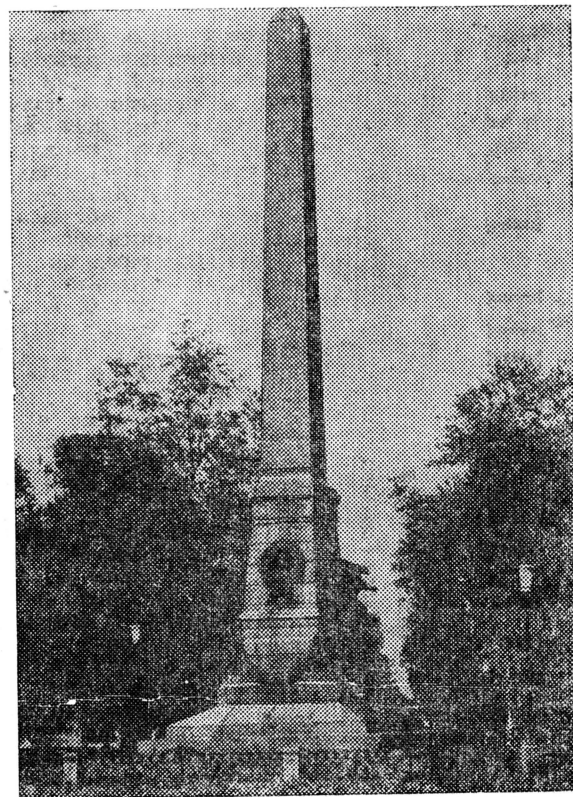
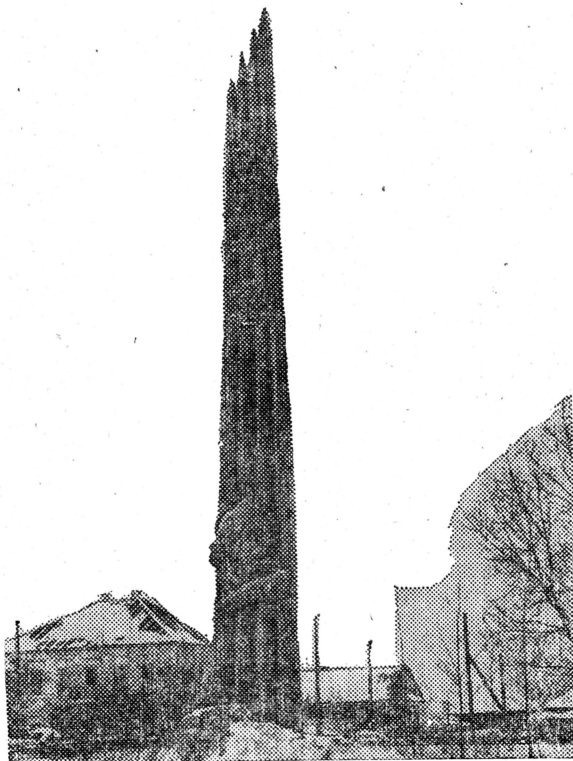
Единственный и очень скромный памятник с изображением Ермака имеется на пермской земле. Это памятник, посвященный 400-летию Орла-городка — одной из первых русских крепостей в Прикамье.

Четыре двадцатиметровых лиственничных ствола, заостренных в верхней части, представляют собой часть крепостной стены. В нижней части обелиска металлический барельеф погрудного портрета Ермака. На обратной стороне памятника укреплен литой металлический щит с надписью:

«Отсюда в лето 1581 года, нагрузив ладьи оружием и припасами, прибрав дружину малую, пошел Ермак на покорение Сибири».

Надпись эта не соответствует действительности. Ермак пошел в Сибирский поход из Нижних Чусовских Городков...

На снимках: обелиск в Тобольске; памятник в Новочеркасске; памятник в селе Орел Пермской области; обелиск в Иркутске.

Стольный град СИБИРИ

Александр МАЛЫШКИН

Фото автора и Игоря Горячева

В «лето 7095 (4 июня 1587 года) отрядом стрельцов и ермаковских казаков во главе с письменным головой Данилой Чулковым, в 15 верстах от Искора (ханской столицы), был поставлен деревянный острог, названный Тобольском», — отметили рождение города летописцы...

И потянулись за Урал в край неведомый освобожденные Ермаком от войск хана Кучума землепроходцы, служивые люди, крестьяне, беглые... Обживались на новых землях, строились. Богатый край достался Московии. Европа была поражена, когда московский двор направил австрийским Габсбургам «мягкую рухлядь» (пушнину). Ее оценили в восемь бочек золота.

Москва не жалела средств для строительства «стольного града Сибири». Да и не сравнимы были эти затраты с той прибылью, что принесил сибирский край государству.

Город строили свои, сибирские, зодчие, присланы были из Москвы каменных дел мастера и кирпичники. Особо талантливы в этом деле были Василий Ларионов, Герасим Шарыпов, Гаврила Тютин, Иван Смирный и Василий Кашинец. Они-то и воспитали из сибиряков замечательных архитекторов.

Поначалу город был сплошь деревянный, оттого-то и случались частые пожары. А в конце XVII века появились первые каменные постройки. Как чувствовали красоту те далекие мастера, сколько было фантазии в их сооружениях! Каждое из них — чудо. В каждом есть своя душа. Историки архитектуры даже выделяют тобольское направление в стиле барокко.

Город и природа здешняя — удивительная гармония. Он стал ее частью. В стране немного родов столь удачного сочетания.

На крутом берегу Иртыша возвышается кремль (XVII—XVIII вв.) с гостиним двором. Далеко виден он со всех сторон. Украшение кремля — Софийско-Успенский кафедральный собор. Колокольня на нем многоярусная. На 74 метра поднялась она над

собором. Голубые ее главы с золотыми звездами и ажурными крестами овеяны ветрами трех веков.

София Тобольская, как ее называют, самая древняя каменная постройка XVII века во всей Сибири. Для истории русского зодчества цены нет этому собору. В начале XVIII века он был расписан монументальной фресковой живописью. Позже ее заменили стенописью. Сейчас в соборе идут реставрационные работы по восстановлению первоначальной росписи.

Колокольня собора была построена по проекту губернских архитекторов А. Гучева и Ф. Уткина в стиле классицизма. Несмотря на массивность конструкции, ее ярусы гармонично соотносены друг с другом.

Софийские соборы на Руси редки. Они ставились лишь в тех городах, где начинала развиваться русская культура. Значимость Софии для Сибири можно сравнить с Софией Киевской для домонгольской Руси. В Тобольской Софии созданы первые летописи. Первые школы, театр, типография в этом крае были открыты здесь.

На гостиный двор съезжались купцы из дальних городов и селений. Торговали, обменивались новостями. Бойкое было место. Приезжали сюда и торговые люди иноземные — из Китая и Персии.

...Над взводом в кремль построена «шведская палата» — Рентеря. Это памятник гражданского зодчества Сибири раннепетровской эпохи. Автор проекта С. У. Ремезов. Палата стоит на массивном подклете с двумя арками ворот. Большая арка была проезжей, малая — проходной. Внутри палаты — шесть сводчатых залов. Рентеря впечатляет своими пропорциями и суровой неприступностью.

С колокольни собора виден весь город — верхний и нижний — до самых границ. Четко спланированы улицы. Старожилы уверяют, что в расположении улиц нижнего посада можно прочесть слово «мир». Многочисленные древние постройки превратили весь город в памятник старины. Здесь все — история.

Нижний Тобольск славится церквями XVIII века. Самая красивая — церковь Захария и Елизаветы. Построена в стиле барокко по проекту местного мастера Городничева. Церковь двухъярусная. Летняя — верхняя ее часть — своей пышностью напоминает более дворцовое величие, чем храм.

Сохранились в нижнем Тобольске и жилые дома, в основном купеческие двухэтажные особняки (XVIII в.). Некоторые из них особенно дороги тоболякам. Они связаны с именами их выдающихся земляков. Тобольск — родина Д. И. Менделеева, В. Г. Перова и А. А. Алябьева.

Отец Дмитрия Ивановича — И. П. Менделеев был директором тобольской гимназии, которая находилась в одном из этих зданий. Здесь он учил П. П. Ершова — автора «Конька-Горбунка». Эту же гимназию закончил и декабрист Г. С. Батеньков. Нелегкая ему выпала доля: более двадцати лет провел он в одиночном заключении.

Как известно, Тобольск был местом ссылки. Долгое время здесь жили многие декабристы. Одни из них тут и остались лежать навечно — на завальном кладбище. Бережно сохраняются могилы В. К. Кюхельбекера, А. П. Барятинского, А. М. Муравьева, С. Г. Краснокутского, Ф. М. Башмакова, Ф. Б. Волфа...

Вблизи кладбищенской церкви Семи отроков — могила Е. Рубановской, жены А. Н. Радищева, которому тоже пришлось побывать в этом ссыльном месте.

...Славится Тобольск и миниатюрной скульптурой на бытовые темы северян — изделиями из кости. Резная кость — старинный русский промысел. Известен он был еще в начале XVIII века.

В Тобольске в прошлом веке матернала для этих изделий хватало: мамонтовая кость была своя, моржовый клык завозили купцы в большом количестве.

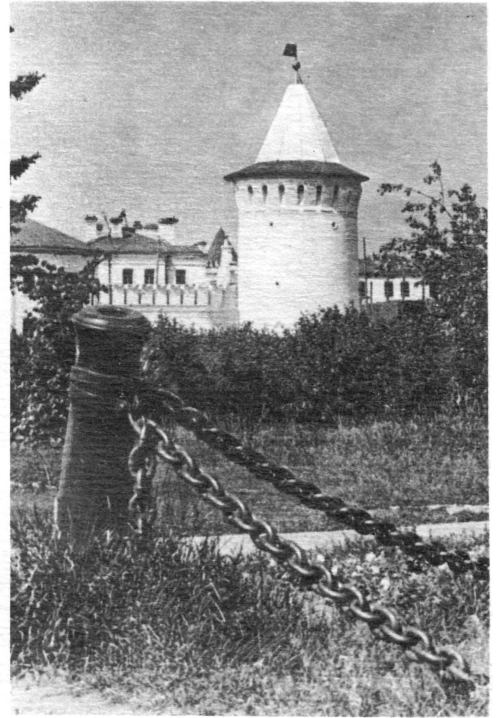
Тобольский берег

Первую косторезную мастерскую открыл губернский землемер И. Е. Овешков в 1872 году. До него резьбой по кости занимались мастера-одиночки. Работа тобольских косторезов не раз отмечалась не только на всероссийских выставках, но и за рубежом. В конце прошлого века дело это заглохло. И только в 1929 году снова о нем вспомнили.

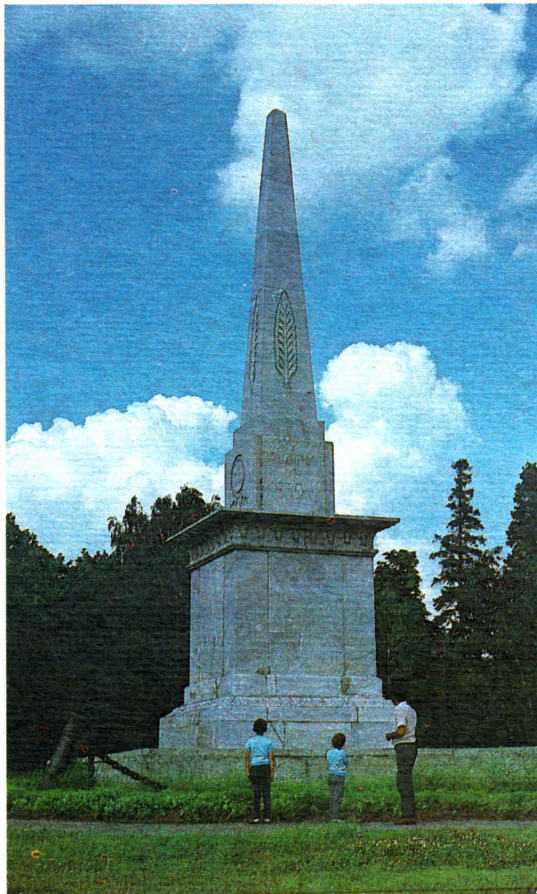
Немало сейчас талантливых резчиков в Тобольске. Многие, наверное, знакомы их изделия: величественный лось, порывистый олень, неуклюжий медвежонок. Многофигурная композиция «Поездки» — бегущие в упряжке олени или собаки, погоняемые охотником...

В 1961 году в Тобольске был создан историко-архитектурный музей-заповедник. Коллектив его руководит работами по охране и реставрации памятников старины. Но, к сожалению, дело это продвигается слишком медленно. Не хватает квалифицированных кадров, слаба материальная база, постоянные задержки проектно-сметной документации — все это тормозит работы. И все же думается, что со временем старые кварталы Тобольска будут полностью реставрированы на радость тоболякам и многочисленным туристам, которые едут сюда со всей страны.

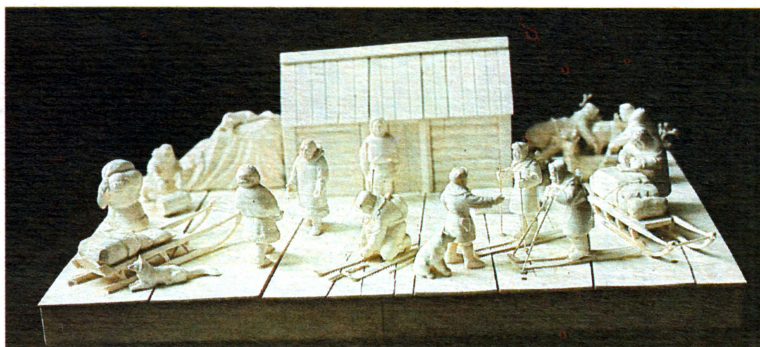
ТОВОЛЪСКУ • 400 ЛЕТ

Памятник, установленный на месте гибели Ермака

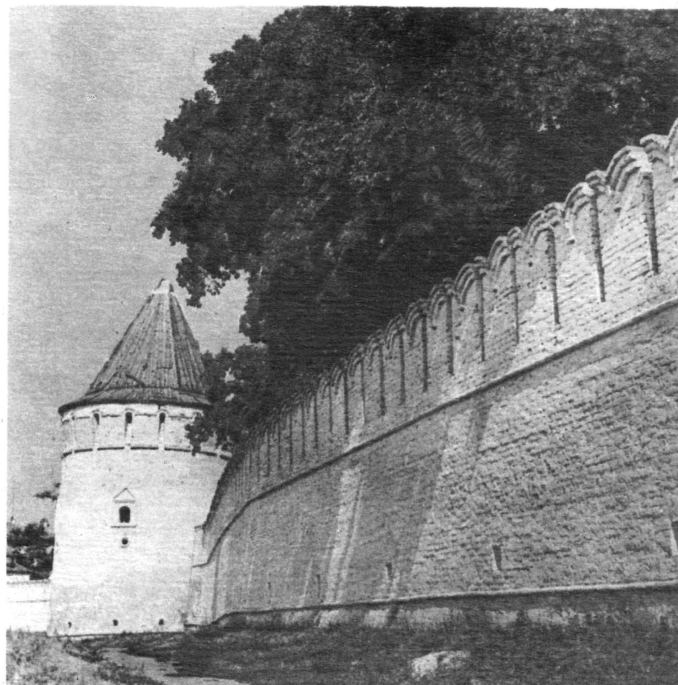

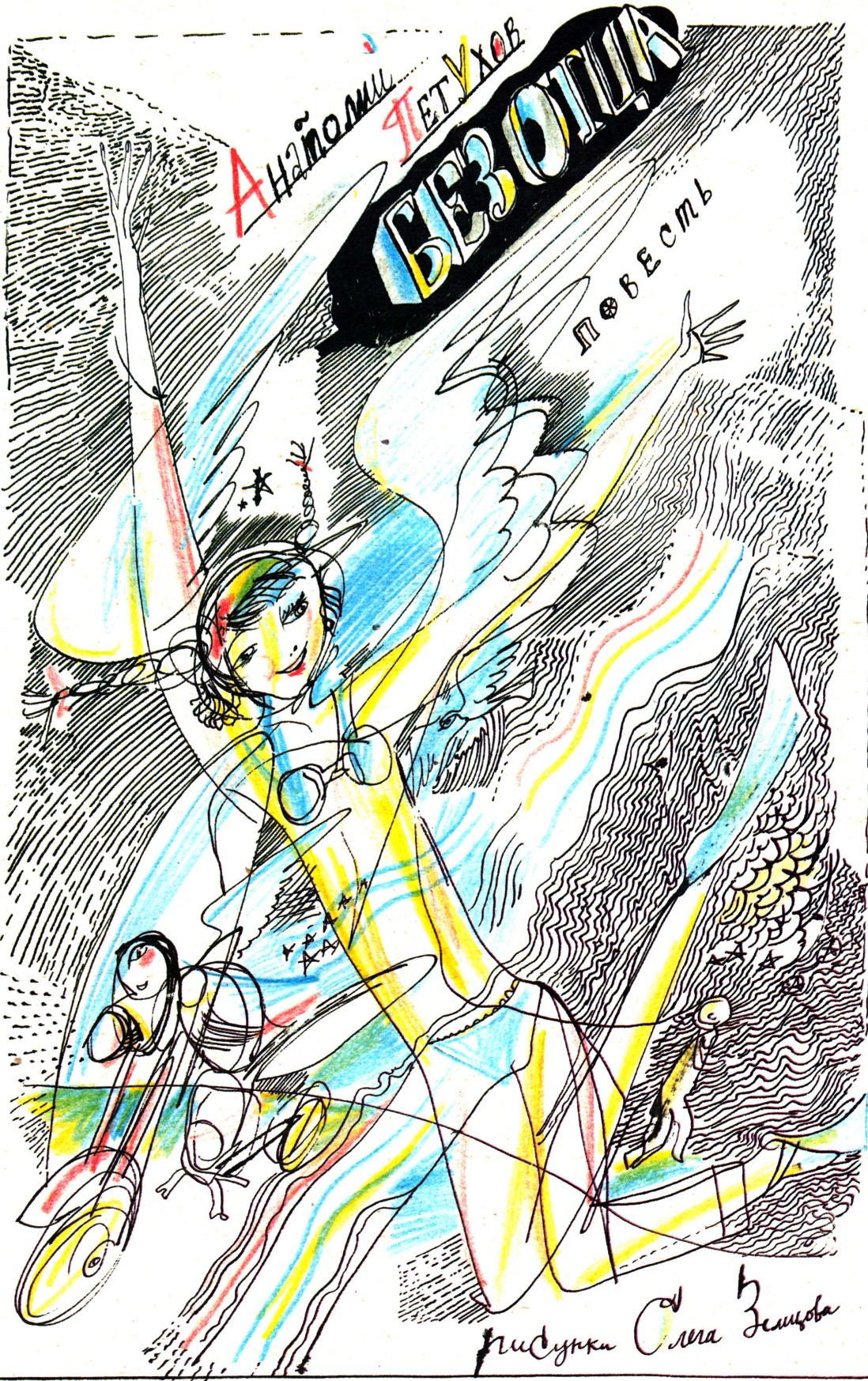
Драмтеатр

Искусство тобольских косторезов

София Тобольская

художник Ольга Земцова

Похороны пришлось на воскресенье. Погода для осени выдалась удивительно хорошая — теплая, тихая, солнечная. Проститься с учителем пришли и взрослые, и подростки, и дети. Да и то сказать — ни в Крохалево, ни в ближайших окрестных деревнях не было, пожалуй, ни одной семьи, из которой кто-либо не учился бы у Козырева.

Прощальные речи говорили вполголоса, и в словах сквозила искренняя печаль. И мало кто в эти скорбные минуты с тревогой не думал о будущем семьи Андрея Аркадьевича: скромно, очень скромно по нынешним временам в сравнении с семьями рабочих совхоза жили Козыревы, а каково им будет теперь, когда в доме не стало мужика, а детей — трое?..

Беззвучно плакала возле гроба совсем ослабевшая Елена Александровна Козырева, шмыгали носами младшие — Оля и Костя, да и у Димы щемило в глазах. Ему казалось, что все это — и красный с черной окантовкой гроб, и люди вокруг него, и речи, и само тихое кладбище, — все это сон, нелепый и страшный.

Когда могила заполнилась землей и мужики установили на ней временный деревянный памятник со звездой наверху, Елена Александровна громко зарыдала. Ее голос да этот памятник, крашеный охрой, напомнили Диме предсмертные слова отца: «Помоги матери, ты — старший».

— Не надо, мама... Пойдем. Оля и Костя с утра голодные, — он кивнул на младших.

— Пой-дем!.. — Мать ткнулась мокрым лицом сыну в плечо и с тяжким вздохом прошептала: — Как мы теперь жить станем, Димушка?

— Проживем, мама, — так же тихо ответил он.

Учеников распустили на осенние каникулы третьего ноября. Сияло солнце, но было ветрено, и деревянное двухэтажное здание школы гудело, в рамках больших квадратных окон дребезжали стекла.

Журнальный вариант.

Как обычно, Дима Козырев и Женя Старков встретились в коридоре у широкой лестницы.

Старые друзья, восемь лет просидевшие за одной партой, они уже второй год учились в разных классах. Год назад, когда в девятые пришли выпускники нескольких восьмилетних школ, педсовет растасовал учеников так, чтобы классы получились примерно одинаковыми по числу «сильных», «средних» и «слабых». Диму зачислили в девятый «А», а Женю — в девятый «Б».

Казалось бы, что тут такого? Ведь на уроках надо заниматься делом, а поговорить можно и на перемене. Да и после занятий времени хватит, тем более что Козыревы и Старковы жили на одной улице почти по соседству. И тем не менее именно на уроках весь минувший год Диме, замкнутому по своей натуре, не хватало Жени, не хватало его веселой энергичной уверенности.

У Жени был бесшабашно-возбужденный вид: пиджак распахнут, кудрявые волосы разлохмачены, голубые глаза блестят озорно и весело.

— Чего так светишься? — хмуро спросил Дима.

— Погодка-то — видел? По всему озеру беляки гуляют, а буксиришки плоты против волн тянут.

Они медленно спускались по лестнице, не обращая внимания на шум и гвалт.

— Тебе-то от этого какая радость?

— А ты мозгой пошевели. Подходящая халтурка наклеивается! Плоты в такую штормягу верхняком раскидает.

— А-а!.. — Дима согласно кивнул и подумал, что в самом деле было бы неплохо изловить в озере и приплавить десяток-полтора хороших бревен: лес в цене, семье — приработок.

Вышли на улицу и оба чуть не задохнулись под напором резкого ветра. В воздухе метались поднятые вихрем жесткие тополиные листья, клочки бумаги, пыль.

— Видал что делается! — переводя дух, воскликнул Женя. — Если не стихнет, и в озеро не сунешься. Ну, до завтра!

...В сумраке утра деревянные мостки и жухлая трава белели инеем, будто подсвеченные лунным светом; на мелководье, у берега, тонко потрескивала ледяная корочка. Ветра не было, и над рекой гулко громыхали якорные цепи, то тут, то там тишину вспарывал рев подвесных моторов.

— Думал, первыми будем, — разочарованно сказал Женя.

— Хотя того раньше встань, первым

не быть, — отозвался Дима. — У которых оханы*, те, бывает, и ночуют на озере...

Их лодки стояли рядом. У Жени была «Казанка», у Қозыревых «Сарепта». Моторы и баки с горючим хранились в железном бункере, вкопанном в крутой берег реки. Там же были и сцепки со скобами. Моторы запустились легко.

На полкорпуса зависнув над темной водой, лодки помчались к озеру. Чайки, которых задержала в местах гнездовой необычно теплая осень, лениво взлетали с фарватера, но едва моторки уходили вперед, плюхались на воду, старательно складывали длинные сизые крылья и долго поправляли перья желтыми клювами.

На озерном просторе колыхалась мертвая зыбь. Волны, гладкие, будто полированные, без гребней и пены, все еще катились в сумеречную даль. И в той стороне, куда они улеглись, на горизонте четко вырисовывались три моторки. Женя уверенно направил свою лодку туда, втайне радуясь, что район, где плавают бревна с разбитых плотов, уже найден и не придется впустую рыскать по озеру.

Женя считал себя везучим: так уж получалось, что его желания исполнялись сами собой. Легко давалась учеба, был он одним из лучших в школе спортсменов, и даже стереомагнитофон — единственный в Крохалева — был им выигран по лотерее. Вот и теперь, только при-

встал, чтобы на всякий случай поглядеть — не плавают ли где бревнышко, как сразу увидел прямо по курсу темную полоску. Он сбавил обороты, взял в руки багор и, обернувшись к Диме, потряс им над головой: дескать, начало есть! Дима все понял и чуть отвернул вправо, продолжая вести свою моторку на полной скорости. Он тоже знал, что Женя везучий.

Это был великолепный сосновый кряж без единого сучка, прямой, как струна. Ловким, точно рассчитанным движением Женя воткнул острый крюк багра в вершину, подтянул бревно к лодке и даже крякнул от удовольствия: вот это хлыстик!..

За прозрачной далью озера над зубчатой кромкой темного леса, там, где по-осеннему багряно румянилась заря, вспыхнул первый солнечный луч. И как-то неожиданно быстро вслед за этим лучом всплыла из-за горизонта огненная горбушка.

Не раз встречал Женя солнечный восход на озере, но раньше не замечал, насколько стремительно это происходит. Вот уже над лесом вышляется половина раскаленного диска, и в его красном свете плаваются острые верхушки елей. Еще мгновение — и сверкающий шар удерживает лишь одна истонченная, будто истаявшая вершина дерева. Но и эту последнюю призрачную связь с землей рвет устремленное ввысь светило. Между ним и горизонтом ширится блеклая полоска зари.

* Крупноячеистая рыболовная сеть.

— Надо же!.. — прошептал изумленный Женя. — Как оно... вынырнуло!.. — И обернувшись к Диме, во все горло восторженно крикнул: — Видал! Солнце взойшло!..

Дима вел лодку по дуге, заворачивая вправо. На озере появлялись все новые моторки. Темными клиньями, летящими над водой, они спешили туда, к первым трем, куда правил свою «Казанку» и Женя. Сколько же их наберется? Дима начал считать: пять, семь, одиннадцать... Но тут в полсотне метров от своей лодки он вдруг увидел целую пачку бревен. Нет, бревна, конечно, не были связаны друг с другом, покоились на воде свободно, но в поле зрения их виднелось около двух десятков. Вот это удача! Дима сбросил обороты, встал и, сложив ладони рупором, крикнул:

— Жень-ка!.. Давай сюда! Э-эй!.. — и зама-хал руками.

Но Женя был далеко и, весь устремленный вперед, не услышал.

— Ах, черт!.. Ведь обоим хватило бы! — огорченно пробормотал Дима.

Он перевел мотор на холостые обороты и направил лодку, быстро теряющую скорость, меж двух ближних бревен. Багром сблизил торцы, соединил сцепкой, но на буксир брать не стал, чтобы не терять маневренности. Орудя багром, как веслом, он приблизился к следующему бревну, вбил в него штырь сцепки, потом к четвертому, пятому...

У Димы было пятнадцать сцепок, и он решил использовать их все, хотя прежде никогда не плавил более десятка бревен. А тут — целых шестнадцать! Расположенные одно за другим, цугом, они растянутся за лодкой на сотню метров.

— Ничего, как-нибудь управлюсь, — бормотал Дима и проворно работал багром и топором.

Из всех ловцов леса Дима возвращался с озера первым. Натужно, на полных оборотах редела безотказная «Москва», лодка шла медленно, утюгом, и ее, как стоячую, обгоняли рыбацкие моторки. Рыбаки, каждого из которых Дима знал в лицо, кивком головы здоровались с ним, и в их взглядах он читал молчаливое одобрение.

А солнце меж тем поднялось высоко, и с востока все напористой дул упругий холодный ветер. Волны хлестко били о борт. Холодные брызги, подхваченные ветром, будто струи проливного дождя, то и дело обдавали Диму с головы до ног. Привыкший к тому, что с озера редко приходилось возвращаться сухим,

Дима не унывал. Он уже отчетливо видел желтые островки тростника в устье Сорехты и знал, что волне и ветру не удастся сбить его с курса и прижать к мелководному озерному берегу. А в реке, за тростниковыми островками, никакой ветер не страшен.

В полдень Дима вошел в Сорехту. Медленно проплывали назад островки по-осеннему блеклого тростника. Наконец берега сблизились, четко обозначив речное русло. Дима сбросил с головы капюшон, расстегнул плащ. С покойным чувством хорошо поработавшего человека он глядел на берега, заваленные штабелями дров и строевого леса для совхоза.

Откуда-то из-за штабеля леса показался высокий человек в зеленом плаще. Он что-то крикнул Диме и показал рукой — похоже, просил причалить. Приставать к берегу Дима, конечно, не стал: свой причал близко. Если человек в плаще хочет купить бревна, то сам подойдет. И тот действительно пошел берегом, неловко перешагивая через причальные тросы.

Едва лодка чиркнула днищем о песок, человек в плаще подошел к Диме и, не здороваясь, весело спросил:

— Откуда дровишки?

— Оттуда... вестимо! — в тон ему ответил Дима и кивнул в сторону озера.

— Понятно! — человек в плаще прищурил глаза и, сдвинув рыжие кустистые брови, уставился на приплавленные бревна.

Дима понял: считает — и сказал:

— Шестнадцать штук. Бревнышки отборные.

— Вижу, — и вдруг выпалил: — А ты знаешь, что это — уголовщина?

— Что — уголовщина?

— А вот это. Отлавливать в озере лес и при-сваивать его.

— С каких пор? — усмехнулся Дима. — Бревна всегда ловили.

Но человек в плаще не был расположен к рассуждениям. Откинув полу плаща, он вытащил из полевой сумки блокнот.

— Фамилия?

— А на что вам моя... фамилия? — растерялся Дима.

— Лодка твоя?

— Конечно.

— Хорошо. Так и запишем: лодка номер двести восемнадцать, серия «ВСО». А фамилию я узнаю!

— Вы бы, дядя, хоть сказали, кто вы такой есть? — спросил обескураженный Дима.

— Я представитель лесхоза. Это наши плоты раскидало. А вы и рады хапнуть!.. Много там лодок, которые лес ловят?

— Лодок много. Кто ловит рыбу, а кто лес — я не знаю.

Дима убрал в бункер мотор и бачок с ничтожным остатком бензина, закрепил его за бетонный столбик, вкопанный в берег, и к тому же столбику замкнул на цепь лодку. Пока делал все это, человек в плаще стоял на берегу и неотрывно смотрел на озеро.

— Ты, парень, куда? — подозрительно спросил он, когда Дима пошел прочь от лодки.

— А чего?

— С бревнами-то надо... закончить.

— Бревна привязаны. Никуда не денутся. Я скоро приду.

Засунув руки в карманы брезентовых штанов, Дима, ссутулясь, шагал в поселок. В сущности, он и сам не знал, куда и зачем пошел. Домой идти глупо. То, что с лесом получилась осечка, он понял: человек в плаще не станет придумывать отсечку. Вспомнилось, что отец никогда не отлавливал бревна и не выказывал особого одобрения, когда этим занимался Дима. И сцеп-

ки для бревен заказывал совхозному кузнецу Женькин отец — себе два десятка и Козыревым полтора.

«Может, лес-то и вправду нельзя ловить? У кого бы узнать?»

И тут пришло в голову сходить к председателю сельсовета Виктору Леонтьевичу Игошину, который жил от Козыревых через улицу и которого Дима хорошо знал и как соседа, и как заядлого рыбака.

Виктор Леонтьевич был в сельсовете. Небольшого роста, смуглый, со скуластым лицом, очень похожий на цыгана, он окинул промокшего Диму беспокойным взглядом и негромко спросил:

— Что-нибудь случилось?

— Да нет... Я посоветоваться... — Дима сел. — В общем, дядя Витя, я выловил в озере шестнадцать бревен. А какой-то мужик, высокий такой, в плаще, встретил меня на берегу и говорит, что это — уголовщина. Вот я и пришел...

— Я так и думал, — Игошин понимающе кивнул. — Был этот человек у меня. Вихров его фамилия... Видишь ли, он — прав.

— Прав? Это чего, новый закон? Ведь лес всегда ловили.

— Закон, понимаешь, не новый, — Игошин вздохнул. — Но раньше, как бы тебе сказать, на это смотрели сквозь пальцы. Разобьет плоты, ну и бог с ними. Спишут лес на убытки, на стихию. А теперь, видишь ли, представителя послали.

— Значит, я бревна выловил на середине озера, с этакой дали приплавил, сколько бензина спалил, а он их у меня заберет? Да если так, я их обратно на фарватер уплавлю и пушу по волнам, пусть пропадают!

— Ну-ну-ну!.. Не горячись. Не даром же! За то, что ты их выловил и доставил, он заплатит. По два рубля за бревно. И квитанцию выпишет. А как же! Ведь ты работал...

Вихров стоял на штабеле дров и неотрывно смотрел в устье Сорехты. Диму, однако, заметил сразу и тотчас начал спускаться вниз. Окинув шушающим взглядом, спросил:

— Чего, расчет будем делать, или как?

— Расчет, конечно.

Они отошли к козыревской лодке, сели. Вихров достал из полевой сумки бланки квитанций.

— Значит, так. Я уполномочен платить за каждое выловленное и доставленное на берег полноценное строевое бревно по два рубля. Твои бревна полноценные. Значит, тридцать два рубля. Так?

— Наверно, так.

— Тогда — фамилия, имя, отчество, домашний адрес...

У Вихрова дрожали посиневшие от холода руки, и он еле выписал квитанцию.

— Надо же, собачья холодина, и погреться нечем! Получай и распишись.

Спрятав в карман деньги и квитанцию, Дима достал со дна лодки ломик-гвоздодер и побрел по мелководью к бревнам.

— Эй, ты чего хочешь делать? — забеспокоился Вихров.

— Сцепки вытаскивать.

— То есть как — вытаскивать? А бревна? Их же унесет?

— Трелюйте на берег. Чтобы не унесло. А сцепки я уберу, — и, подумав, добавил: — Со сцепками вам никто бревен не даст.

Вихров растерянно заморгал светлыми глазами.

— Вон возьмите из моей лодки багор и выволакивайте концы на сушу, чтобы волной не смыло.

Вихров запоздало подумал, что надо было еще до выезда в Крохалево решить, как обеспечить сохранность выловленного леса. Ведь это не поленья или колья, которые вынул из воды и отнес на берег. Он взял из лодки Козырева багор и, неумело орудуя им, начал подтаскивать бревна к берегу.

Входная дверь была открыта настежь, и Дима понял, что мать дома. В палисаднике возле кучи мусора лежали на земле вверх зубьями железные грабли. Это, конечно, Костя оставил. Сгрэбал мусор между кустов калины, смородины и сирени да так и забыл убрать. На крыльце, в уголочке, лежал деревянный завертыш, на который заперлась калитка в палисадник.

Дима повесил мокрый плащ на штaketник забора, скинул бродни и, взяв в руки сырые портянки и ощущая блаженную легкость в ногах, босой прошел в избу.

Елена Александровна накрывала на стол. Она обернулась на скрипнувшую дверь.

— Ой, как хорошо! Как раз к обеду.

Костя и Оля уже сидели за столом и вертели в руках ложки.

— Ну-ка марш в палисадник, — сказал Дима брату. — Завертыш прибай, раз уж вырвал, и грабли положи на место.

Костя выжидающе посмотрел на мать, но та будто не слышала слов старшего сына.

— Дим, я лучше потом... А завертыш все время выпадает. Там гвоздик маленький.

Дима открыл тумбочку, в которой хранился инструмент, шурупы и гвозди, выбрал длинный шуруп и вместе с отверткой подал Косте.

— Пока переодеваюсь да моюсь, все сделаешь. Сапоги обуй. В тапках не ходи — сыро.

Костя еще раз, уже без всякой надежды, посмотрел на мать и вышел.

«Совсем как отец!..» — поразилась Елена Александровна и, чтобы сын не заметил внезапно нахлынувшей слабости, спросила:

— Ну, как сплавал? Удалось чего найти?

— Конечно, — Дима вынул из кармана деньги и вместе с квитанцией протянул матери. — Вот, возьми.

Она не стала пересчитывать деньги, но квитанцию развернула, пробежала ее глазами.

— Надо же, как хорошо! А Женя?

— Он еще на озере. Мне сегодня повезло. Не было больше сцепок, а то бы еще бревна три-четыре прихватил... Когда плавил, думал, как раньше, продать. А оказывается, продавать-то нельзя. И раньше нельзя было, — он пристально посмотрел на мать. — Ты знала это?

— Знала. От отца.

— А я не знал. Но почему папа ничего не говорил мне, когда я приплавливал бревна?..

Елена Александровна смутилась.

— Видишь ли, Дима, отец старался все по совести делать, по закону. Но он хотел, чтобы ты рос, как все, чтобы не оказался белой вороной, как он иногда себя называл.

— Он — себя? Белой вороной?

— Да. Но не будем об этом...

В печальных глазах матери он увидел растерянность и мольбу.

— Хорошо, мама. Не будем.

Вечером Дима пошел на берег: нужно было заправить бензином бачок и прибрать багор. От озера несло холодом. Небо было низким и темным. Казалось, что в стывшем воздухе пахнет снегом.

На берегу не было ни души. Женина «Казанка» стояла на месте, запертая на замок и прибранная. Дима заглянул в свою лодку. Багра не оказалось. Подумал не без досады: «Дал как человеку, а ему трудно было в лодку положить...»

Рядом с бревнами, которые он приплавил, на воде лежали приткнутыми в сушу десятка два невзрачных суковатых хлыстиков.

«И это — все? — поразился Дима. — Странно... Столько лодок было на озере!..» — и он медленно побрел вдоль берега.

Но больше никаких бревен он не увидел, зато очень скоро нашел свой багор, брошенный в жухлую осоку. В полсотне шагов от багра, воз-

ле осинового, наполовину сгнившего кряжа, скрючившись и втянув голову в воротник плаща, лежал Вихров.

Смутная тревога охватила Диму. Скорым шагом подошел к нему, склонился, осторожно тронул за плечо.

— Эй, дядя, вы чего тут?.. Э-эй!

— М-мы... — промычал Вихров и пошевелился, пытаясь разогнуть окоченевшие ноги. Тошнотворно запахло водочным перегаром.

«Да он, оказывается, напился!» — понял Дима и нарочито грубо сказал:

— А ну, вставай! Ведь замерзнешь!

Долго непонимающе смотрел Вихров на Диму, потом уронил голову на грудь и пробормотал, еле ворочая языком:

— Надо же как... н-напоили...

С грехом пополам Дима узнал, что Вихров остановился у бабки Веры, еще крепкой старухи, одиноко живущей в своем домике близ автобусной остановки. Кое-как он довел лесхозовца до квартиры и сдал, что называется, его с рук на руки.

Дома Козырева ждал Женя. Поднявшись с дивана, на котором сидел рядом с Костей и Олей — смотрел телевизор, он сразу повел Диму в детскую комнату.

— Пошли, а то здесь орет этот идол в ящике, и поговорить нельзя.

Едва Дима притворил дверь, Женя, округлив свои великолепные глаза, изумленно прошептал:

— Ну, Димка, ты и лопух!.. Чего ты наделал?!

— А чего я наделал? — опешил Дима.

— Как — чего?! Такие бревна, считай, задаром отдал!

— Вот ты о чем! — Дима сел на свою кровать, откинулся спиной к заборке. — Извини, но тут все законно. Вихров — представитель...

— «Законно», «представитель»... Обыкновенный алкаш! И бревна ему до лампочки. Сам же над тобой смеялся: я, говорит, думал, он за бутылкой побежал...

— Л-ладно. Я — лопух. А ты, умный, куда лес сбаврил?

— А вот слушай! — вдохновенно воскликнул Женя. — Тащусь я еле-еле — все-таки двадцать лесин на буксире, а моторишко слабоват! Только в устье зашел, вижу, навстречу кто-то на «Вихре» шпарит. А это Венька-хрипун. Уже поддавши. Подлетел, и движок на холостые. Так и так, говорит, на бережке «гости» встречают. И посоветовал: три самых паскудных бревнышка на буксир, а остальные — на якорь, благо ветер в наш берег. Я, говорит, тут покараулю за пару хороших бревен. Пока этот алкаш квитанцию мне выписывал на три бревна, один из мужиков — да ты знаешь его, тракторист Сенька Харычев, — подозвал и спрашивает: сколько на якорь оставил? Я сказал. Молодец, говорит. Я, говорит, заберу. По шесть рублей. Понял, как надо!..

— Понял. Но я не хочу так.

— И хотел бы, да поздно. Надо было сразу соображать. Сенька-то Харычев дом сыну строит, вот и скупает лес. Поторопился ты, упустил денежки.

— Знаешь что? — не скрывая раздражения, ответил Дима. — Если я и завтра наловлю бревен, то сделаю так же. Мне и двух рублей за бревно хватит.

В глазах Жени вспыхнул азартный огонь.

— А ты и завтра хочешь?

— Если погода пустит.

— Тогда и я махну. А куда сбывать, дело твое. Просто подсказать хотел, чтобы повыгоднее... Как раньше...

— Раньше я не знал, что ловить лес — незаконно. А теперь знаю. И не хочу никакой выгоды.

Оставшись один, Дима выключил свет и лег на кровать поверх покрывала. Он лежал на спине, заложив руки под голову, смотрел в потолок, точнее, в вязкую темноту, и думал о том, что сегодня Женя, этот веселый, искренний парень, раздражает его.

В полночь пошел снег. Сухой и жесткий, как песок, он дробно стучал о стекла. Усилившийся ветер свистел под крышей. Дима проснулся, подошел к окну, отдернул занавеску. В свете уличного фонаря стремительно неслась, возникая из тьмы и исчезая, густая снежная замять. Улица белела колеями и выбоинами, занесенными снегом, и среди этой белизны резко выделялась отсвечивающая наледью темная колоть¹. О выезде на озеро нечего было и думать.

«Но если за лесом нельзя, все равно куда-то надо идти,— размышлял Дима.— Ведь каникулы, целых шесть дней. Не сидеть же дома. Может, в совхозные мастерские сходить или на льнозавод? Но там в праздник, наверное, не работают. А вот на комплексе выходных не бывает...»

К утру непогодь набрала силу. Разгулялась такая пурга, что через улицу не видно домов.

Раскрасневшийся от холодного ветра, в легкой болоньевой куртке, но в валенках и шапке-ушанке, белой от снега, в дом ворвался Женя:

— Это я погоду испортил! Вчера бизнес сделал и сегодня мечтал повторить. Но верно подмечено: два раза подряд не фартит! — он посмотрел на Диму, усмехнулся: — Только из окошка и любоваться!

— Пошли на комплекс! — ошаршил его Дима.

— Это... зачем?

— Посмотрим современную фабрику мяса, как его называют. Может, и работа подходящая есть.

Улыбка слетела с Жениных губ, глаза потемнели.

— Ты хочешь бросить школу?

— При чем школа? Ведь целая неделя впереди. А в праздники — двойная оплата.

— Тю-у!... — протянул Женя и плюхнулся на

диван.— Дома, что ли, дел нету? Если нечем заняться, пошли к Левке Звягину Высоцкого слушать. Новые записи. Целых пять кассет.

— Мне поработать надо.

— Понимаю. Тогда надо подходящую халтуру найти. Вон мы летом с тем же Левкой крышу и забор в больнице красили. За две недели по две сотни.

Дима молчал. Он по-прежнему стоял, засунув руки в карманы брюк, и смотрел в окно. Женя видел его в профиль и поразился, насколько Козырев худ, насколько вот такой, высокий, сутулый, с длинной шеей и большим носом, похож на тощую нахохлившуюся птицу. Неожиданно пришло в голову, что у Козыревых, видимо, нет денег — ведь сколько было расходов!

— Дим! Ну-ка, сядь сюда! — Женя хлопнул ладонью по дивану возле себя.

— Чего?

— Ну, сядь!

Дима нехотя отошел от окна, сел.

— Почему ты прямо не скажешь, что у вас нет денег? Хочешь, бери все, что я за лес отхватил! — и полез за пазуху.

— То есть как нет денег? — Дима оскорбился.— Деньги у нас есть. И, кроме того, я вчера тоже кое-что заработал.

— Да ты не обижайся! Тогда к чему эти разговоры о комплексе, о двойной оплате?

Дима откинулся на спинку дивана, заложив руки за голову.

— Знаешь, посмотрел я вчера на мать, — задумчиво сказал он, — и такой она мне показалась... слабой. А раньше думалось, мать все может, — он помолчал. — Может, конечно, только чего ей это стоит? Я же сильнее ее...

— Конечно, сильнее. Но ты и делаешь по дому всю тяжелую работу — вода, дрова, газовые баллоны...

¹ Колоть — мерзлая грязь на дороге, неровности.

— Вода, дрова... С водой и дровами вон и Костик управится, — Дима умолк.

Отец хотел, чтобы он, Дима, стал опорой для матери. Но как стать опорой? Еще вчера думалось, что достаточно немного приработать, и все будет в порядке, а сейчас...

— Чего молчишь? — Женя ткнул Диму локтем в бок.

— Сам не знаю. Но чувствую: надо что-то менять, как-то по-другому жить, чтобы у матери душа была спокойней.

— Ну, сейчас наговоришь!.. У тебя сама по себе жизнь переменялась. Лишнего-то не придумывай. Пойдем лучше к Левке.

— Не пойду.

— Ну и пожалуйста! — Женя порывисто встал. — Философствуй тут, а я пошел.

В детской комнате на письменном столе меж книг и тетрадей громко тикал будильник, показывая половину девятого. Костя и Оля еще спали. Костя, свернувшись калачиком и укрывшись с головой так, что из-под одеяла выглядывал лишь вихор его жестких русых волос, Оля же, наоборот, разметавшись и столкнув теплое одеяло к спинке кровати; рот ее был приоткрыт, а тонкие, хорошо заметные бровки чуть вздрагивали — ей что-то снилось... Дима осторожно накрыл одеялом сестру и, тихо одевшись, вышел на улицу.

Ветер обдал холодом лицо, швырнул за воротник пригоршню снега. Согнувшись перед напором метели, Дима направился в контору совхоза. Директор оказался в отпуске, и его замещал главный инженер Николай Васильевич, отец Вики Задорновой, взбалмошной красавицы, с которой Дима учился в одном классе. С Нико-

лаем Васильевичем Дима не раз встречался на рыбалке и потому обрадовался: директор — человек приезжий, а этот — свой, крохалеvский, с ним говорить легче.

Задорнов, сорокалетний здоровяк-атлет, принял Диму радушно. Тепло помянув Андрея Аркадьевича, с которым когда-то вместе учился в школе, справился о здоровье Елены Александровны и ребятишек, спросил, не нужна ли семье помощь.

— Спасибо, — поблагодарил его Дима, — все здоровы и ничего не нужно. Просто хочу несколько дней поработать...

На лицо Задорнова на мгновение легла тень.

— Это... пока на каникулах?

— Да. Не то чтобы из-за денег, — Дима запылулся и покраснел. — Чего дома-то сидеть?..

Их глаза встретились.

— Понимаю, отлично понимаю!.. И хорошо, что ты зашел. В мастерских как раз не хватает подсобника. Принести, отнести, поддержать — работа, конечно, неквалифицированная, но... Помощник под рукой — великое дело...

В действительности, никакого подсобника в мастерские не требовалось, но отказать Диме, не поддержать его Задорнов не мог.

Заведующий совхозными мастерскими Василий Трофимович, пожилой сутулый мужик с крупным красным лицом, работавший последний год перед пенсией, не мог скрыть своей растерянности: куда пристроить, чем занять парня?

— Для начала возьми вот эти книжечки, — говорил он глуховатым баском. — Почитай. Техника безопасности, когда у станков да у машин — первое дело. А потом походи, поприглядывайся, смекай, что к чему. Раз тебе восемна-

дцати нет, рабочий день укороченный, шесть часов. Тариф, конечно, невелик — три рубля. Но ведь и дела... немного.

Нескладно начался для Димы первый день работы. Долго ли прочитать инструкции? А потом чем заняться? В слесарном цехе прибрал возле верстаков мусор, выгреб из угла гору обрезков труб, прутков, листовой жести и все это отнес во двор в кучу металлолома — и опять нечего делать. Впрочем, и слесаря не очень загружены работой: один счищает шабером заусенцы с деталей, а трое курят, анекдоты рассказывают.

Послонявшись, Дима пошел в токарный цех. И здесь то же самое. Один точит болты, двое толкуют о зимней рыбалке. Поколебавшись, Дима подошел к ним.

— Мне бы... что-нибудь поделывать, — сказал он неуверенно.

— Поделывать? — удивился один. — А ты кто такой?

— Подсобник.

— А-а, подсобник, — и расхохотался. — Тогда сбегай в лавку. У нас курево кончается.

— Нет, я серьезно, — смутился Дима.

— Ну, если серьезно, иди в ремонтный. Там дел хватает. Во-он, в тот корпус! — и показал темной от въевшейся металлической пыли рукой в окно на кирпичное здание с большими окнами.

Ремонтный цех был забит полуразбросанной техникой: три автомашины, два трактора-колесника, дизель без гусениц. В смотровой канаве, возле двигателей, у колес — всюду рабочие, и Дима понял, что здесь ему действительно найдется дело. Приглядываясь, к кому бы обратиться, он столкнулся со щупленьким мужчиной, сухое красноносое лицо которого показало знакомым.

— А ты чего тут шатаешься? — накинулся красноносый на Диму.

— Я — подсобник...

— Какой еще, к лешим, подсобник?!

— Меня Николай Васильевич в мастерские направил. И у Василия Трофимовича я был...

— Погоди, погоди, — мужчина взгляделся в лицо Димы припухшими глазами. — Ты, случаем, не Андрея Аркадьевича сын?

Дима кивнул.

— То-то смотрю, лицо знакомое! — Он порывисто схватил Димину руку и неожиданно сильно, при своей тшедушной комплекции, сжал ее. — Вот оно, парень, как бывает! Авторитетнейший человек, не пил, не курил — и на тебе!.. Ошибка судьбы. Я так это называю.

«Свиридов! — вспомнил Дима. — Механик совхоза...»

— Так ты вправду чего тут? Дело какое есть?

Дима кратко объяснил, как и зачем оказался в мастерских.

— Все ясно. Пошли!

Свиридов отвел Диму в угол цеха, к верстаку, зажал в тиски раззенкованную стальную втулку, в которую снизу входил стержень, скрепленный с рукояткой, потом снял с гвоздя свитую обручем толстую алюминиевую проволоку, отшипнул от нее кусачками небольшой кончик, вложил во втулку и резко ударил молотком по торчащему алюминиевому столбику. Затем нажал на рукоятку и вытолкнул из втулки заклепку с аккуратной круглой шляпкой.

— Понял? Легко и просто. Вот и делай такие заклепки для тормозов. В кусачки проволоку вставляй до упора, вот так, — и он еще раз показал, как все делать.

— И много их надо? — спросил Дима, радуясь, что с такой работой вполне справится.

— Чем больше, тем лучше. Потом покажу, как накладки приклепывать. Трудись! — он потрепал Диму по плечу и отошел к рабочим, копавшимся в двигателе «ЗИЛа».

В ремонтном цехе гремело железо, скрипела галь, рабочие, незлобно поругиваясь, делали каждый свое дело, а в углу, у верстака, ничем не отвлекаясь и ни на кого не обращая внимания, Дима стучал и стучал молотком. В час дня, когда все стали собираться на обед, шофер «ЗИЛа» подошел к верстаку, поглядел, как работает Козырев, потом взял из картонной коробки горсть заклепок, пересыпал их с ладони на ладонь, хмыкнул:

— Со знаком качества. Молодец! А теперь — кончай. Пора на обед, — и шофер ссыпал заклепки обратно в коробку.

В третьем часу, когда у Димы уже кончалась проволока — остался полуметровый кусок, — пришел Свиридов.

— Ну, парень! — он покачал головой. — Все исклепал! — и, обернувшись к ремонтникам, крикнул: — Мишка! Тащи колодки!

Шофер «ЗИЛа» тотчас принес и свалил на стол кучу тормозных колодок.

— Вот, дядя Володя! Десять штук, — сказал он. — Я и грязь счистил. А две еще хорошие, послужат.

— Никаких хороших! — отрезал механик. — Сколько раз говорил: менять комплектно.

Ни слова не говоря, шофер принес недостающие колодки.

— И ты говоришь, они хорошие? А это что? А это? — Свиридов тыкал пальцем в заклепки, головки которых были ровень с поверхностью

накладок.— И работа халтурная: одна заклепка выше, другая ниже.

— Каюсь. Торопился,— вздохнул шофер.

— Торопился... Иди, работай!

Без лишних слов, сноровисто и ловко работая зубилом, дрелью и молотком, Свиридов показал, как срезать старые заклепки, как сверлить и раззенковывать отверстия в новых накладках, чтобы не было смещения и чтобы заклепки были утоплены на нужную и одинаковую глубину.

— Освоишь это дело — шофера спасибо скажут, и самому будет приятно: как увидишь на улице нашу машину, так и вспомнишь, что на ней накладки тобою клепаны.

Механика позвали к полуразобранному трактору, и он, уже на ходу, посоветовал:

— Сначала все колодки подготовь, потом все накладки просверли и раззенкуй все отверстия, и уж после этого клепай. Одним инструментом работай; сподручней...

Казалось бы, чего проще — срубить зубилом заклепки, но и это далось не сразу. С первой колодкой Дима провозился долго: старая накладка не отставала, срезанные заклепки не вы-

валивались из отверстий, пришлось выбивать их бородком. Со второй дело пошло быстрее — зубило, подставленное под определенным углом, скользило от удара по поверхности металла и срубало заклепку заподлицо. И чем дальше, тем точнее и проворнее становились движения рук, и Дима очень скоро оценил совет механика работать одним инструментом. А не подсказки Свиридов, сам бы, пожалуй, не догадался и каждую колодку обрабатывал бы до конца. Сколько времени потерял бы только на смену инструмента!..

День в работе промелькнул незаметно. Уйти домой раньше Дима отказался, остался до конца смены, но работу закончить все-таки не успел: четыре накладки остались неприклепанными. Вечером в ремонтный цех заглянул заведующий мастерскими. Мрачный, то ли усталый, то ли расстроенный, он повертел в заскорузлых пальцах колодку с новой накладкой, поглядел на свет, плотно ли прикреплена, и скупно похвалил:

— Чисто работаешь. Хорошо! — и ушел, погруженный в свои думы.

Легко, радостно шагало Диме.

Улицы Крохалева сияли яркими огнями ртутных светильников. Бывало, на весь поселок оставалось всего пять-шесть горящих фонарей, но перед праздником электрики заменили все неисправные лампы.

Дима возвращался с работы и впервые взрослому думал о том, как непросто разобраться в людях. Уже в послеобеденную пору к мастерским притащили на буксире грузовую автомашину то ли из Ярославской, то ли из Владимирской области, с какой-то серьезной поломкой, и те рабочие, которые, как думалось Диме, сачковали, без лишних слов пришли на выручку шоферу. Они разыскали Свиридова, призвали на помощь опытного автослесаря и принялись за дело.

Ни в мастерских, ни в гараже места для машины не нашлось, и они до сих пор работают во дворе, под открытым небом, при свете фонаря и переносной лампы и, может быть, провозятся с этой машиной всю ночь...

Идти домой нужно было мимо Дома культуры. Услышав музыку, Дима вспомнил, что там праздничный молодежный вечер. И вот уже чей-то знакомый голос произнес:

— Э-э, глядите, Козырь шагает!

Тотчас из толпы молодежи, теснившейся у входа, вынырнул Женя. За руку он держал Тони Миронову, соседку Димы по парте, худенькую девчонку, самую, пожалуй, неприметную среди старшеклассниц. Преградив Диме путь, Женя с наигранной веселостью произнес:

— Эта юная принцесса горела желанием видеть тебя в образе его величества рабочего! Привет, старик!..

Они поздоровались. Сильная Женина рука была горячей, у Тони, напротив, слабой и холодной, как ледышка.

— Придешь? — уже с теплотой в голосе спросил Женя.

— Нет.

— Труд на благо отечества выжал все твои силы?

— Не треплись... Устал, конечно. Да и настроение не то.

— Слушай, — тихо, с заметным раздражением сказал Женя, — чего ты изображаешь из себя такую жертву судьбы?

— Ты... выбирай слова, — еще тише и внутренне напрягшись ответил Дима.

А Тоня молчала. В свете уличных фонарей мерцали ее большие немигающие глаза, белело лицо.

— Ладно, не сердись! — Женя дружески хлопнул Диму по плечу. — А завтра тоже вкальываешь?

— И завтра. И послезавтра.

— Ну, тогда — гуд бай. Наши пути расходятся. Пошли, Тонечка! — И, держась за руки, они побежали в клуб.

Эта короткая встреча оставила в душе Димы неприятный осадок. Особенно неприятно было оттого, что весь разговор слышала Тоня Миронова.

«А в общем-то и ладно, что Тоня. Женька мог запросто появиться вот так, за руку, и с Вики Задорновой...»

Перед глазами тотчас возникло лицо Вики. На щеках румянец, на губах — озорная улыбка, а в черных глазах то бездонный омут, аж заглянуть в них боязно, то шальные бесенята. Вот уж у кого фамилия в самую точку — Задорнова! Сколько раз Дима видел, как летом у клуба Вика бесцеремонно подходила к любому из парней, приехавших на мотоцикле, и, положив руку на руль, говорила: «А ну, дай катнись!..» И не было случая, чтоб кто-то отказал ей. Сядет, играючи, да как рванет — только песок из-под заднего колеса брызнет! Если движок у мотоцикла слабоват либо неисправен и заглохнет от такого вольного обращения, Вика окинет владельца презрительным взглядом и скажет: «Вроде бы парень, а на такой пукалке в клуб приезжаешь!» Или еще что-нибудь в этом роде, не менее обидное.

В отличие от других, Дима никогда не терял головы в присутствии Вики и ради ее утечи не прыгал на мотоцикле через канаву и огонь, не врзался на малой скорости в столб, не переворачивался вверх дном на моторке, что нередко делали крохалевские — и не только крохалевские — парни, по задорящему толгласу Вики:

— Слабо!.. Духу не хватит!..

Впрочем, и Вика никогда не подхлестывала Димино самолюбие своими безрассудными затеями. Более того, как-то летом в жаркий воскресный день, когда вся крохалевская молодежь была на Сорехте — кто купался, кто катался на лодках, — Вика, неожиданно вынырнув возле Димы и ухватившись руками за его плечо, сказала:

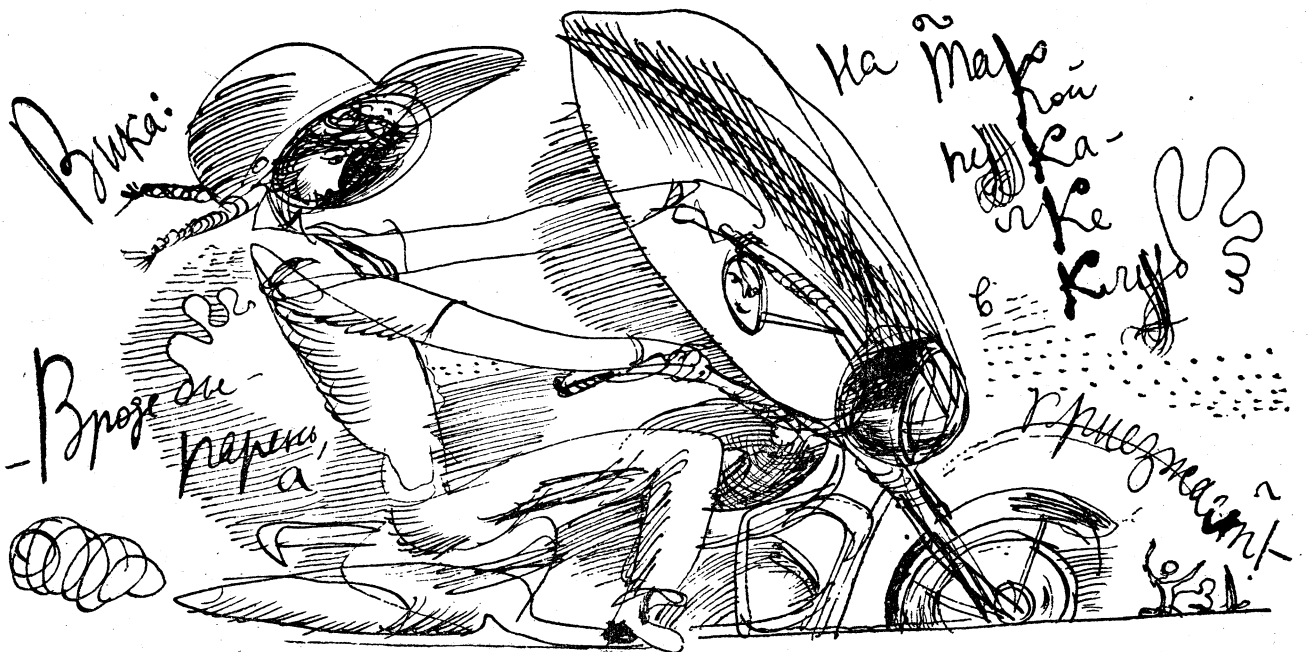
— Ты не обращай внимания, когда я парней завожу, — и в глазах ее, больших и черных, — ни бесенят, ни бездонности.

Ошарашенный ее словами, Дима ответил:

— А я и не обращаю. С чего ты взяла?

— Вижу... Но ведь, кроме тебя, я ни к кому серьезно не отношусь, — и тотчас нырнула, вскинув над водой ноги в голубых ластах.

Вспомнив об этом, Дима даже удивился, что тот короткий, но значительный разговор так и остался без продолжения.

В первый день после каникул, шагая в школу, Дима опять думал о Вике. Неожиданная мысль — назначить свидание — пришла ему в голову. Сделать это, казалось, просто: на всякий случай заготовить записку, а если удастся, то поговорить на перемене.

Так думалось на улице. Но с первой минуты, как Дима пришел в школу и увидел Вика, он понял, что надеяться на разговор бессмысленно: как всегда, она окружена девчонками.

На протяжении трех перемен Дима изучал расписание занятий, чтобы определить, какой класс или кабинет после шестого урока наверняка будет свободен и не закрыт (впрочем, на ключ запирались только кабинеты физики, химии и биологии). Наконец, класс был выбран — пятый «Б». Там всего четыре урока. Кроме того, пятый «Б» располагался вдали от учительской, раздевалки, столовой и спортзала.

Но всего сложнее оказалось передать записку. На перемене не удалось, а на уроке — как? Дима всегда сидел в крайнем правом ряду. Вика — в крайнем левом, за предпоследним столом. Передать по рядам невозможно, потому что записки, блуждающие по классу во время уроков, читались всеми. Кинуть через головы на стол Вики? Слишком заметно.

Скатанная в рулон записка обжигала Диме ладонь. Вот-вот должен быть звонок на последнюю перемену. Что же делать? Дима повернул голову и в отчаянии глянул на Вика. Она смотрела на него, смотрела вопрошающе и удивленно. Тогда он взял рулончик указательным и

большим пальцем так, чтобы он хорошо был виден, и показал Вике. Она понимающе моргнула.

После звонка к двери подошли почти одновременно, и Дима остановился, чтобы пропустить Вика вперед. Но она тоже остановилась и протянула руку ладонью вверх.

— Давай, — сказала чуть слышно.

Он приготовился ждать долго, пока Вика отделается от своих поклонников, но ошибся. Она пришла скоро, румяная и улыбающаяся, в серой кроличьей шубке и такой же шапке-ушанке.

— Ну, здравствуй!.. — сказала и протянула руку.

Он растерялся: показалось нелепостью здороваться после того, как проведено в одном классе шесть уроков.

— Здравствуй, — Дима соскользнул с парты и почувствовал себя совсем неловко оттого, что был на голову выше Вики.

— Какой ты большой!.. — будто угадав причину его неловкости, нараспев произнесла Вика. Ее глаза смотрели из-под черных бровей удивленно и радостно.

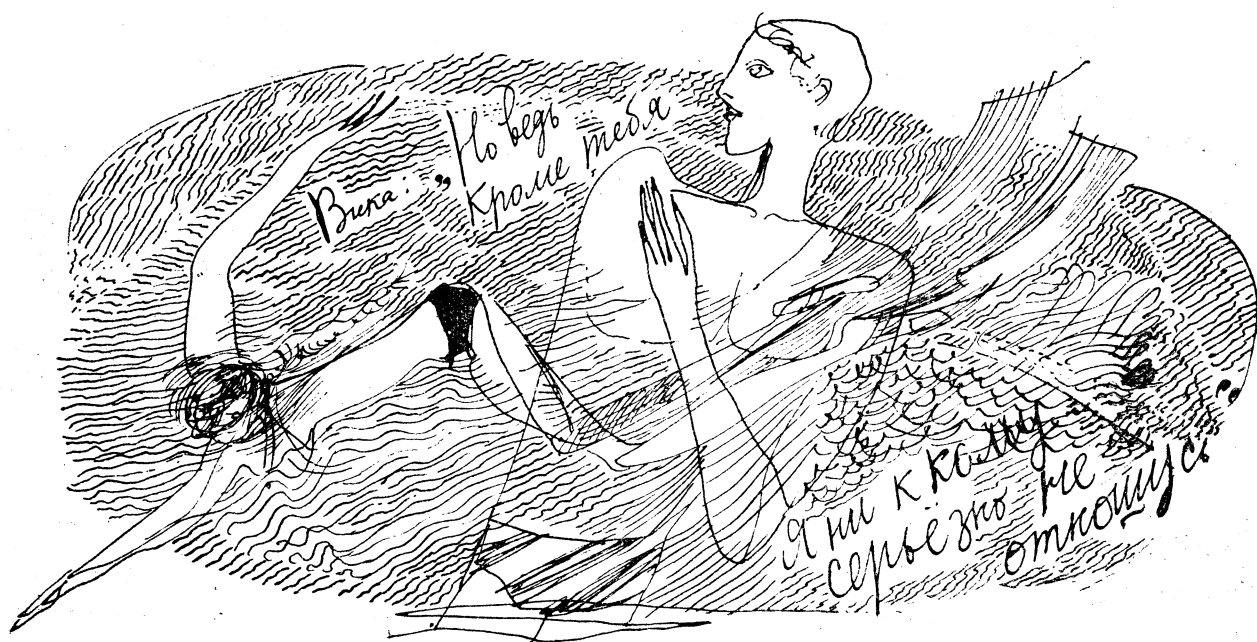
Дима засмутился еще больше и почувствовал, что краснеет. А Вика, крепко сжимая его руку, продолжала:

— А ты знаешь, что этого дня я ждала давно-давно?

— Какого... дня?

— Этого. Я верила, что ты назначишь мне свидание, и вот ждала... Больше года ждала, — шепотом повторила она.

— Вика, честное слово, не знал!

— После того разговора на реке — помнишь? — я думала о тебе всегда, — чуть растягивая слова, произнесла она. И совсем тихо добавила: — Каждый, каждый день...

Он смотрел на ее лицо, но почему-то видел только губы, шептавшие это неожиданное признание.

Чуть скрипнула дверь, но Диме показалось, что в классе рухнули стены. Он отпрянул от Вики, вскинул голову. В раскрытых дверях стоял Женья Старков.

— А-а, вот ты где!.. Можно тебя на секунду?

— М-меня? — глупо спросил Дима.

— Ну да, конечно, тебя!

Вика обернулась и с презрением, на какое только была способна, сказала:

— Ты бы хоть займы у кого-нибудь совести попросил.

— Извини, Вика! Честное слово, вот так надо! — Женья чиркнул пальцем по горлу. И Диме, когда тот подошел: — Знаешь, лучше выйдем. В коридоре никого нет.

Вышли. Женья закрыл дверь, привалился спиной к ней.

— Не сердись, что не вовремя. Но дело такое, неприятное...

— Давай короче.

— В общем, приехал следователь. Мне на последней перемене шепнули. Насчет лесу. Тебя, конечно, тоже вызовут, так ты обо мне ни слова. Хорошо?

— Ничего не понял, — мотнул головой Дима.

— Чего тут не понять? Ты приплавленный

лес сдал этому уполномоченному, а я, кроме трех хлыстиков, налево пустил.

— Теперь понял.

— Значит, договорились?

— О чем?

— Вот тебе раз! — упавшим голосом произнес Женья. — Я же объясняю: следовательно отвечай только за себя. Ты ничего не знаешь обо мне: сколько я наловил, кому отдал... Соображаешь?

— Конечно, соображаю.

— Вот и хорошо. А теперь я побегу. Не сердись, что помешал.

Вика стояла у окна и смотрела на улицу. Шубка ее была расстегнута, каштановые вьющиеся волосы лежали пышно и красиво.

— Хоть он и друг тебе, а нахал.

— Ладно, — Дима махнул рукой. — Он, правда, по делу...

— А, наплевать!.. — Вика вскинула глаза и спросила доверительно, с искренней озабоченностью: — Дима, тебе очень трудно? Я знаю, ты всю неделю работал и на руках у тебя мозоли...

В какое-то мгновение в сознании Димы промелькнуло все: щемящая душу жалость к матери, тревога за судьбу Оли и Кости, обидное непонимание Женьки.

— Да, мне трудно, — признался он.

Она взяла его руку в свою, провела по ладони.

— Мне очень... мне все время хочется помочь тебе. Но как? Чем?.. Между прочим, если бы твоя мама спросила... В общем, понимаешь,

у нас много денег. Папа и мама давно копят на машину.

— Вика!..— Дима поморщился.— Разве в деньгах дело?

— А из-за чего? Из-за чего же ты работал с утра до вечера, когда все мы отдыхали, а просто говоря, лоботрясничали?

— Постарайся понять меня,— сказал он после некоторого молчания.— Это очень важно, Вика. Я потому и попросил тебя о встрече. После смерти отца я вдруг почувствовал, что потерял... опору. Ну, не в том смысле, что раньше отец помогал мне, а тут я оказался без его помощи... Нет, я не то говорю...— Дима сокрушенно потряс головой и умолк.

Вика ждала.

— Понимаешь,— продолжал он,— раньше как было? Делаешь что-то вроде бы самостоятельно, а сам думаешь: как на это посмотрит отец? И потом замечаешь: пусть не похвалил, но доволен, и уже ясно — сделал нормально. Или, смотришь, неодобрительно глянул, значит, что-то не так. Поняла? Казалось, все самостоятельно, а на самом деле — с опорой на отца. И вот этой-то опоры не стало. У меня и у матери. Ведь нас трое, а она — одна. И знаешь, Вика,— Дима с силой сжал ее ладони своей большой рукой,— отец перед самой смертью просил, чтобы я помог маме Олю и Костю поднять... Так и сказал. Значит, он надеялся, что после него опорой для матери стану я. А какая из меня опора?

— Дима, я сейчас зареву,— дрожащим шепотом произнесла Вика. Она вдруг встрепенулась, привстала, охватила его голову горячими ладонями, привлекла к себе и жарко поцеловала в щеку, но тут же отпрянула:

— Дима, а ведь тебе надо бриться!..

Он обалдело смотрел на нее и молчал.

И как раз в это время дверь отворилась, в класс вошла техничка.

— Пора, молодые люди, по домам. Мне уборку надо делать,— неласково сказала она.

Костя — в фуфайке, валенках и шапке с распущенными ушами — расчищал от снега деревянной лопатой дорожку от крыльца к сарайке с дровами. Заметив брата, отвернулся и зароботал быстрее.

«Опять что-то натворил», — понял Дима.

Оля, в цветастом фланелевом халатике, босяя, с распущенными волосами, встретила его на пороге.

— Дим, тебе! — она протянула голубоватую бумажку.

Это была повестка. Следователь вызывал Диму для допроса в качестве свидетеля в помещении Крохалевского сельсовета 13 ноября к 12 часам дня. Тринадцатого — значит, завтра.

— Тебя будут допрашивать? — с затаенным страхом в глазах спросила Оля.

— Будут.

— А почему? — губы девочки дрогнули.

Лишь теперь до сознания Димы дошло, как нелепо поняла сестренка слова «для допроса».

— Это называется так — допрос,— пояснил он.— А на самом деле попросят рассказать, как я ловил на озере бревна.

— А-а,— Оля мгновенно успокоилась и вдруг тихо-тихо спросила: — А ты видел, какой у Кости нос? Толстый-претолстый! И губа опухшая. Мама приходила на обед и сильно-сильно его ругала. И еще сказала, что ты придешь, так тоже не похвалишь. А Костя рассердился и обеда не стал. У него в дневнике замечание записано.

— Ладно. Не ябедничай.

— А я не ябедничаю,— и без всякой паузы, с той же интонацией: — Суп и картошка в печке, сам достанешь. Остальное — на столе. Я пойду гулять,— она взяла с лежанки шерстяные рейтузы и стала деловито натягивать их.

Костин дневник лежал на столе. И хотя Дима знал все, что в нем было до этого дня, тем не менее перелистал страницы первой четверти. Дневник заполнялся аккуратно, хотя почерк у Кости был неважный: буквы какие-то угловатые и все поодиночке, отдельно. Оценки в основном четверки. Но замечаний хватает. Всяких: разговоры на уроках, невнимательность, грубость в отношениях с девочками, беготня по коридорам, драки...

А вот и страница с двенадцатым ноября. По математике «четыре», больше оценок нет, зато внизу красными чернилами рукой классного руководителя написано: «На уроках вел себя нерв-

но. На третьей перемене учинил драку, выбил Хлюстову зуб».

— Н-ну и бандит,— Дима покачал головой.

Его охватила злость на брата. До каких пор будут продолжаться эти замечания красными чернилами? Или чем дальше — тем хуже? Он подошел к окну, постучал кулаком в раму, крикнул:

— А ну, марш домой!

Костя вошел, набычившись. Раздевался медленно и громко сопел, сдерживаясь, чтобы не разревелся.

При жизни отца не раз приходилось Диме вершить суд над младшим братом. Вот и теперь закипевшая в душе злость вызвала неодолимое желание взять Костю за красное оттопыренное ухо и так крутануть, чтобы света не взвидел. И Дима шагнул к брату, понуро стоящему посреди кухни, и уже ошутил, как накапывает туманящая сознание волна нервного возбуждения, но в последний миг Костины глаза вдруг напомнили глаза отца. Такие же темные, широко расставленные...

«А как бы он поступил?» — мелькнуло в голове.

И жажда немедленной расправы погасла. Дрожащей рукой Дима взял брата за подбородок, медленно повернул его лицо к свету.

— Ну-ка, покажи, как тебя... разукрасили.

Вздернутый нос на круглом Костином лице всегда выглядел этакой розовой картошкой, тут же была целая картофелина сизоватого цвета. И верхняя, рассеченная, губа тоже вздулась.

— Крас-сиво!.. Болит?

Костя кивнул.

— Чего не поделили с Хлюстовым?

— Когда на перемену отпустили, он меня под коленку пнул. Я его догнал, сделал подножку и толкнул в шею...

— Ну?

— И все. Я ведь не знал, что он упадет на угол парты!

— А он упал на угол? И выломал зуб?

Костя опять кивнул и шмыгнул своей картофелиной.

— А потом что?

— Потом за Хлюстю... за Хлюстова заступились, и кто-то мне ногу подставил. Я упал, и меня стали лицом в пол тыкать...

Дима зримо представил всю эту картину, и ему стало нестерпимо жаль своего непутевого брата. Но он сказал:

— Все законно. Еще мало натыкали. У тебя-то зубы целы. В общем, вот что: мне твои фоткусы надоели. Кончай позорить отца. Понял?

Костя утвердительно мотнул головой.

Еще нужно было сказать, чтобы Костя чаще причесывал свои жесткие волосы, торчащие в разные стороны, затем напомнить, что в его обязанности входит проверять домашние задания Оли. Но ни того, ни другого Дима не сказал, а лишь спросил:

— Есть со мной будешь?

— Пожалуй, маленько поем,— кротко ответил брат.

Женя Старков нервничал. Следовательно, молоденькая худенькая девчонка, оказалась до тошной. Еще никого не вызвав на допрос, она побывала на берегу Сорехты (что можно увидеть, когда река замерзла и берега занесены снегом?), потом сходила на совхозную пилораму и на строительство дома Сеньки Харычева.

Все, кто так или иначе были причастны к «делу о бревнах», находились в напряженном ожидании. Но если одни смиренно ждали — будь что будет! — другие внимательно следили за действиями следователя, пытались определить, что той удалось разузнать. В числе вторых был и Женя Старков. Он буквально выслеживал, куда и к кому ходила «следовательша», допытывался у Веньки Хрипуна, чего она спрашивала и чего говорила. Венька, молодой краснолицый мужик, окинул Женю раздраженным взглядом и хмуро сказал:

— А твое-то какое собачье дело? Ты-то чего тут ошиваешься?

— Ну, как же, дядь Ваня! Мы же вместе, сам меня научил...

— Чего-о? Я научил?! — лицо у Хрипуна стало свирепым. — А ну, мотай отсюда! Я так научу, до гроба помнить будешь!

Поздним вечером Женя забежал к Козыревым. Дима еще сидел за уроками, остальные уже спали.

— Ты зубришь, а я сегодня и книжку не открывал. Как уроки кончились, весь день в бегах... Следовательно-то, понимаешь,— девка! Тощая — плевком перешибить можно, видно, злая. Все обшастала.

— На то и следователь.

— С Хрипуном долго говорила. Я хотел у него узнать, чего спрашивала, так он, паразит, на меня чуть не с кулаками...

— Чего психуешь?

— Да как не психовать? У тебя-то все законно, а мы друг с дружкой связаны. Вот я и хотел с Хрипуном посоветоваться, чтобы разногласия не получилось.

— Пустое! Запутаетесь, и себе хуже сделаете.

— А по-твоему, говорить все как было?

— Конечно.

— Да ты соображаешь, что из этого выйдет? — Женя округлил глаза. — Отец сказал, даже тюрьму могут припать!

— Сразу уж тюрьму... Не думаю.

— Ну ты и даешь! — Женя покачал головой. — Выходит, я и на тебя не могу положиться?

— Считаю как хочешь... Лишнего не скажу, но и врать не стану.

Женя ушел от Козыревых с обидой. Его раздражало все: несговорчивость Димы, непривычная серьезность, стремление к правдолюбию. Была еще одна причина, в которой он и себе не признавался: его неприятно задело, что после уроков он обнаружил в классе Диму с Задорновой.

...К встрече со «следовательшей» Женя готовился тщательно. Вечером, возвратившись от Козыревых, вымыл голову: после мытья выющиеся, соломенного цвета волосы выглядели особенно привлекательно. Отцовской безопасной бритвой выскоблил лицо — насухо, не намывая, потому что брить, в сущности, было нечего, но легкий пушок над верхней губой выглядел слишком уж детским. Рубашку выбрал голубую — под цвет глаз, костюм — синий, похоже на школьную форму, но тем не менее не форма...

Он ушел в сельсовет после второго урока. Следователь принимала в тесном кабинете участкового инспектора. Взяв из рук Жени повестку, она чуть усмехнулась, изогнув ярко крашенные губы, и спросила:

— И к каким же выводам вы пришли, Евгений Федорович?

Женя непонимающе захлопал глазами.

— Вы вчера полдня следили за мной, как настоящий детектив. Вот меня и интересует: решили говорить правду, полуправду или попытаетесь выгородить себя ложными показаниями?

Женя опустил глаза и почувствовал, как краска заливаает лицо, уши.

— Ну, ладно. Дело требует соблюдения формальностей. Фамилия, имя, отчество? Год рождения...

Она писала быстро, вопросы сыпались с такой скоростью, что Женя едва успевал отвечать. Когда все необходимые данные были занесены в протокол, следователь предупредила об ответственности за ложные показания, откинувшись на спинку стула и, переходя на «ты», ровным бесцветным голосом сказала:

— Чтобы ты напрасно не мучил себя сомнениями, что говорить, а что утаивать, я тебе помогу. Третьего ноября на Чивичком озере вол-

нами и ветром были разбиты плоты строевого леса, принадлежащего межсовхозному лесхозу. На другой день, 4 ноября, ты выловил на озере двадцать бревен, которые и приплавил своей моторной лодкой в устье Сорехты. Три бревна, кстати самых плохих, сдал по квитанции представителю межсовхозного лесхоза Вихрову, а остальные... Кому и по какой цене был реализован остальной лес? Кто был посредником? Кто тебе посоветовал так поступить с приплавленным лесом? Вопросы понятны?

— Понятны, — упавшим голосом произнес Женя.

Через полчаса он покинул кабинет с ощущением полной опустошенности и медленно пошел в школу.

Школа гудела: была большая перемена. Женя вбежал на крыльцо, распахнул дверь и сразу увидел их. О, как хотелось ему проскочить мимо! Но Дима окликнул его.

— Как дела? — Женя ухмыльнулся и передернул плечами. — Прекрасно!

— А все-таки?

Женя нехотя приблизился и, не взглянув на Вику, будто ее тут и не было, сказал:

— По-моему, эта следовательша знает больше, чем надо. Так что можешь смело резать правду-матюшку, — и пошел в раздевалку.

Какое это, оказывается, приятное состояние — не чувствовать за собой вины! И неважно, что в повестке написаны пугающие слова «для допроса».

Так думал Дима, шагая в сторону сельсовета по чистой и пустынной улице.

Он пришел точно к двенадцати, но у следователя была какая-то женщина, и Диме пришлось постоять в коридорчике. Женщина вышла заплаканная. Она мельком взглянула на Диму и обреченно произнесла:

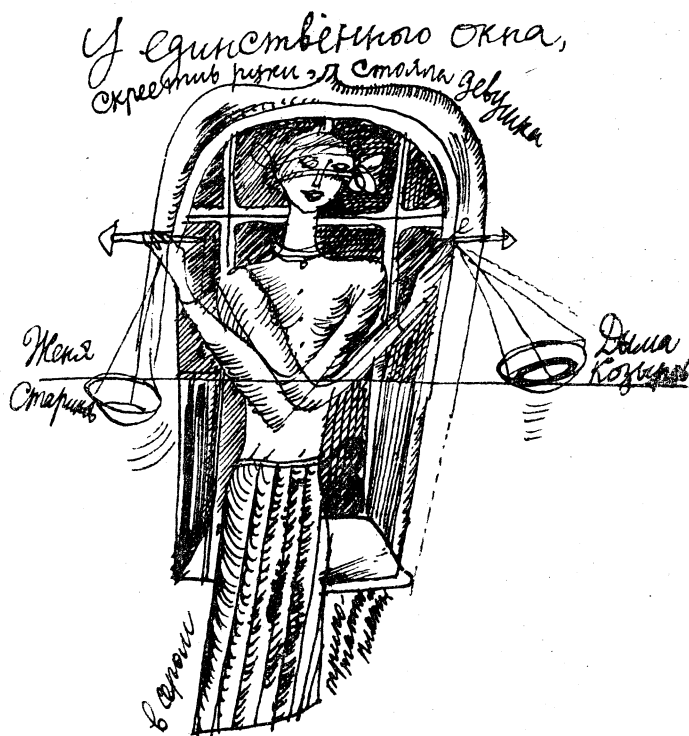
— Век свой мужики бревна ловили, и ладно было, а теперь... О, господи! Чего и будет?..

Безмятежность в душе Димы потускнела от предчувствия чего-то непредвиденного, однако в кабинет к следователю он шагнул твердо.

У единственного окна, скрестив на груди руки, стояла тоненькая девушка в сером трикотажном платье, перехваченном в талии узеньким пояском.

— Можно? — спросил Дима.

— Да, конечно, — она сразу прошла за стол, заваленный бумагами. — Давайте повестку и устраивайтесь вот здесь, в уголочке, — потом долго копалась в бумагах, листала блокнот, что-то отмечала в нем. Наконец, отодвинула все

от себя, устало положила на стол руки и сказала: — Пока поговорим так, без протокола, не возражаете?

Дима пожал плечами: дескать, ему все равно.

— Вы, Козырев Дмитрий Андреевич, четвертого ноября совершили хищение шестнадцати бревен, принадлежащих межсовхозному лесхозу.

— То есть как «совершил хищение»? — поразился Дима. — Я приплавил бревна и все сдал представителю лесхоза. И квитанцию могу показать, — он начал торопливо расстегивать куртку.

— Не нужно. Копия квитанции у меня есть. Куда вы сдали лес, это другой вопрос. Пока я говорю о факте хищения.

Дима возмущился.

— Да какое хищение? Я полдня на озере вкалывал, целый бак бензина спалил. Ведь это не просто — отловить и приплавить...

— Верно, не просто. Любое хищение требует затраты сил, средств и времени. Если вы пойдете воровать строевой лес на корню, вам придется «повкалывать» еще больше. Рубить, трелевать, раскряжевывать, везти... Вон сколько работы!

— Рубить без билета нельзя. Это все знают.

— Хорошо. Это знают. Но почему-то никто не знает, что отлавливать лес на озере — такое же воровство, как и тайная рубка.

— Ну, нет! У дерева на корню есть хозяин:

государство, колхоз. А когда шторм разбивает плоты и лес разносит по всему озеру, он пропавший, ничей. Он либо утонет, либо прибьется к берегу и сгниет. Разве можно сравнивать?

Следователь рассмеялась, Дима исподлобья мрачно смотрел на ее красивые зубы и не понимал, чему она смеется.

— Вы логично рассуждаете и, чувствуется, убеждены в своей правоте, — наконец, сказала она. — Но всякое умышленное обращение с корыстной целью чужого имущества в свое владение квалифицируется как хищение. В данном случае вы совершили хищение общественного имущества — строевого леса, принадлежащего межсовхозному лесхозу.

— Верно, плоты были лесхозовские. Но после того, как их разбило штормом, лес пропал, он стал ничейным.

— Ошибаетесь. Лес не пропал, и свидетельству тому — вами же выловленные бревна. И ничейными эти бревна тоже не стали. Вы только приплавляли их, а хозяин тут как тут! Так было?

— Так.

— Но если бы хозяина на берегу не оказалось, если бы лесхоз не стал в спешном порядке разыскивать лес, вы бы эти бревна продали первому желающему их купить. Верно?

— Верно.

— Что же получается? Факт хищения налично. Но похищенное вы не успели сбыть: вас поймал с полничным хозяин бревен.

Дима насутился.

— Я понимаю, вас коробит терминология. Но вещи надо называть своими именами. Если бы, отправляясь на озеро, вы сказали: я пошел воровать бревна, очень вероятно, что вы отказались бы от задуманного. Но в обыходе вы заменили слово «воровать» словом «отлавливать», и сразу создалась видимость безобидности. Однако суть дела от этого не изменилась. Вы хорошо меня поняли?

— Да вроде бы понял. В общем, пусть лес с разбитых плотов плавает по озеру, пока не утонет, пусть моторки переворачиваются на топляках, люди гибнут — у нас каждый год из-за таких бревен люди тонут, пусть рыба от древесной гнили дохнет, но бревна, топляки эти, трогать не смей. Так?

— Напрасно вы так, с издевкой... — с сожалением произнесла следователь. — Вы — неглупый парень и отлично понимаете, что, поскольку похищенный лес полностью добровольно сдали, суд вас, конечно, оправдает. Но мой совет: впредь не занимайтесь таким промыслом.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

ТРИ СТУПЕНЬКИ В МИР ТАИГИ

Майя БЫКОВА

Рисунок Елены Паничевой

ВСЕ БЫЛО КАК В СКАЗКЕ. МЫ ШЛИ ЗАБРОШЕННОЙ ДОРОГОЙ В ОКРУЖЕНИИ ВЕКОВЫХ КЕДРОВ, ЗАТЕМ — ГУСТОГО МОЛОДНЯКА-САМОСЕВА. И ТУТ ПРЯМО ПЕРЕД СОБОЙ УВИДЕЛИ... ДЕРЕВЯННОЕ КРЫЛЬЦО В ТРИ СТУПЕНЬКИ. НИ ДВЕРИ, НИ ТЕМ БОЛЕЕ САМОГО ДОМА — ТОЛЬКО СТУПЕНЬКИ. Я ВЗОШЛА ПО НИМ И, ШИРОКО РАСКИНУВ РУКИ ОТ ЖЕЛАНИЯ ОБНЯТЬ ОТКРЫВШИЙСЯ ГЛАЗАМ МИР, БУДТО ШАГНУЛА В НЕГО...

Ольга Александровна Кошманова — манси, фельдшер по образованию, а по призванию природовед, этнограф и фольклорист — давно жила в свои родные края. И вот лето, и мы вместе.

...Дорога привела в деревню Сатыгу, лет двадцать назад оставленную жителями по причинам неизвестным, связанным с упадком сельскохозяйственного производства после многих и часто лишенных логики разъединений-объединений. Перед нами были обезлюдевшие избы с черными провалами окон, сорванными дверями, с резными воротами без ограды (так вот откуда крыльцо на дороге!). Тут и там — нежилое дерево срубов. И каждый остов былого семейного пристанища как незримая печать памяти о минувшем, о тех, кто здесь обитал не одним поколением.

Дом бабки Дарьи сохранился лучше других. Не потому, что, оставляя его, она трижды обошла вокруг дворя с иконой. Думаю, дом уцелел среди разора оттого, что сильным да складным мужиком был дед Дарьи, поставивший его когда-то. Лет на сто ставил, да и не без воображения был зачинатель рода — тесовая крыша под скатом, подзор с прорезью, подоконные доски, наличники с объемными листьями и цветами, а надвратная доска — с голубками. И все это в целости, сохранности, хотя такая объемная работа обычно первой страдает — легко снимается пришельцами для костра...

Сразу возникла мысль: дома-то все еще ждут трудолюбивых хозяйских рук; кажется, вот-вот вернутся люди, которые смогут дать новую жизнь давно угасшим очагам; и снова, как когда-то, будет здесь, в Сатыге, под каждой крышей тепло-светло от печей — таких страшных, когда они без огня.

Ведь где печь с огнем, там жизнь. Как вон в той избе, взбежавшей на пригорок. Приветливо мерцал ого-

нек сквозь малое окошко — особенно яркий потому, что он был сейчас единственным во всей деревне.

А внизу, метрах в ста от жилой избы, тоже как бы выбежали к дороге, навстречу редким людям, кедровые великаны. Чем ближе мы подходили к ним, тем сильнее овладевала нами тревога.

Читала я рассказы о медведях, среди бела дня появившихся в деревне. Конечно, жители сразу окружали зверя — кто с дубьем, кто с ружьем; выяснялось, что мишка появился на людях не сдуру, а от нужды — протягивал лапу, в которой торчала заноза. И, к счастью, находился человек, который останавливал желающих пальнуть и оказывал зверю помощь (во время «операции» таежный гость стоял не шевелясь). И медведь — здесь не место бояться очеловечивания, — явно благодарный людям, мирно уходил в лес.

А кедры Сатыги, оказывается, «доверчивее» медведя. Выступив из леса, они остались рядом с человеком. Но конец моего сюжета куда печальнее. Нынче шишки с них сбивают все, кому не лень. Беда еще и в том, что набеги совершают люди, вооруженные техникой. Они не колотушкой стучат по стволу (что само по себе признано вредным и осуждено наукой), а всем железным «телом» вездехода или трактора наваливаются, таранят... И стволы представших перед нами деревьев несли страшные следы схваток с беспощадным железным зверем. Часть могучих красавцев уже была повержена. Деревья лежали комлем вверх, и корни, вымытые дождями и просушенные ветрами, напоминали обглоданные кости.

На кедрах-счастливицах, стоящих в третьем и четвертом рядах и далее в лесу, к которым можно подъехать разве что на козе, шишек почему-то не было... Почему? На дворе начало августа, а урожай собран? Даже мне, никогда не видевшей доселе кедра, это показалось странным. И лишь позже все разъяснилось. Нет для добытчиков-хапуг сроков сбора даров болот и лесов. Царствует право первого: когда увидел, тогда и взял... А птицы и звери, как выяснилось, выучились у браконьеров. Когда кедровка-ронжа, которая «понимает» больше любого охотника до кедровых богатств, видит, что начался сбор шишек, она тут же бросается заготавливать кедровую продукцию, тащит незрелые шишки в запасники. И хотя «понимает», что орешки еще в молочной спелости, и, быть может, даже «удивляется» недоумию первых

сборщиков, но зима-то в тех краях долгая, суровая, вот и приходится принаравливать к двуногим во имя прожиточного минимума. А уж за кедровой непременно зайвится бурундучишка, тут как тут и белочка, и прочие лесные обитатели, жизнь которых зависит от их собственной расторопности.

Вот через какие печали взошли мы на пригорок. Тут и открылся во всю ширь Сатыгинский туман — мелководное озеро. Не все берега можно окинуть взглядом, столь оно широко. Подпитывает озеро масса ручьев и невеликих речек; в нем много щук, язей, карасей, плотвы. На островах и полуостровах в большей или меньшей степени сохранились боры с кедрами, малинниками, брусничниками, голубичниками и прочими и прочими ягодниками. А главное, с моховиками величиной с глубокую тарелку и отнюдь не червивыми. И каким методом ты их ни срывай, ни обрезай — не убывает моховиково племя. Можно только предположить, что причина изобилия — безлюдье, никто не утаптывает угодий. Браконьеру гриб ни к чему.

Итак, мы подошли к калитке почти единственного жилого подворья с избой и, как водится, двором, полным скотины. На заре сидит красавица-кошка; рвется с цепи, надрынаясь, огромная лайка. Свет в окне, кошка, собака — чувство радости наполнило душу в предощущении человеческого тепла на фоне мрачного запустения.

Тут я и познакомилась с Екатериной Алексеевной Чейметовой, родившейся и выросшей еще верст за двадцать от этих мест, в деревне Евра.

Первый раз Катя пошла с отцом на охоту лет десяти от роду. А с двенадцати она отправлялась в лес как во второй свой родной дом. Так сызмалства, постепенно прошла она охотничье обучение у отца, да еще — за плату — у охотника Бормонтова. Получила диплом промысловика. К тому времени у Кати были свои лайки: Товарищ, Постой, Отгадай, Нескажу, Глухарь. Ее промысел — рябчик, белка, соболь.

Первый соболь ей запомнился, потому что добыла его совсем еще юная охотница при довольно трудных обстоятельствах. Несколько дней ходила с отцом по тайге — нет соболя, хоть плачь. То ли невезение, то ли что-то в природе произошло, и зверь ушел... Была поздняя осень, дня через три — Октябрьские праздники, а они от дома за восемьдесят километров. Повернули назад. Оба печальные. «Эх, Катя, если бы добыли соболя, увел бы я тебя домой напрямиком. И на ночь бы не останавливались...» И надо же такому случиться: пока отец выслеживал белку, Катя заметила, как лыжницу (так в том краю называют лыжню) перебежал соболь. Она — за ним. Возле ближайшего кедра тот исчез, как в воду канул. Вспомнила отцов наказ: «Не горячись, окидывай взглядом лесную разду три, может верхом уйти». Присмотрелась: одна ветка вроде потоньше других, и — выстрелила. Свалился соболь ей под ноги, да тут лайки, будто с ними что-то случилось, вдруг вышли из повиновения, вцепились в зверьку, окликов ее не слышат, рвут добычу друг у друга. Едва за уши оттащила лаек, благо шкура у соболя крепкая. Лыжи, шапка, котомка, посох — все разбросано на поле битвы. Привела себя в порядок — и к отцу. Он спросил: «Хороша белка?» Ничего не ответила Катя, а сердце радостью зашлось.

На привале принялась потрошить рябчиков и белок. Отец варевом в котелке помешивал. Катя как бы невзначай и сказала: «Старика обдирать будем?» Оглянувшись отец: «Вот диво, дочь!» Даже слезы выступили у него на глазах... На самый праздник поспели в деревню.

Когда на ее родине, в Евре, колхоза не стало, семья перебралась сюда, в Сатыгу. А через несколько лет почти все стали городскими жителями...

Все же родные места зовут и манят... И наметилась недавно такая тенденция, что местный манси или русский,

выработав на стороне положенные годы, в конце концов возвращается поближе к родным краям. Чтобы походить по лесам, пособирать ягоду, половить рыбу...

От городского дома Екатерины Алексеевны до родной избы в Сатыге, которую она восстановила своими руками, всего-то пятьдесят километров... Для этих мест не расстояние. Мало кто нынче тут живет. Пользуются лесом случайно, набегами. Криком кричит Екатерина Алексеевна: «Помогите! Спасите этот кусочек красивой земли! Спасите, пока совсем не загубили».

Шесть детей у Чейметовой, много лет отдано колхозу. Ни один из ее детей в яслях или саду не был. Она сама всех вырастила, и поэтому к пенсионному возрасту не хватает ей двух лет стажа. Вот и решила она добрать недостающий срок, — устроилась рыбаком в Учинский рыбоучасток. Ему и принадлежит сатыгинские рыбные угодья.

Есть в деревне еще житель — рыбац Владимир Вайветкин. О нем никак нельзя не сказать. Доводят рыбаку ежегодно план рыбосдачи. Дано право ловить в реке и озере. Так вот, этот горе-рыбак еще ни разу плана не выполнил.

Чейметовой тоже отвели участок на озере. Занимаясь своим делом, Екатерина Алексеевна насмотрелась такого, что ни словами передать, ни пером описать... У нее полно забот, а у Вайветкина весь «улов» — из ближайшего города, из винного магазина тамошнего. Рыбу и он иной раз ловит, но не для плана, а в обмен на бесчисленное количество бутылок, которые и опустошает. И летом, и зимой, и осенью стоят возле рыбацкого дома машины с городскими номерами — тут и личные, и разных организаций, охочих до рыбы. Такса — бутылка.

Нетрезвый рыбац, конечно, план выполнить не может. Перегнать через реку Урай, поставленный им еще весной 1984 года, был на месте до середины 1985-го. Столько набилось там рыбы, что яд и запах гниения отравили всю огромную округу. Даже начинающий рыбац знает, что рыба по три года и больше не приходит в такие места.

В ответ на свое обращение-жалобу получила Екатерина Алексеевна от начальства Учинского рыбоучастка издевательское предложение — работать с Вайветкиным вместе. Чтобы, значит, неповадно было жаловаться на «удобного» руководству поставщика рыбы. Пришлось Екатерине Алексеевне по здравому рассуждению уволиться.

Писала она обо всем в местную газету. 27 апреля 1985 года в «Ленинском трибуне» в разделе «Хотя письмо и не опубликовано» была заметка «Строго предупрежден»: «Пользуясь бесконтрольностью со стороны рыбоучастка и органов рыбоохраны, В. Вайветкин пьянствует, сбывает рыбу на сторону. Как сообщил «Ленинскому трибуне» директор Кондинского рыбозавода В. А. Перевалов, автор письма во многом права. Рыбак... строго предупрежден. Если он не исправит положение дел на рыбоугодьях, вновь допустит невыполнение плана, будут приняты более строгие меры, вплоть до снятия с промысла».

Вот еще сатыгинские беды. На затопляемой части берега заготовители сена часто оставляют емкости с соляной, они подтекают, уносятся волной... А там, где прорубали просеку, вели дорогу, остались брошенными поваленные стволы — отодвинуты в сторону за ненадобностью, и так на много километров. А сколько их спущено на воду! Нет, не для сплава — бесцельно или сокрытия ради...

...Конда все еще богата борами, кедром, озерами, рыбой, птицей, зверем. И людьми, прекрасными людьми, земляками Екатерины Алексеевны Чейметовой — теми, кто живет с чистой совестью в мире живого, непреходящего.

Примечание. Пока писался этот очерк, Вайветкин еще раз успел провиниться. Судим. Выплачивает проценты с заработной платы, чтобы возместить нанесенный государству ущерб. А ведь можно было и не допустить...

Вот некоторые сведения о Михаиле Орлове.

Родился он в 1949 году в Томске. Окончил школу, служил в армии. После работы. На рыболовном судне, механиком по самолетам. Учился на физико-математическом, филологическом и историческом факультетах Томского пединститута, но ни один факультет не окончил. Затем работал корректором в газете, журналистом. Член Союза журналистов с 1975 года.

Написал более ста рассказов и эссе. Фантастических, юмористических, исторических. В последнее время работал над научным трудом «О метафоре» и романом о периоде колчаковщины в Сибири.

Прекрасно знал несколько европейских языков, великолепно разбирался в философии, истории и мифологии. Рассказы его, особенно исторические и на мифологической основе, были странны, оригинальны, непохожи на стандартную прозу и поэтому единодушно отвергались редакторами и рецензентами. Умный редактор ему, к сожалению, так и не попался.

При жизни Михаил Орлов публиковался очень мало. Были его стихи (а он еще был и поэтом, и снова совершенно непохожим ни на кого) в альманахе «Огни Кузбасса», несколько рецензий в газетах и юмористический рассказ в «Литературной газете».

Уже после смерти, последовавшей в июне 1986 года,

в «Советской России» опубликованы его эссе «Хлебное поле Ван Гога» и рассказ.

Последние годы Михаил Орлов переписывался с Вениамином Кавериным и весной 1986 года даже встречался с ним. Судя по всему, Орлов произвел на Каверина сильное впечатление. Достаточно сказать, что Каверин написал о нем повесть под названием «Силуэт на стекле». Она еще не опубликована, но писатель во многих интервью сообщал об этой повести, везде называя фамилию прототипа главного героя.

Судьба Михаила Орлова трагична. Я был с ним знаком всего полтора года, но впечатление от его личности осталось навсегда. Он был чрезвычайно скромным, пробивать свои литературные труды не умел, да и считал это постыдным. Писал много, торопился, последнее время даже не работал — только писал. Жил бедно. Такой бедности в наше время, кажется, уже и не бывает. Умер он от рака легких, хотя лечили его от пневмонии. Но большую роль здесь сыграло и неприятие его творчества, отсутствие публикаций.

В Томске создана комиссия по литературному наследию Михаила Орлова, готовится его сборник, который, мы надеемся, все-таки выйдет — несмотря на отрицательную рецензию из Госкомиздата...

Виктор КОЛУПАЕВ, Томск.

Михаил ОРЛОВ

Рисунки
Марины Богуславской

НОЧЬ

В СТЕПИ

Рассказы

В погоне за бандой атамана Грицько отряд Гузеева был измотан до предела. Кони и красноармейцы валились с ног, и даже затворы у винтовок перестали клацать. Были случаи засыпания бойцов на скаку, и вследствие этого их выход из строя.

У станицы Лозовской бандиты вновь ускользнули.

«Хватит,— подумал комиссар Поддубенский.— Угробим отряд, надо отдохнуть». И осадил жеребца.

— Дезертирствуешь?!— приблизился к комиссару командир отряда, бывший харьковский слесарь Гузеев с серым лицом и сумасшедшими глазами.

Их окружили угрюмые красноармейцы, ожидая, чем кончится инцидент.

— Не кричи, Гузеев,— сказал комиссар.— Ты как будто думаешь, что вся сила Красной Армии в ногах. А это не так. Дитенком ты, должно быть, слушал старушечьи сказки?..

Лицо Гузеева еще больше застлало сумраком, на нем выступили щербины, и видно было, что командир наливается бешенством.

— Я сказок не слушал сроду,— сказал Гузеев. Конь под ним подрагивал и опускал голову понюхать травы.— Я всю жизнь работал. Я бы подох с голоду, если бы слушал сказки. Ты, комиссар, должен знать партийную соль.

Поддубенский обвел глазами запыленных, отрешенно сидящих в седлах кавалеристов и решительно ослабил подпругу.

— Я знаю, в чем соль партийной установки. Но я знаю также, что скачет быстрее коня. Мысль обгоняет самого лихого скакуна, товарищ Гузеев. И нам с тобой надо думать, а не гнать бойцов вслепую за врагом. А враг, может быть, смеется над нами, отдыхая и объедаясь вишнями. Спрячь свою пушку, не цель в меня. Бойцам и коням нужен отдых. Когда они отдохнут, мы со-

зовем на совет сознательных красноармейцев и решим, как быть дальше.

Гузеев вложил наган в кобуру.

— Ладно,— сказал он.— Всем отдыхать. Выставить часовых. Менять через каждый час.— И соскочил на землю, едва удержавшись на закоростеневших, согнутых в коленях ногах.

Так велика была усталость бойцов, что они засыпали, еще не коснувшись щекой степной вечерней земли. Валились, как убитые, и дышали тихо, как дети, не хватало их даже на храп.

Тронув за плечо нервного Гузеева, Поддубенский ласково сказал ему:

— Спи, командир! Я разбужу тебя, как придет срок.

Стало смеркаться. В степи трещала саранча, певуче скрипели сверчки, вскрикивали перепела. Земля дышала крутыми испарениями, пылью, соком спелых трав, подавленных конями. От нее шли тепло и нега всей первобытности жизни.

Поддубенский сидел на земле, скрестив ноги, смотрел на смутную линию горизонта. Он не был в совершенном бодрствовании, но и, несомненно, не спал. Ум блуждал на последней грани напряжения и, казалось, мог переждать вечность.

Кони с хрустом отщипывали молодую траву, позвякивали стремянами, фыркали и дрожанием кожи отгоняли мух-кровососов.

С неба перед самым Поддубенским бесшумно опустилась штукавина, похожая на аэростат без гондолы. Она раскрылась пополам, как разрезанный кавун, из нее вышел человек, одетый, словно воздушный гимнаст в цирке, в серебристое трико, плотно обтягивающее тело. Он нерешительно постоял, прислушиваясь к тихой ночи, и, не найдя повода для тревоги, шагнул вперед.

— Стой,— жестко сказал ему комиссар.— Руки вверх, белая сволочь!

Человек из аэростата недоуменно повернулся на голос и произнес что-то на незнакомом языке.

— А-а,—выругался комиссар.—Ты из Антанты? Не повезло тебе, иуда буржуйская. Руки вверх, говорю!

Человек нехотя поднял руки и при этом странно металлическим голосом произнес теперь уже по-русски, но как бы с латышским акцентом:

— Вы ошибаетесь. Я не Антанта. И не белая сволочь. Я даже не знаю, что это такое. Я не здешний.

— Я тоже не здешний,—сказал комиссар, вдруг понимая, что если шпион кинется на него, он не успеет даже вскрикнуть, дремота сковала его изможденное тело, пальцы не слушались. А этот гимнаст, видно, здоров и ловок. Оставалось надеяться на испуг.

— Стреляю без предупреждения.

— Я не враг,—сказал гимнаст, показывая голые руки.—Я ничего не понимаю: что происходит?

Поддубенский с трудом сохранял сознание, и ему казалось, что он управляет собой. Однако, очнувшись от секундного забытья, он увидел, что гимнаст поддерживает его за плечи, с участием заглядывая в лицо. Наган валялся рядом в траве, незнакомец не обращал на него внимания.

— Что с вами?

— Ничего,—ответил Поддубенский, злясь на свою сонливость.

— Я могу вам помочь?

— Спасибо,—усмехнулся комиссар.—Помог волк барашку. В последний раз спрашиваю, кто такой? Какой партии? За кого воюешь?

— Разве обязательно нужно воевать?—засмеялся гимнаст.—Мы привыкли жить в мире. У нас везде мир. А у вас везде война. Я облетел всю Землю, и везде грязь, кровь, нищета и смерть. У вас нет цивилизации. Вы еще не выросли до нее.

— Кто ты?

— Я оттуда,—незнакомец махнул рукой в небо.

Поддубенский почувал холод между лопатками, ему показалось, что он бредит, разговаривает сам с собой, может быть, у него начался тиф.

— Наша земля там... Видите, похоже на ковш?

— Большая Медведица?

— Это по-вашему. А по-нашему... впрочем, это неважно.

— Неважно...—отозвался, как эхо, Поддубенский, все еще сомневаясь, что этот человек, если его можно так назвать, действительно не враг

и что он родился не на Земле, а где-то далеко во тьме.

— А зачем сюда?—спросил Поддубенский.

— Я ученый. Это моя работа.

— Значит, у вас все уже кончилось?

— Что кончилось?

— Ну, революция, гражданская. У вас теперь социализм? Или уже коммунизм?

Гимнаст покачал головой.

— У нас нет таких слов.

— А бедные и богатые? Есть? Пролетариат и буржуазия?

— Мы таких вещей не понимаем. У каждого есть своя работа, и он ее делает. За это ему дают дом, жену, пищу.

Комиссар усмехнулся.

— А кто же это все дает?

Гимнаст задумался.

— Кто? Начальник.

— У него есть дом, жена, пища?

— Еще бы!—засмеялся, но на этот раз не очень весело, гимнаст.—У него не один дом, и не одна жена. И вдоволь всякой пищи, которой я никогда не видел и не знаю ее вкуса.

— Ну вот,—удовлетворенно сказал комиссар.—А говоришь, нет таких слов. Твой начальник и есть натуральный буржуй. А ты вроде нашего умственного пролетария или трудящейся интеллигенции. Грабят тебя твои начальники. Тебя и всех ваших. Турнули бы их к чертям.

— Как турнули?..

— Отсталая нация,—сказал комиссар.—Турнули бы, как мы! И царя, и временное правительство, и всю иерархию. Теперь мы сами начальников ставим, кто по-нашему мыслит. Да вот белая сволочь с Антантой от дела отрывают. Не могут стерпеть такого оборота. Да разве народ повернешь? Народ будущее увидел и борется за него до последней капли крови. Воюем который год и устали, но уже не за горами победа. Корнилова смяли, Юденича, Петлюру взашей! Последние банды вылавливаем. Однако опять ускользнул проклятый Грицько. А у вас в голове темнота. Вам еще до нашей нации рассте.

— Куда нам,—с иронией сказал гимнаст, но Поддубенский этой иронии не понял или не захотел понять. Он вдруг подумал о своем и неожиданно бодрым голосом, близко наклоняясь к незнакомцу, спросил:

— Слушай, а мне на твоём аэростате можно подняться? Или двоих не потянет?

— Потянет.

— Возьмешь меня? Страсть полетать хочется! А я в долгу не останусь, будь уверен!

Получив согласие, комиссар поднялся и по-

шел проверить посты. Но, как он и ожидал, часовые спали с открытыми глазами. Поддубенский понял, что если их сейчас разбудить, надо отдавать всех под трибунал и судить по всей строгости военного времени. Однако ночь была тихая, беды никакой отряду не приключилось, и комиссар вернулся к аэростату, подумав, что винить здесь некого.

Короткая летняя ночь была на исходе. Близило утро. Воздух уже потерял непроницаемость, в нем проступила перспектива.

— Проверил мотор? Не грохнемся?

Поддубенский начал волноваться за успех задуманного предприятия, или что этот космический интеллигент передумает.

— Садись,— ответил гимнаст.

Поддубенский втиснулся между половинками аппарата, сел на какой-то железный сундук, сдвинул колени и напрягся в ожидании взлета. Створки над его головой сомкнулись. Не успев опомниться, комиссар уже увидел, что они повисли над табуном отдохнувших, встряхивающих гривами коней и над спавшим вповалку отрядом.

— Давай выше! — радостно закричал комиссар, по очереди вглядываясь в окна, то в одну, то в другую сторону.

Аэростат круто взмыл вверх, почти до самых облаков. Земля внизу теперь хорошо просматривалась на огромном пространстве. На Бычьем хуторе хозяева поднялись в такую рань и, затопив печь, готовили пойло для свиней и коров. Поддубенский видел их деловитую суету, кулацкую основательность и стучал себя по колену ребром ладони. Его внимание привлек странный блеск в овраге, идущем далеко за хутор, упираясь в большак. Это была банда Грицько.

Комиссар насчитал до сотни стреноженных коней. Бандиты уже заканчивали ночлег, собираясь уходить по оврагу, снова грабить села, вешать комбедовцев, жечь крестьянские хаты и морочить голову отряду Гузеева.

— Спускайся!

Пока аэростат приземлялся, комиссар нащарил за пазухой две зачитанные книжки без переплетов. В одной популярно излагалась теория

Маркса о классах, прибавочной стоимости и законах истории. В другой были ленинские статьи о революции и строительстве нового, справедливого государства.

— Изучите там, у себя. Только осторожно. Меж своими. У нас за эти книжки жизни лишали. Потому цены им нет. А как разберетесь, прилетайте к нам за опытом. Мы к тому времени добьем последнюю классовую сволочь и построим социализм. А теперь дуй отсюда быстрее! Сейчас здесь начнется заваруха, и тебя с твоим аэростатом могут пришить.

Гимнаст долго смотрел в измученное, заросшее щетиной, смертельно усталое, но торжественное лицо комиссара. Сказал:

— Ты теперь устраиваешь свою жизнь — и можешь избрать добровольную смерть ради будущего? Ты переступаешь главный закон жизни — самосохранение?

Комиссар вытер кожаным рукавом свой лоб.

— Я бы тебе объяснил, да некогда. Грицько, бандит, уходит. Я не один. Я — это весь класс. Я один давно бы упал на пыльной дороге, но меня плечами держит пролетариат. Он не даст упасть даже мертвому. Мы все идем в одном строю. Дуй отсюда, интеллигент. Пора!

Аэростат поднялся над землей и скоро исчез в вышине, унося искру нового разума в другую цивилизацию, где превыше всего был закон самосохранения. А комиссар зычным, протяжным голосом крикнул:

— По-о-дъе-ем!

Бойцы зашевелились, вскочили, разминая затекшие руки и ноги. Полные веры в себя, в правильное течение времени, в неизбежную гибель врага, полные нетерпения и желания последней, решительной схватки.

Комиссар повел отряд к оврагу у Бычьего хутора. Он летел впереди всех, презирая смерть и чувствуя, что никакая пуля не остановит его ярости и что нет ни на какой планете, ни на какой звезде ничего выше очищающего пламени революции.

Солнце блестело на остриях красноармейских шашек.

ОСЕННИЕ ЭГОФАГИ

У Николая Николаевича Никулькова на душе кошки скребли.

Отчего? Ну, во-первых, осень. Во-вторых, с начальником поругался. В-третьих, с женой. В-четвертых, в автобусе ногу дверью прищемило. В-пятых, электробритва сломалась. А было еще в-шестых, в-седьмых и в-не-зна-ю-каких. В общем, неприятности.

Никульков обвел серыми глазами привокзальную площадь, заляпанные жидкой грязью троллейбусы, бледно-зеленые такси у бордюра... Редкие прохожие пересекали площадь в неположенных местах.

На лице города лежала непреодолимая осенняя скука.

Никульков посмотрел на свое отражение в забрызганной холодным дождем витрине: сухощавый, не старый, прилично одетый мужчина. Поднял воротник непромокаемого — на полчаса, не более — плаща, засунул руки поглубже в карманы и стал похож на всеми отверженного, покинутого, одинокого человека, губы которого свело судорогой осени.

«Ну и жизнь!» — подумал Никульков. Он еще раз обмозговал свое положение и решил, как всегда в таких случаях, сломать график невезения. Для этого нужно было пропустить подошедший автобус, сесть на следующий. Выйти на любую остановку, только не там, где нужно. Нарушить цепь событий, сломать текучку.

Обозрев серое небо, он решил вообще не ехать домой. Пошел на вокзал. До ближайшей электрички оказалось пятнадцать минут. Он пошлялся по гулкому, пустому зданию вокзала, съел черствый пирожок с кислой капустой, запил его приторно-сладким лимонадом и пошел на перрон.

На выходе скопились пассажиры. Им не хотелось мокнуть под дождем, и они загородили проход. Молодые студенты — он и она, — бросив на грязный пол рюкзаки, беззастенчиво целовались. Никульков шлепнул студента по спине.

— Хватит! Теперь я.

Студент оторвался от девушки, оглядел Никулькова и сказал:

— Обойдешься.

— Обойдусь, — легко согласился Никульков.

В этот момент задрожал пол, по путям прошумела электричка. Все торопливо двинулись на посадку. Никульков отстал от студентов, сел в самый пустой вагон и уехал неизвестно куда.

Он сошел на второй или третьей остановке после Богашева и направился вниз к Басандайке.

Басандайка — одна из тысяч российских речек величиной с Непрядву, такая же извилистая, такая же заросшая лозняком. Один берег пологий, травянистый, а другой обрывистый. Река служила как бы границей растительности. На обрыве начинались густые хвойные массивы. Топорщились ели. Сосновый бор переходил в лохматый кедр.

От путей до реки десять минут ходу. Никульков без труда преодолел открытое пространство и перебрался по свалившейся осине на другой берег.

«Возвращаться плохо будет, — подумал Никульков, — скоро сумерки».

Но это не остановило его.

Никульков не пошел в боры. Там сейчас совсем темно. Свернул направо, в лиственные леса. Они стояли совсем голые. На желтых ветвях светились дождевые капли, висели хлопья тумана. Дышалось легко и шагалось легко по мягкой сырой земле, сплошь усыпанной потемневшей листвой.

После третьего лога потянулся широкий покос. На стерне стояли стога. Никульков едва не заплакал, увидев их. Наверное, они хранились в его памяти более глубоко, чем обычное воспоминание, может быть, в самой крови, в мозге костей. Образ тысячелетней Руси был связан с этими мокнущими в лесах серыми стогами.

Он пересек покос, углубился в осиновый подлесок, наелся рябины, уже тронутой заморозками и потому горько-сладкой. Вышел на поляну, уставленную какими-то темными фигурами, словно алтайскими идолами. При ближайшем рассмотрении фигуры действительно оказались похожими на человеческие, как будто высеченными из серого гранита.

«Откуда они здесь? — удивился Никульков. — Зачем? Почему археологи не увезли в город, в музей? Почему нет ограждения или какого-нибудь знака? Бесхозяйственность. Непорядок. А работа искусная. Нет, это не идолы, — решил Никульков. — Слишком натурально сделаны. А идолы всегда стилизованы. Они Сверхчеловечки и Недобогги».

Гранит какой-то странный...

Никульков вытащил из кармана перочинный нож и попробовал поковырять голову одного изваяния.

— Стой! Очумел, что ли?! — услышал он заполошный голос за спиной. — Ты у себя поковыряй!

Никульков обернулся.

— А тебе что?

— Мне ничего! Я здесь сторожу! Ты как прошел?

— Обыкновенно, — сказал Никульков. — Как люди ходят. Вон по той тропинке.

— Какие люди? — удивился Страж-недотепа.

— А ты кто, не человек? — спросил Никульков.

— Не-ет, — опасливо протянул Страж. — Я — эгофаг. Мы все здесь эгофаги.

Никулькову стало нехорошо.

— Эгофаги?..

Страж-недотепа подошел к тому месту, куда показал Никульков, и тщательно осмотрел поляну. Пошевелил губами, пощелкал пальцами, покачал головой.

— Надо вызвать ремонтников!

— Может, я помогу? — предложил Никульков. — Я техник-инженер.

— У нас своя техника, — хмуро сказал эгофаг.

— Вы что, лешие? — осмелившись, спросил Никульков.

— Типун тебе на язык, — сплюнул Страж. — Мы эгофаги.

— Эгофаги, эгофаги! Заладил! Откуда я знаю, что это такое? Не люди и не лешие, а разговариваете.

— Что же нам, мяукать?

— Почему? Разговаривайте. Но объясните по-человечески. В бога веруете? Вон сколько идолов поставили.

— Это не идолы, а тоже эгофаги, — оскорбленно заметил Страж. — Только съевшие свое Я. Временно, конечно. Пока обстановка неблагоприятная.

— Не понял, — мотнул головой Никульков. — Как они себя съели, зачем?

— Да ну тебя, — махнул рукой Страж. — Я тебе объясняю, а ты не понимаешь. Съели, и съели. Затвердели. Окаменели. Их теперь ничем не проймешь! Понял? А потом обстановка изменится, и они обмячат, станут как раньше. Дошло?

— Не совсем, — честно признался Никульков. — Значит, вы при малейшей опасности затвердеваете?

— Ага, — сказал Страж, — это наше национальное изобретение. Потому и называемся эгофагами. Вообще-то у нашей территории спецзащита пространственная, да что-то вышла из строя. А так бы ты нас никогда не нашел. Я уже вызвал ремонтную летучку, сейчас прибудет.

За логом затарахтело, появилась несусветная колымага, при виде которой Никулькова разобрал смех. Она была похожа на кактус, обросший кактусятами, управлялась при помощи вожжей, вместо колес торчали стальные ступоходы в резиновых калошах.

На подножке кабины водителя стоял какой-то тип и резко взмахивал руками, чуть не свалившись на повороте.

Страж увидел его и сразу съезжился, потом стал серым, затрепетал и закатил глаза. Последнее, что Никульков услышал от него, был испуганный шепот:

— Начальник едет! Сейчас даст разгону!

Через мгновение возле Никулькова стоял окаменевший эгофаг.

— А-а! Твое счастье, подлец! А то бы я из тебя душу вытряс! — закричал подоспевший начальник и обратился к Никулькову: — А ты кто? Из какого отдела?

— А яс тобой детей не крестил, — ответил Никульков. — Так что не кричи на меня. А почему защита поломалась? Не знаешь? А я знаю! Потому что ты зря зарплату получаешь!

Взгляд, устремленный Никульковым на кричавшего начальника, стал таким суровым, что тот неожиданно задрожал и тоже стал покрываться каменной коркой. Никульков подошел к нему и постучал пальцем по голове.

— А тоже — кричать. Разобраться надо, а потом кричать. Постой теперь, прохладись.

Водитель и группа слесарей, заметив такой оборот событий, тоже мгновенно окаменели. Машина продолжала тарыхтеть на холостом ходу. Никульков оглядел поле, установленное истуканами, и пошел по тропинке назад. Перейдя на другую сторону лога, оглянулся, но ничего не увидел. Поляна эгофагов покрылась туманом. Сработала система защиты, догадался Никульков.

Ничего, кроме жалости, он не ощущал к этим существам, научившимся избегать неприятностей таким простым способом.

Он пробрался через заросли калины и вышел на проселочную гравийную дорогу. По ней узеренно двигался «уазик». Увидев человека, шофер притормозил и открыл дверцу.

— В город? Садись, подвезу.

— Спасибо.

Никульков понял, что переломил судьбу и теперь все будет хорошо. Началась полоса удач.

Дорога плавно стелилась под колеса. Шофер включил стеклоочистители, и мутная пелена перед глазами исчезла. Ясный вечер сиял узкой полосой над лесом, эта полоса ширилась и несла в себе синеву завтрашнего дня.

Несколько лет назад с мировой спортивной арены таинственно исчезли два знаменитых шахматиста, занимавшие в своей иерархии ключевые посты. Любители шахмат забросали редакции газет удивленными письмами. Однако и до-тошные журналисты были в недоумении. Со временем страсти остыли. Имена бывших кумиров выветрились из разговоров. На шахматный Олимп взошли новые мастера. Между тем, по крайней мере один из пропавших, Фрэнк Мак-Кракен был жив и презрительно морщился, сидя в своем коттедже за газетой, где разбиралась очередная партия нового чемпиона. Правда, теперь это был другой человек...

ДОЛИНА ГОЛУБОГЛАЗЫХ ОЕЙ

1.

После победы в Амстердаме Фрэнк Мак-Кракен вернулся в свой городишко на севере Калифорнии. Однажды вечером к его дому подъехал черный лимузин с окнами, задернутыми светонепроницаемыми шторками. Из него вышли двое в штатском с военной выправкой. Они недолго пробыли в гостях у гроссмейстера. Через несколько минут Мак-Кракен вышел вместе с ними, сел в лимузин и отбыл в неизвестном направлении.

Полиция произвела расследование, но за неимением данных дело об исчезновении Фрэнка Мак-Кракена было отложено в долгий ящик, а затем и вовсе списано в архив.

— Машина была что надо,— сказал окружающему следователю живший по соседству старик Конрой.— Шикарная машина. И я бы на такой прокатился, да меня не берут...

А лимузин, петляя, выбрался из городка на скоростное шоссе и два часа мчался на юг, ни разу не затормозив. Затем свернул на дорогу, которой не было ни в одном атласе, и скоро въехал в небольшую поселок, обтянутый колючей проволокой. Он проплыл мимо типовых квадратных зданий, окруженных фруктовыми деревьями, и остановился за поселком, у заросшего пыреем пригорка.

Двое в штатском вышли первыми, аккуратно захлопнули дверцы и молча пошли к пригорку. Мак-Кракен последовал за ними. Неожиданно земля под ногами разъехалась, впереди оказался вход в бункер. Едва они ступили на лестницу, как створки над головой сомкнулись. Дальше бункер напоминал обычную современную гостиницу. Узкий ход разветвлялся на несколько коридоров. Через равные промежутки виднелись двери с электронной таблограммой вместо ручек. С потолка лился ровный матовый свет, полы устилали ковры. Вдоль стен топорщились кактусы.

Наконец отыскалась нужная дверь. Набрав шифр, они вошли в кабинет.

За столом сидел маленький лысый полковник.

Спутники Фрэнка Мак-Кракена незаметно покинули его. Полковник кивнул Фрэнку на кресло возле своего стола.

Кресло оказалось очень низким, и Фрэнк

чувствовал себя неудобно, словно его прижали лопатками к полу, а щуплый полковник очутился сверху.

— Я рад, что вы приняли приглашение,— проговорил полковник, уставившись на Фрэнка узкими глазками.— У вас есть возможность сыграть свою лучшую партию.

— Но я должен знать условия, чтобы вступить в игру,— сказал Фрэнк.

— Они просты,— заверил полковник и бросил на стол пачку документов.

Фрэнк открыл паспорт. С фотографии глядело его собственное лицо, но принадлежало оно Джеффри Пирсону.

— Я должен назваться этим именем?

— Да,— подтвердил полковник. Он поскребывал ногтями щеку, словно ему уже надоело объяснять то, что не требует никаких объяснений.— Имя— это первое. Второе: вы никогда не жили в Калифорнии. Третье: вы не выходите за пределы поселка, никого ни о чем не спрашиваете и не отвечаете на вопросы. Это,— полковник положила пухлую ладонь на блестящую крышку стола,— сугубо в ваших интересах. И четвертое, главное условие— вы должны выиграть одну шахматную партию.

— Сколько я буду получать за свое согласие?

— Десять тысяч долларов ежемесячно и десять миллионов сразу, как только будет окончена игра.

Мак-Кракена прошиб пот. Но, похоже, полковник не шутил.

— Десять миллионов?..

— Да. Как пожелаете: ассигнациями, чеками, золотом или недвижимостью.

— Я согласен. За десять миллионов я выиграю вам любую партию.

Несколько дней Фрэнк устраивался в поселке, где ему отвели отдельный двухэтажный коттедж— богатый, уже обставленный мебелью и обжитый особняк. Потратив несколько сотен долларов на одежду, наполнение бара и холодильника, Фрэнк окончательно уверовал в то, что теперь он Джеффри Пирсон. И действительно, лишь тонкая ниточка воспоминаний связывала его с прошлым, с шахматным угаром, с чередой утомительных турниров, где он обязан был выигрывать вовсе не ради искусства, славы или дру-

гих эфемерных удовольствий, а ради главных призов, приносивших деньги. Ради куска хлеба.

Теперь эта проблема становилась решенной раз и навсегда.

На третий вечер Фрэнк усталил свой стол заказанными в военном ресторане закусками, самым дорогим вином, зажег в доме все люстры, включил на полную мощность магнитофоны, налил себе вина в бокал, подошел с ним к зеркалу и чокнулся со своим двойником.

— Будь здоров, Джефри!

2.

Ему выделили в бункере зал, похожий на пульт управления космическими полетами.

Его главным органом был большой телеэкран с панорамой земной поверхности, рассеянной на квадраты. Разноцветными линиями на ней нанесены границы государств, а вся их площадь усеяна светящимися точками, кружками, крестиками, непонятными значками и стрелками.

Мелкие точки все время двигались. Меняли направление также и стрелки. Большая часть их указывала острием на пульсирующую неярким светом середину Европы.

— Вот наша игрушка, — произнес полковник, довольный произведенным на Пирсона эффектом. — Ничего подобного нет больше нигде в мире. Это — гордость нашей национальной обороны. Вам повезло, Джефри. Вы будете человеком, который откроет новую эру в военном искусстве. Раньше побеждал тот, кто умел крошить чужие головы дубиной или мечом. Потом началась война машин. Самолеты и танки против самолетов и танков. Сражения длились годами. Миллионы тонн покореженных механизмов, прорва выкинутых на ветер ресурсов. Сегодня решающая битва будет длиться мгновение. А победит тот, кто правильно выберет это мгновение. Ошибки здесь быть не может. Она — та же смерть. Начинается война интеллектов. Точки, скользящие по экрану, это наши самолеты, ракетноносцы, подводные лодки, танки с ракетно-ядерным зарядом. У каждой боевой единицы свой маршрут, своя цель, которую они поразят по команде с этого пульта. Нужно только найти момент, когда вражеская оборона окажется наиболее уязвимой, и твердой рукой нанести удар. Это и есть ваша партия, Джефри. Вы станете национальным героем. Самые красивые девушки будут предлагать себя в подруги, а ваши десять миллионов через год принесут пятьдесят! Молодой, богатый, преуспевающий Джефри Пирсон! И все это — за один миг.

— Я... первый за этим пультом? — спросил Пирсон.

— Неважно, гроссмейстер, — ответил полковник, отворачиваясь. — Я думаю, это совершенно неважно. Главное — выиграть партию. Подробную инструкцию получите у лейтенанта Гленнона. Вот он идет. Я буду следить за вашими успехами.

С этими словами маленький полковник повернулся и вышел из зала, подпрыгивая на ходу, как механический попугай.

Лейтенант долго и нудно объяснял Джефри, как обращаться с пультом, расшифровывал символы и смысл передвижения ракетноносцев, информация о которых непрерывно поступала на телеэкран.

Грандиозная военная машина безостановочно работала в воздухе, под водой, в песках Аризоны и Сахары. Джефри показалось, что он слышит гул сверхзвуковых бомбардировщиков, летящих над Атлантическим океаном. Он явственно ощущал дрожь земли. Потом понял, что это дрожь и гул вентиляторов.

— Если компьютер пропустит ваш сигнал, его получат министр обороны, президент и директор разведки. Если и они все трое в течение трех секунд нажмут кнопку пуска на своих переносных пультах, это будет означать запуск ракетных установок.

Несколько месяцев Пирсон учился манипулировать боевыми точками на учебном пульте. Мало-помалу в нем проснулся азарт игрока. С искусством гроссмейстера он менял маршруты истребителей, подводных лодок, чтобы сквозить брешь в системе обороны поразить противника. Вскоре к пультам подключили военные спутники.

Сражаясь с электронным мозгом, Пирсон несколько раз включал сигнал атаки, и на экране тут же расплывалось темное пятно мертвой зоны, означавшей, что противник уничтожен, его техника выведена из строя.

Гленнон с восхищением поглядывал на Пирсона.

Через полгода в кармане у Джефри шелестело пятьдесят тысяч долларов. Его посадили за малый боевой пульт. Нужно было подавить сопротивление в небольшой африканской стране. Там находились урановые рудники, которые местное правительство вздумало национализировать.

Уже на следующий день Пирсон нащупал подходящую комбинацию, рассчитал траекторию движения бомбардировщиков и истребителей с ракетами. Набрал данные на клавиатуре и как во сне щелкнул тумблером. Через несколько

минут весь попавший в зону атаки участок затянулся серой пеленой.

В зал управления, радостно восклицая, вошла группа офицеров во главе с маленьким полковником, лысина которого от возбуждения порозовела.

— Я же говорил, что этот парень клад! — сказал полковник. — Высший класс! Вся операция обошлась нам в пять тысяч долларов! А эти стратеги из сухопутного штаба хотели пустить на ветер полтора миллиона! Джеффри, за это стоит выпить! Сегодня вы — мой гость!

Шумная компания удалилась, а Пирсон испытывал сложное чувство. Ему было приятно, что он выдержал экзамен. Его ум, оперирующий таким множеством переменчивых данных, решил задачу, которую никто, кроме него, Джеффри, не мог решить. И все же по спине бегали мурашки. Он знал, что в этой африканской стране сейчас полыхают пожары, под обломками зданий задыхаются люди, и вся земля покрылась пеплом и дымом.

На вечеринке у полковника Пирсон перебрал. Домой его привели под руки два дежурных офицера, положили на диван. Всю ночь он скакал по горящим прериям на диком мустанге.

Потом увидел себя сидящим у горного ручья, а вокруг него, как бабочки, летали голубоглазые феи. Джеффри захотелось пить. Во рту пересохло. Но феи, сплетаясь в хоровод, кружились, не выпуская его из живого кольца.

Джеффри попытался прорваться через хоровод и не смог. Тогда он поднял с земли камень и швырнул его в толпу крылатых проказниц. Камень попал в голову молоденькой фее. Она упала, вскрикнув:

— Джеффри убил меня!

Голубоглазки с визгом разлетелись в разные стороны.

Джеффри пробрался к ручью и наклонился над холодными, блаженно светлыми струями. Но по мере того, как он приближал свои губы к воде, она уходила, просачиваясь в песок. И вот уже только горячее русло осталось перед его воспаленным ртом. Тельце феи превратилось в мертвую бабочку, и вся долина ручья была усеяна мертвыми и умирающими бабочками, воздух наполнился шелестом сухих крыльев, горьким запахом засохшего русла.

Потом налетел горячий ветер и поднял мертвые тела бывших фей. Они кружились перед Джеффри в бешеном хороводе. Закружилось небо, задвигались скалы, голова Джеффри пошла кругом, и он упал на раскаленные камни.

Шлепнувшись с дивана, Пирсон проснулся, дополз кое-как до кувшина с орхидеями и, вы-

бросив на пол цветы, стал пить. Он пил жадно, глубокими глотками и не сразу сообразил, что вода и все содержимое желудка идет у него обратно, потому что от воды несло трупным запахом, — он забыл, что эти орхидеи имеют такой странный аромат гниющего мяса.

Пирсон, чуть живой, отправился в ванную, отвернул кран и сунул голову под струю. Долго пил из крана, задыхаясь и захлебываясь.

Из головы не выходил сон и удивленный голосок феи:

— Джеффри убил меня!

Не успел Пирсон очухаться, как его вызвали в бункер. С трудом он привел одежду в порядок, проглотил пригоршню мятных таблеток и пошел на непослушных ногах к пригорку.

У пульта его ждал опухший, но оживленный полковник. Он решительным жестом указал Джеффри на экран, где среди мерцающих огней выделялось безжизненное серое пятно.

— Получен еще один приказ.

— Не могу... — прохрипел Пирсон. — Я шахматист, а не убийца! Война — не мое ремесло!

Лицо полковника потемнело. Он зарычал с силой, которую трудно было предположить в тщедушном теле:

— Мы заключили соглашение, и ты выйдешь отсюда, только если выиграешь нашу партию! Шутки кончились!

Пирсон падал в глубокий колодец.

У него заныло под ложечкой, перехватило дыхание. Тьма покрыла его. Далеко вверху, уменьшаясь, светился недосыгаемый голубой квадрат неба. И не было возможности крикнуть. Схватиться руками за скользкие, сырые бревна.

Вот хлюпнул столетний водяной холод и поглотил летящее тело и голубой квадрат.

Пирсон сел за пульт.

С тех пор он еще дважды щелкал тумблером и следил, как темное облако расходится по экрану, закрывая реки, поля, холмы и рощи. Долины, где кружатся хороводы бабочек.

После этого Пирсона перевели на главный пульт.

3.

Пирсон содрогался от мысли, что будет, если он отыщет тот единственный ход, который позволит уничтожить противника, занимающего половину Земли.

Тысячи ракет произведут одновременный удар. Полмира охватит пламя, от которого лопаются бетонные перекрытия и завиваются в кольца железнодорожные рельсы.

«Но это война,— успокаивал он себя.— И у них тоже спутники, самолеты, ракеты. Их удары нацелены на нас. Они тоже хотят нашей смерти».

С таким настроением Пирсон сел за пульт и начал привычные манипуляции.

Но здесь, на большом пульте, все было по-другому. Слово невидимый сильный боец разводил сцепленные руки, уже готовившиеся провести смертельный прием.

Иногда хитроумные комбинации Пирсона разрушались сразу, словно взорванные изнутри. Иногда он незаметно для себя возвращался к первоначальной позиции, будто в этом лесу символов его кружил леший, выводя к одному и тому же пню.

Едва Пирсон развивал стремительное наступление на ослабшее, казалось ему, звено, как наступление вязло в непроницаемой обороне.

Втянувшись в странный поединок с неведомым противником, Пирсон забыл, что светящиеся точки, которые он так легко перемещал на экране, на деле есть самолеты, военные корабли, десантные корпуса быстрого реагирования, что там, за тысячи миль, подразделения поднимаются по тревоге и совершают бессмысленные марш-броски, что в тумане скользят, как при-

зраки, серые бронированные корабли, что тысячи тонн горючего сгорают в соплах реактивных двигателей.

И вот однажды утром, едва явившись на службу, полковник вызвал Джеффри к себе и, напыхившись, сказал:

— С этого месяца ваше жалование будет уменьшаться. Таково решение командования. Что вы играете с ними в кошки-мышки? Это дорого обходится налогоплательщикам! Кроме того, постоянные маневры войск вызвали недоумение среди части сенаторов. Мы можем иметь осложнения. Президент недоволен. Пирсон! Атакуйте, черт возьми!

Между тем в свистопляске светящихся точек, в этой затяжной игре Пирсону смутно чувствовалось что-то знакомое. Со временем предчувствие перешло в уверенность. И по ночам он с тревогой размышлял, стоит ли сообщать о своих подозрениях полковнику.

Комитет обороны страны полагал, что их пульт — единственный. Но Пирсон был уверен, что точно такой же — на другой стороне океана. Он узнал руку. Фигуры противника мог двигать только Иван Самохин. Единственный человек, которому проигрывал Фрэнк Мак-Кракен.

Сделав такой вывод, Джеффри Пирсон решил

внимательнее присмотреться к действиям на экране, проанализировать события последних дней.

Скоро Джеффри нельзя было узнать. Он осунулся, почернел, стал раздражительным, злым, так что лейтенант Гленнон подал полковнику рапорт с просьбой о своем переводе в другой отдел.

Пирсон выписал себе целую библиотеку шахматной литературы и с головой ушел в это море страстей, противоборства умов, характеров, памяти, выдержки, упорства.

Как будто случайно вспомнив, он попросил полковника узнать, где теперь живет и чем занимается русский гроссмейстер Иван Самохин. Полковник сообщил, что Самохин полгода назад погиб в авиакатастрофе.

Известие ошеломило Пирсона. Он был теперь убежден, что здесь скрыта загадка, тайна, связывающая двух старых противников, так странно исчезнувших из обычной жизни.

Пирсон узнал руку Самохина, как любой человек узнает своего партнера, потому что можно изменить голос, фигуру, лицо, но стиль мышления, как отпечатки пальцев, принадлежит только одному.

Однако если это так, если против него на таком же пульте играет Самохин, то появлялся вопрос, который невозможно было обойти. Ведь до сих пор Пирсон не думал о своей обороне. Он пытался поразить соперника, забыв, что у того тоже может быть смертоносное оружие.

Пирсон начал очередную комбинацию против Самохина. Он затеял головоломный танец подводных лодок, отвлекая внимание от перемещения сухопутных ракетных установок. И вот увидел, как на северо-востоке огненные точки самолетов вытянулись в тонкую линию, которую можно было прорвать ударами из подземных шахт. Самохин дал промах. Пирсон с силой растер виски. А когда поднял глаза на экран и взгляделся, то снова упал в глубокий колодезь, дышавший холодом и мраком.

Потому что Самохин вывел на орбиту два новых спутника и вместе с уже дрейфующими они составили непроходимую завесу. Тогда как у него со стороны Лабрадора зияла огромная брешь, ничем не прикрытая полоса шириной в двадцать миль.

И в этот коридор устремились самохинские подводные лодки. Однако скоро они развернулись, описали ровную окружность и легли на обратный курс, лавируя между рыболовными сейнерами.

Они не атаковали.

Пирсон получил ответ на свой вопрос.

Наверняка удобный случай был у них и раньше, и все же они им ни разу не воспользовались...

Пирсон перевел управление войсками на автоматический режим и замер в кресле. Мысли путались. Потом он встал и тяжело, как усталый путник, побрел по долине горного ручья.

Он нашел фею с окровавленной головой. Она лежала там, где ее настиг камень.

Джеффри поднял ее легкое тело, прижал к груди, стараясь не измять нежные крылья, и зашагал по иссохшему руслу.

Он шел долго, пока не оказался в Калифорнии, в родном городке. Хотел пройти к своему дому, но его обступила толпа зевак, не давая двигаться дальше.

Люди с любопытством смотрели на мертвую фею.

— Я ее убил, — сказал Пирсон.

На улице раздался вой сирены, замигала полицейская вертушка. Однако вместо полицейских из джипа вылезли знакомые Джеффри по бункеру офицеры. Словно из-под земли выскочил маленький полковник.

— Он сошел с ума! — закричал полковник.

Пока Пирсон мучительно соображал, что ему делать, небо наполнилось щебетом и смехом.

Из-за небоскребов вылетел длинный хоровод голубоглазых фей, они подхватили Пирсона с его ношей, как пушинку, и подняли в воздух.

Полковник и его свита остолбенели. Пирсон видел, как маленькие фигурки замахали руками, засуетились, забегали по тротуару. Полковник вытащил из кобуры пистолет и выстрелил в Пирсона, но уже было поздно.

Феи подняли Фрэнка Мак-Кракена так высоко, что туда не долетали пули. Там было сплошное голубое небо, которое он видел со дна колодца.

Небо, солнце и смех блистающих сильными крыльями фей.

Несколько лет назад с мировой спортивной арены таинственно исчезли два знаменитых шахматиста, занимавшие в своей иерархии ключевые посты. Любители шахмат забросали редакции газет удивленными письмами. Однако и дотошные журналисты были в недоумении. Со временем страсти остыли. Имена бывших кумиров выветрились из разговоров. На шахматный Олимп взойшли новые мастера. Между тем, по крайней мере один из пропавших, Фрэнк Мак-Кракен был жив и презрительно морщился, сидя в своем коттедже за газетой, где разбиралась очередная партия нового чемпиона. Правда, теперь это был другой человек...

Юмбура-Ямбура-Ямбург...

Александр МАТВЕЕВ

Сейчас много пишут о том, что надо беречь тюменскую природу: озера и реки, тайгу и тундру. Но бурное развитие промышленности приносит ущерб не только природе. Оно ведет к смешению населения и к глубоким изменениям в духовной культуре местных народов. Топонимия — одно из таких уязвимых мест. Географические названия легко исчезают или заменяются другими. Их надо собирать, и как можно быстрее. Свой вклад в это благородное дело могут сделать многие — изыскатели, краеведы, туристы, школьники, просто любители родного края.

А теперь — в путь-дорогу! На этот раз у нашего топонимического вездехода сложный маршрут: от Ямбура до Нефтеюганска, а затем вверх по Оби и Ваху до Ларьяка. Топонимы будут остановочными пунктами.

ЯМБУРГ. Сейчас названия «Ямбург» и «Ямбургское газовое месторождение» известны, наверное, каждому советскому человеку. Да и не только советскому — ведь уже прокладываются из Ямбура газопроводы за рубеж. А еще недавно здесь, близ берега Тазовской губы, стояли только домики фактории с тем же звучным названием — Ямбург. Лишь зимой 1982 года началось освоение этого огромного месторождения, открытого еще в 1969 году.

Название Ямбург походит на что-то немецкое. Вспомним XVIII век и моду на такие названия, как Оренбург (город на Ори), Шансисельбург, Екатеринбург... Действительно, *бург* в немецком языке «город-крепость». А что же значит *ям*? В топонимическом словаре В. А. Никонова написано, что было такое финское племя *ямь* и, следовательно, Ямбург — «Город ями» или «Город в ямской земле». А еще из этого словаря можно узнать, что города с таким названием теперь уже нет — он был переименован в 1922 году в Кингисепп в память организатора Коммунистической партии Эстонии Виктора Кингисеппа и что находится Ямбург-Кингисепп на реке Луга в Ленинградской области. Так что совсем другой это Ямбург.

Значит, совпадение. Игра языка или языков? Почти что так, хотя кое-какая связь между этими двумя Ямбурами — прибалтийским и тюменским — все-таки есть.

Более ста лет назад поручил известный патриот Севера купец Михаил Константинович Сидоров своему доверенному лицу Юрию Иннокентьевичу Кушелевскому проложить торговый путь с Енисея на Печору. Не ахти как справился с этим поручением Кушелевский, а вот путешествия свои описал в книжках — «Путевые записки, веденные во время экспедиций 1862, 1863, 1864 годов» и «Северный полюс и земля Ямал». На Северном полюсе Кушелевский, конечно, не был, но через Тазовскую губу его маршрут действительно проходил. И вот пишет Кушелевский, что он во время путешествия на шхуне «Таз» в 1863 году назвал один из мысов Тазовской губы Ямбургом по уже известному городу Ямбуру, теперь Кингисеппу: в этом городе ранее проживал Кушелевский.

Но на самом деле все обстояло не совсем так, а лучше сказать, — совсем не так. Название тоже придумать непросто. Нужна какая-то точка отсчета. И вот тут мы подходим к главному: мыс-то этот имел, конечно, местное название и до Кушелевского. И звучало оно на ненецком языке Юмбор-Сая. Слово *сая* — «мыс», а *юмбор* — «тор-

фяной холм». Значит, Юмбор-Сая — «Мыс с торфяным холмом».

О том, как возникло название Ямбургской зимовки, позднее — фактории, очень хорошо написал в своей книге «Тазовский район», изданной в 1928 году, И. Г. Юданов. Ямбургская зимовка находится в 10 километрах от Тазовской губы. Ее название «произведено от близко лежащего на губе мыса Ямбург-Сале, что значит в переводе с самоедского на русский (*юмб* — торф, *ямбура*, *юмбура* — торфяной, *сале* — мыс) — Торфяной мыс. Кроме этого мыса с обнаженным торфяником, километрах в двух-трех от зимовки, можно видеть торфяные бугры, которые являются контрастом среди плоской тундры, открывающейся во все стороны».

Знали правильное ненецкое название и другие исследователи Тазовского полуострова, например, ботаник В. С. Говорухин, который называет этот мыс Юмбор-Сале и переводит «Торфяной мыс». А в одном архивном источнике начала 30-х годов фигурирует и фактория Ямбург-Сале.

На административной карте Тюменской области 1957 года есть и мыс Юмбор-Сале, и фактория Ямбург, да еще и деревня Ямбура близ обского устья, которая в документах XIX — начала XX века именуется и Юмбура, и Ямбур, и Ямбуриными юртами. Название этой деревни — прямая родня тазовскому Ямбуру.

Но почему же все-таки Ямбург? Откуда здесь конечное *г*? Вот здесь-то и надо снова вспомнить о Кушелевском. Этот «первооткрыватель» переделал ненецкое название мыса Юмбор-Сая в созвучное Ямбург, может быть, действительно, ориентируясь на памятное ему название города Ямбура. А поспособствовала этому ненецкая гортанная смычка, звучащая в конце слова *юмбор*: специфический звук, который иногда, хотя это очень неточно, передают русским *г*. Так и поступил Кушелевский. И название Ямбург появилось в русских документах и на картах, сосуществовая с местной формой Юмбор-Сая.

НОВЫЙ УРЕНГОЙ. В середине 60-х годов в нескольких десятках километров западнее Пура и фактории Уренгой, которая находилась на правом берегу реки, геологи обнаружили богатейшее месторождение газа. Теперь на месте фактории — рабочий поселок Уренгой, а в заболоченной тундре рядом с месторождением вырос Новый Уренгой, ставший городом в 1980 году. Сейчас в Новый Уренгой уже идут поезда из Москвы.

Название Уренгой звучит хорошо и даже как-то мужественно, но убедительного объяснения ему пока нет. Одни толкуют — «Обгорелый холм», другие — «Гиблое место», а вот доказательств никто не приводит. Ясно только, что название это восходит к наречию лесных ненцев, хотя воспринято русскими скорее всего от тундровых: пуровские лесные ненцы произносят *л* вместо *р*. Так как у тундровых ненцев *хой* — «горный хребет», а у лесных *кой* — «сухое безлесное место среди болота», «тундра», конечный слог *гой* действительно можно перевести словом «холм», а вот начальное *урен* — пока загадка.

ТАРКО-САЛЕ. Если взглянуть на карту, то бассейн Пура напоминает высокое дерево, растущее кроной вниз. У рабочего поселка Тарко-Сале, центра Пуровского района, сливаются два основных истока Пура — Пякупур и

Айваседапур. Поэтому-то поселок и получил свое название: по-ненецки *Тарка-Саля* — «Мыс на развилке», «Мыс между рек». Истоки Пура в свою очередь названы по ненецким родам *Пяк* — «Лесные» и *Нэзвасыда*, в русской передаче *Айваседа* — «Безголовые».

Замечательно, что и более мелкие истоки Пура считаются самим Пуром, добавляется только определение. На карте находим: *Вынганпур* — «Гундровый Пур», *Харампур* — «Лиственничный Пур» и другие подобные названия.

ЛАНГЕПАС. Это один из самых молодых городов Тюменской области: еще десять лет назад населенного пункта с таким названием не было на карте, а уже в 1985 году Лангепас получил статус города. Находится Лангепас в самых нефтяных местах — на правобережье Оби неподалеку от Мегиона и Нижневартовска, — и возникновение этого города тоже связано с развитием нефтедобычи.

Название Лангепас несложно для объяснения. У Оби много больших и малых протоков. Большие нередко называют тоже Обью — Юганская Обь, Малая Обь, Горная Обь, а малые чаще всего обозначают хантыйским термином *пасл, посл* — «протока». В некоторых диалектах трудная для произношения в конце слов группа согласных *сл* упрощается, и получается не *пасл*, а *пас*. Например, недалеко от Ханты-Мансийска есть протока Соспас, то есть «Горностаева протока». Хантыйское слово *лански* — «белка», значит, Лангепас — «Беличья протока».

МЕГИОН. Городом Мегион стал в 1980 году. Здесь и нефть добывают, и пристань важная на Оби. А населенный пункт существует давно: юрты Магнонские упоминаются, например, в списках населенных мест 1868 года.

Любительская этимология связывает это название с хантыйским *неветы* — «язь». На самом деле все по-другому: город находится в устье протоки, которая именуется Мега, и эти названия нельзя отрывать друг от друга. Венгерский лингвист Бернат Мункачи записал в конце XIX века хантыйское название Мегионских юрт в виде Мехе-Унг-Пухыл. Эту форму следует только чуть-чуть уточнить — Мехи-Онг-Пухыл. Переводится — «Поселение в устье излучины», так как *пухыл* — «поселение», *онг* — «устье», *мехи* — «излучина реки». Оказывается, протока Мега образует крутую излучину, отклоняясь от Оби сперва на северо-восток, затем на северо-запад, потом на запад и наконец на юго-запад. Не случайно она и называется по-хантыйски Мехиёхан — «Излучина-река». Русские переделали Мехи в Мега, потому что слова *река*, *вода* женского рода, как и множество названий рек типа Вятка или Конда.

НИЖНЕВАРТОВСК. Название этого города — нефтяной столицы Тюменщины — известно всей стране. Но сразу возникает вопрос: а есть ли Верхневартовск. Города с таким названием на карте пока нет и, может быть, никогда и не будет. Были только юрты Верхневартовские — километрах в десяти выше по Оби. А еще много выше по Оби — уже на карте Томской области — можно найти речку Вартовскую и пристань Верхневартовскую. Так что с первой частью топонима — Нижне — можно считать все ясно. Хорошо известна и история города: сперва здесь были юрты Вартовские, затем пристань и село Нижневартовское, потом рабочий поселок Нижневартовский. После открытия Самотлорского нефтяного месторождения Нижневартовск быстро становится городом — в 1972 году.

Но с истолкованием исконно местного, видимо, хантыйского компонента *варт* дело обстоит не лучшим образом. Есть два предположения: от *верта*, *варта* — «делать» и от *варилга*, *варита* — «ловить рыбу запорами». Обе эти версии спорны.

САМОТЛОР. Это озеро, находящееся недалеко от

слияния реки Вах и Обь, стало знаменитым. Именно здесь в 1965 году было открыто Самотлорское нефтяное месторождение. Неудивительно, что и название озера давно привлекает любителей топонимии. Хорошо известно, что *лор* на языке ханты «озеро». А вот что такое *самот*? Кто-то считает, что название надо переводить «Мертвое озеро», но слова «умирать», «умерший», «мертвый» в языке ханты образуются совсем от других корней. Так, в ваховском диалекте, а именно он должен нас интересовать в первую очередь, *сурта* — «умереть», *колгылта* — «погибать», «умирать». Впрочем, сторонники этой точки зрения не приводят хантыйских слов, так что их версия гололовна.

Г. Лазарев в свое время пытался вывести название озера из Сомутлор, Самутлор — «Детыш-озеро», но затем стал толковать его «Сердце-озеро», ссылаясь на хантыйское *сам* — «сердце». Второе предположение очень соблазнительно: действительно, Самотлор самое значительное и притом центральное из озер, находящихся на правобережье Ваха, близ его впадения в Обь. Но «Сердце-озеро» по-хантыйски Самлор. А откуда еще группа звуков *от*? Так терпит крушение эта версия.

Зато первое предположение, от которого Г. Лазарев отказался, очень интересно. Дело в том, что ваховское *самыт* — «детыш рыболовной морды», то есть та ее часть, в которую входит рыба, в звуковом отношении полностью подходит, так как хантыйский гласный второго слога звучит слабо и легко может уподобиться в русском языке более сильному *о* в географическом термине *лор*.

Г. Лазарева, очевидно, смутило значение. Ну что это за название — «Озеро детыша рыболовной морды»? Только не надо забывать, что для народа рыболовов, а именно таковы ханты, детыш — факт общеизвестный. А если посмотреть на крупномасштабную карту, то окажется, что Самотлор, вытянутый с юго-востока на северо-запад, имеет характерную форму детыша и даже есть своего рода входное отверстие, роль которого играет мыс на юго-востоке озера. Образное народное видение сопоставило озеро с обычной деталью рыболовецкого быта. Так и могло появиться «Детыш-озеро».

ЛАРЬЯК, село на реке Вах, центр Ларьякского сельсовета Нижневартовского района, раньше административный центр Ларьякского района Ханты-Мансийского национального округа. В русских документах XIX — начала XX века обычно село Ларьятское. Звук *т* появился здесь вместо *к*: форму Ларьякское произносить трудно.

Сейчас местные жители называют село просто Лар-Ях, но в старину употреблялась и более полная форма Лар-Ях-Торум-Кат. Слово *кат* обозначает «дом», *торум* — «бог», *ях* — «люди», *лар* — «сор», то есть «низкий прибрежный луг, затопленный во время разлива реки» или «большое открытое озеро». На первый взгляд соединить эти слова во что-то вразумительное довольно трудно. На самом деле это не сложно, если знать, что *торум-кат* — «церковь», дословно «дом бога», и что хантыйские топонимы надо переводить, начиная с конца. Значит, Лар-Ях-Торум-Кат — «Церковь людей сора», или, так будет понятнее, — «Церковь соровых людей». Церковь прежде была характерным признаком большого населенного пункта — села, так что вторую половину топонима *торум-кат* можно перевести и словом «село». А вот что такое «соровые люди»?

Есть предположение, что так называли одну из родовых группировок ханты, живущую близ больших озер, которые находятся к западу и к востоку от Ларьяка в верхнем течении Ваха. Ведь «соровые люди» — это в общем-то «озерные люди», так как «сор» можно рассматривать как разновидность озера.

ВЛИЯТЕЛЬНЫЙ КЛИЕНТ

Артур КОНАН ДОЙД

Рисунки
Алексея Харитиди

— Ну что ж, Уотсон, за давностью лет давайте попробуем,— задумчиво произнес Шерлок Холмс, когда уже в который раз я обратился к нему за разрешением опубличить этот рассказ. Итак, я, наконец, могу ознакомить читателей с материалами дела, которое по многим причинам считаю одним из самых удачных в карьере моего друга.

Должен признаться, оба мы с Холмсом были большими любителями турецких бань. Именно там, в мгновения сладкой истомы, за трубкой хорошего табака, он казался мне наиболее общительным и, я бы сказал, наиболее человечным. В одном из таких заведений, расположенном на Нортумберленд-Авеню, мы и увиделись 3 сентября 1902 года, в тот самый день, с которого начинается мое повествование. Чувствуя в поведении моего друга некоторую нервозность, я спросил, что произошло. Вместо ответа Холмс высвободил из-под простыни руку и достал из висевшего рядом пиджака конверт.

— Пока это все, что я знаю,— сказал он, протягивая письмо.

«Сэр Джеймс Деймери,— прочитал я,— имеет честь засвидетельствовать свое почтение мистеру Шерлоку Холмсу и уведомляет о том, что хотел бы посетить его завтра в 4.30 пополудни. Дело, с которым он намерен обратиться к мистеру Холмсу, чрезвычайно важное и требует внимательного рассмотрения. В связи с этим сэр Джеймс Деймери выражает надежду, что мистер Холмс не откажет ему во встрече и подтвердит свое согласие, позвонив по телефону в Карлтон-Клуб»¹.

— Как вы догадываетесь, Уотсон, я уже позвонил,— добавил Холмс, когда я вернул ему письмо.— Кстати, что вы знаете об этом Деймери?

— Пожалуй, не более того, что он очень популярен в обществе.

— И не без основания. Говорят, он берется за самые щекотливые дела, если их необходимо уладить втайне от газетчиков. Помните его переговоры с сэром Джорджем Льюисом относительно хаммерфордского наследства? Джеймс Деймери с присущим ему тактом, конечно, не станет попусту беспокоить. Ему, видимо, действительно понадобилась наша помощь.

— Вы сказали, наша?

— Если вы будете так любезны, Уотсон.

— Сочту за честь.

— В таком случае жду вас в 4.30.

Жил я тогда уже отдельно, на Куин-Энн-Стрит,

¹ Карлтон-Клуб — ведущий лондонский клуб консерваторов.

поэтому пришел к Холмсу заранее. Ровно в половине пятого нам доложили: «Полковник сэр Джеймс Деймери». В гостиную вошел несколько тучный, но весьма приятный на вид человек: открытое чисто выбритое лицо, искренний взгляд серых глаз, на губах — добродушная улыбка. Блестящий цилиндр, темный сюртук, как, впрочем, и любая другая деталь его туалета, начиная с жемчужной булавки в черном атласном галстуке и кончая синими носками, видневшимися над лакированными ботинками,— все в точности подтверждало укрепившуюся за ним репутацию педанта. Привыкший повелевать, властный аристократ и здесь чувствовал себя хозяином.

— Как я и ожидал — доктор Уотсон,— сэр Деймери почтительно поклонился мне, а затем обратился к Холмсу: — Его услуги могут оказаться необходимыми, поскольку нам предстоит иметь дело с человеком весьма и весьма жестоким, который в буквальном смысле ни перед чем не остановится. Думаю, во всей Европе нет сейчас более опасного преступника.

— У меня есть несколько кандидатов на этот почетный титул,— улыбнулся Холмс.— Вы не курите? Простите, я зажгу трубку. Если человек, о котором вы говорите, опаснее покойного профессора Мориарти или пока еще здравствующего полковника Себастьяна Морана, он действительно заслуживает внимания. Так кого же вы имеете в виду?

— Вы слышали о бароне Грюнере?

— Австрийском убийце?

— Поразительно, мистер Холмс! — Полковник со смехом вскинул руки.— Вы и правда всеведущи! Итак, вы сами назвали его убийцей.

— Я слежу за хроникой преступлений на континенте. А у того, кто читал о происшествии в Праге, и сомнений быть не может относительно виновности этого субъекта. Он избежал наказания лишь благодаря стараниям адвоката и смерти свидетеля, кстати, весьма подозрительной. Я представляю, как он убил жену на перевале Шплюген, так же ясно, словно был тогда рядом. «Несчастный случай» — версия слишком неправдоподобная. Я слышал о приезде Грюнера в Англию и предчувствовал, что рано или поздно мне придется с ним встретиться. Что же он на сей раз затевает? Или это продолжение все той же истории?

— Дело гораздо серьезнее. Преступник, бесспорно, должен понести наказание за совершенное злодеяние, но разве не важнее предупредить его действия? Как это ужасно — видеть, что на глазах у тебя разгравляется самая настоящая трагедия, осознавать, к каким последствиям она приведет, и в то же время быть абсолютно бессильным предотвратить беду! Можно ли вообразить более затруднительное положение, мистер Холмс?

— Пожалуй, нет.

— Следовательно, вы должны с сочувствием отнестись к человеку, чьи интересы я здесь представляю.

— Насколько я понимаю, вы действуете лишь в качестве посредника. Кто же, в таком случае, доверитель?

— Всеми уважаемый человек, мистер Холмс, но,

прошу вас, не спрашивайте его имени. Я дал слово, что оно ни при каких обстоятельствах не будет упомянуто в связи с этим делом. Поверьте, его намерения в высшей степени честны и благородны, однако он желает остаться неизвестным. Само собой разумеется, вам обещают щедрое вознаграждение и полную свободу действий. Не все ли равно, в конце концов, кто он такой?

— Весьма сожалею, — ответил Холмс, — но я привык братья за дело, если к нему хоть с одной стороны можно подступиться. Вы же предлагаете только загадки. Боюсь, мне придется вам отказать, сэр Джеймс.

— Если вы откажетесь, случится непоправимое, — лицо нашего гостя омрачилось тенью разочарования и досады. — Вы ставите меня перед сложной дилеммой: уверен, вы сочли бы за честь заниматься расследованием этого дела, посвятить я вас в его подробности, но, с другой стороны, я связан обещанием хранить их в тайне. Позвольте мне хотя бы изложить общеизвестные факты?

— Конечно-конечно, но помните, я пока ничего не обещаю.

— Итак, вы, наверное, слышали о генерале де Мервиле?

— Как же, герой хайберских боев!

— У него есть дочь, Виолетта де Мервиль, молодая, красивая, образованная, короче говоря, во всех отношениях замечательная женщина. Теперь представьте, что это очаровательное невинное существо оказалось во власти самого дьявола. Мы во что бы то ни стало должны ее спасти!

— Дьявол — это барон Грюнер, не так ли? И как же ему удалось заманить ее в свои сети?

— Увы, мистер Холмс, это сети любви. А что может быть опаснее для женщины? Вероятно, вы слышали, что этот человек необычайно хорош собой. Манера держаться, вкрадчивый голос, к тому же романтическая, таинственная атмосфера, которой он себя окружил — все это оказывает на слабый пол гипнотическое воздействие. Женщины от него без ума, а он, говорят, без стеснения пользуется их расположением. С мисс де Мервиль этот негодяй познакомился во время средиземноморского круиза. Общество, конечно, было избранное, но, в принципе, оплатив путешествие, участвовать в нем мог кто угодно. Очевидно, поначалу устроители круиза и не подозревали, что за негодяй этот барон. А потом было уже слишком поздно — он окончательно и бесповоротно завоевал сердце мисс де Мервиль. Она любила его, более того — она ослеплена этим чувством, она им одержима, дороже Грюнера для нее нет никого и ничего на свете. Дурного слова о нем и слышать не хочет, чего уж только не делала, чтобы спасти ее от такого безрассудства. Через месяц она намерена стать женой барона. Возраст тому не помеха — мисс Виолетта достигла совершеннолетия, так что сломить ее железную волю будет непросто.

— Она знает, что произошло в Австрии?

— Он чертовски хитер, этот барон: посвятил ее в самые неприглядные подробности своего прошлого, но таким образом, что всякий раз выглядел невин-

ным страдальцем. А кроме него, она никому не верит.

— Да, ловко. Но разве своим рассказом вы не раскрывли имя доверителя? Несомненно, это генерал де Мервиль?

— Мне было бы легко ввести вас сейчас в заблуждение, мистер Холмс, — смущенно ответил наш гость, — однако дело обстоит по-иному. Де Мервиль совсем сдал. Хоть он и старый солдат, а вынести всего этого не смог. Его стальные нервы, никогда не подводившие на поле брани, на сей раз не выдержали. Он превратился в слабого, дряхлого старика, совершенно не способного бороться с таким мошенником, как этот австриец — ведь тот и молод, и силен. «Доверителя», как вы изволите его называть... связывает с генералом давняя близкая дружба, да и мисс де Мервиль для него все равно что родная дочь. Мог ли он оставаться безучастным, когда у него на глазах разыгрывается трагедия? Скотленд-Ярд тут не поможет. И тогда он предложил обратиться к вам, но с условием, что его имя останется в тайне. Уверен, мистер Холмс, вы безо всякого труда могли бы установить, кто он, но прошу вас воздержаться от этого и сохранить его инкогнито.

— Хорошо, я согласен, — иронически улыбнулся Холмс. — Признаться, ваш рассказ меня немало заинтересовал, и я готов взяться за это дело. Где мне вас искать?

— В Карлтон-Клубе всегда знают, как меня найти. Будет что-то срочное, звоните по номеру: XX-31.

Холмс записал телефон, но блокнот не закрыл и, продолжая улыбаться, вновь обратился к нашему гостю:

• — Где живет барон в настоящее время?

— У него большой дом в Вернон-Лодже, это возле Кингстона. Какими-то темными махинациями он нажил весьма крупное состояние и тем более опасен как противник.

— Он теперь не в отъезде?

— Нет.

— Скажите, а что еще известно об этом человеке?

— У него дорогие увлечения. Любит лошадей. Какое-то время играл в поло за «Херлингэм»¹, но после пражского происшествия ему пришлось уйти. Коллекционирует книги, картины. Довольно серьезно увлекается искусством. Если не ошибаюсь, является признанным авторитетом в области китайского фарфора и даже написал книгу по этому вопросу.

— Разносторонние способности, — заметил Холмс. — Как, впрочем, и у всех великих преступников. Мой старый приятель Чарли Пис виртуозно играл на скрипке, а Уэйнрайт был неплохим художником. Могу назвать еще многих. Хорошо, сэр Джеймс, передайте, что я берусь разоблачить барона Грюнера. Ничего больше сказать не могу. Постараюсь через свои источники выяснить еще что-нибудь.

Когда наш гость ушел, Холмс надолго углубился в свои размышления и, казалось, совершенно забыл о моем существовании.

¹ «Херлингэм» — аристократический спортивный клуб в Лондоне.

— Ну что, Уотсон, какие будут предложения? — наконец очнулся он.

— Думаю, вам стоит позидаться с самой мисс де Мервиль.

— Дорогой мой Уотсон, что могу сделать я, человек абсолютно посторонний, если ее не убедил даже старик-отец? Впрочем, не стоит совсем отказываться от этой мысли. Посмотрим... Однако начать, думаю, следует несколько по-иному. Не обратиться ли нам к Шинуэллу Джонсону? Это как раз по его части.

Ранее мне не представлялось случая упомянуть в своих мемуарах Шинуэлла Джонсона, ибо только теперь я приступаю к подробному изложению самых последних дел Холмса. А именно в этот период Джонсон стал его незаменимым помощником. Отбыв два срока в Паркхерсте¹, Шинуэлл Джонсон, известный в прошлом как опаснейший преступник, не только раскался в совершенных злодеяниях, но и поступил на службу к Холмсу. Действуя в качестве его осведомителя в невидимом глазу, но громадном по своим размерам преступном мире Лондона, Джонсон не раз выручал нас сведениями жизненно важной необходимости. Будь он полицейским шпииком, его раскрыли бы в два счета. Мы же занимались такими делами, которые непосредственно от нас в зал суда никогда не попадали. Ближайшие компаньоны Джонсона и понятия не имели о его истинных намерениях. Репутация рецидивиста раскрывала ему двери любого из многочисленных злачных заведений Лондона, будь то ресторан, ночлежка или игорный дом. Кроме того, сочетание его недюжинных способностей к наблюдению и пытливого ума создавало идеальные условия для получения нужной нам информации. Услугами этого человека Шерлок Холмс и предлагал теперь воспользоваться.

Не знаю, что предпринял Холмс сразу после нашего разговора — я был вынужден торопиться по делам своей практики. Мы встретились вновь лишь вечером того же дня в ресторане Симпсона. Сидя за маленьким столиком у окна и наблюдая за пронесшимся мимо бурным потоком Странда, я слушал рассказ Холмса о событиях минувшего дня, мне пока не известных.

— Джонсон уже трудится, — говорил Холмс. — Пусть порыщет там, «на дне». Кто знает, может, и для нас найдется что-нибудь полезное. Во всяком случае, истоки таинственности барона кроются, по моему, где-то в глубинах преступного мира.

— Да, но стоит ли тратить время на поиски новых фактов, если и сейчас известно достаточно многое, а мисс де Мервиль по-прежнему неумолима?

— Как знать, Уотсон! Женщина остается для нас, мужчин, неразрешимой загадкой. Она может предать забвению или хотя бы принять на веру прошлое — пусть даже тяжкое — преступление, а терзать себя из-за сущего пустяка. В разговоре со мной барон заметил...

— В разговоре с вами?..

— Ах да, вы же не знали моих планов. Знаете, Уотсон, всем видам борьбы с противником я предпочитаю рукопашную схватку. Встретившись с врагом лицом к лицу, сразу чувствуешь, из какого он теста... Я объяснил Джонсону, что от него требуется, а потом нанял кеб и отправился в Кингстон. Барон оказался в самом что ни на есть любезнейшем расположении духа.

— Он вас узнал?

— Без труда — я представился по всем правилам. Уотсон, это превосходный противник: сам холоден как лед, голос словно бархат, как у некоторых ваших коллег-пижонов, но как ядовит, как язвитель! В манерах ему не откажешь — элита преступного мира. Казалось бы, вежливо предложит чашку чаю, а у гостя при этом от страха мороз по коже. Да, великолепный экземпляр! Благодарю судьбу, что она свела меня с бароном Адельбертом Грюнером.

— Вы говорите, он был с вами любезен?

— Мурлыкал, как кот в предчувствии близкой добычи. Но любезность, Уотсон, иногда бывает гораздо страшнее грубости. Встретил он меня так: «Мистер Холмс, я знал, что наша встреча рано или поздно состоится. Надеюсь, вы не будете отрицать, что генерал де Мервиль поручил вам расстроить мой брак с его дочерью?» Я не мог не согласиться с его предположением. «Дорогой мой, — сказал он мне тогда, — оставьте вы это дело, оно вам не под силу. Вы только подорвете свою по праву заслуженную репутацию. Уверю вас, это напрасный труд, но говоря уже об опасности, которой вы себя подвергаете. Настоятельно рекомендую вам отказаться от этой затеи». «Как ни странно, — ответил я, — но я пришел, чтобы дать вам тот же совет. Я и прежде был о вас высокого мнения, барон, а теперь вижу, что не ошибался. Но давайте говорить как мужчина с женщиной. Кому нужно ворошить прошлое и выставлять вас в неприглядном виде? Все позади, и вам нечего бояться. Однако если вы будете упорствовать в притязаниях на руку мисс де Мервиль, у вас может появиться великое множество могущественных врагов, которые ни за что не успокоятся, пока не выживут вас из этой страны. Стоит ли игра свеч? Куда благоразумнее оставить эту даму в покое. Неужели вы хотите, чтобы она узнала всю правду о вашем прошлом?»

Торчащие, как у жука, маленькие навошенные усики барона дрогнули в насмешливой улыбке: «Простите, мистер Холмс, но вы сейчас просто смешны. Держитесь вы, конечно, прекрасно, и все же мне жалко на вас смотреть. Ведь это самый настоящий блеф. У вас на руках ни одной сколь-нибудь значительной карты, мистер Холмс».

«Это вы так думаете».

«Не думаю — знаю. Позвольте мне вам кое-что объяснить. Мои карты настолько сильны, что я могу безбоязненно их раскрыть. Мне удалось добиться полного расположения мисс де Мервиль, причем даже после того, как она узнала от меня обо всех моих неприятностях в прошлом. Я также предупредил ее, что, несомненно, найдутся и такие злые интриганы — надеюсь, вы понимаете, кого я имею в виду, — которые

¹ Паркхерст — тюрьма строгого режима для лиц, осужденных на длительные сроки заключения; находится на острове Уайт.

попытаются заронить в ее душу зерно сомнения. Так что она готова к разговору с подобного рода «доброжелателями». Вы, наверное, слышали о последствиях внушения с помощью гипноза, мистер Холмс? Теперь вы сможете убедиться, как это бывает. Гипнотизм, поверьте, имеет гораздо более широкое применение, нежели развлечение публики глупыми фокусами. По-езжайте к мисс де Мервиль — она непременно вас примет. Ведь за исключением наших с ней отношений она во всем послушна своему отцу».

Поскольку говорить было больше не о чем, я холодно, как мог, простился с бароном и собирался идти, когда он неожиданно спросил, не знал ли я французского сыщика по фамилии Ле Брен и не слышал ли о постигшем его несчастье. Насколько мне известно, этот француз подвергся нападению бандитов где-то в районе Монмартра, был жестоко избит, после чего остался калекой на всю жизнь. Я так и сказал барону.

«Совершенно верно, — подтвердил он мои слова. — Кстати, по случайному совпадению всего за неделю до этого он интересовался моими делами. Вам я этого делать не советую. Многие потом жалеют, что вовремя не послушали. В последний раз предупреждаю вас, мистер Холмс, оставьте меня в покое. Прощайте!»

Вот так, Уотсон. Теперь вы в курсе событий.

— М-да, опасный тип.

— Очень опасный. Он, конечно, прихвастнул немало, но у меня есть основания полагать, что к его словам стоит прислушаться.

— А нужно ли вам вообще вмешиваться? Пусть бы женился себе на этой девице.

— Прежде всего, он уже преступник и должен быть наказан за убийство своей последней жены. Кроме того, вы забываете о нашем клиенте, Уотсон. Нет-нет, об этом не может быть и речи. Допивайте-ка свой кофе и поедем ко мне. Думаю, Шинуэлл ошастливит нас своим появлением.

Нас и правда ждал Джонсон, огромный, неуклюжий, краснолицый человек с явными признаками цинги. Во всей его непривлекательной внешности только живые черные глаза свидетельствовали о чрезвычайно хитром и коварном уме. Погружение в родную стихию прошло, очевидно, небезрезультатно, потому что рядом с ним сидела стройная молодая особа с огненно-рыжей шевелюрой. Лицо женщины, бледное и задумчивое, совсем еще юное, словно проказой было отмечено печатью греха и страданий, которые, по всей видимости, неотступно преследовали ее в этой жизни.

— К вашим услугам — мисс Китти Уинтер, — представил незнакомку Шинуэлл Джонсон, махнув при этом в ее сторону толстой ручищей. — Она знает... Да она и сама вам все расскажет. И часа не прошло после нашего разговора, мистер Холмс, как я ее отыскал.

— Меня нетрудно найти, — добавила женщина, — а Толстому Шинуэллу, черт возьми, тем более. Он и подумать не успеет, а я уже тут как тут — ведь проживаю я по тому же адресу. Мы с тобой старые приятели, правда, Толстяк? Ну ладно, о деле. Говорят, мистер Холмс, вас интересует человек, который за служил преисподнюю побольше нашего. Неужели в этом мире есть еще справедливости!

— Я вижу, вы хотите нам помочь, мисс Уинтер, — улыбнулся Холмс.

— Если уж и впрямь собрались наградить его по заслугам, я с вами до гробовой доски, — с готовностью ответила наша гостья. При этом ее бледное лицо и горящие глаза озарились такой лютой ненавистью, на какую способна только женщина, да и то не всякая. — О моем прошлом говорить нечего, мистер Холмс. Скажу только: в том, что со мною стало, виноват Адельберт Грюнер. О, если бы я смогла ему отомстить! — в ярости сжались ее кулаки. — Если бы мне удалось спихнуть его самого в ту грязную яму, где по его милости оказалось столько людей!

— Вам известно, в чем дело?

— Толстый Шинуэлл рассказал мне в двух словах. И так, у него на примете еще одна дурочка, и на этот раз он собрался жениться. А вы хотите этому помешать. Ну ладно, но разве и без моей помощи вы не можете ей втолковать, что такой негодяй — не пара порядочной девушке?

— Да она просто рассудок потеряла. Любовь совершенно вскружила ей голову. Чего ей только о нем ни рассказывали — все напрасно!

— И про убийство?

— И про убийство.

— Вот это характер!

— Она считает, что его хотят оклеветать.

— Неужели у вас нет доказательств, чтобы убедить, наконец, эту глупую девчонку?

— Вы поможете нам их отыскать?

— А сама я разве не доказательство? Да если бы я встретилась с ней и рассказала, как она...

— И вы бы пошли на это?

— Я-то? Еще бы!

— Хорошо, попробоват, может, и стоит. Но учтите, он ведь выложил ей почти все про свои грехи и был прощен, так что едва ли она пожелает возвращаться к этой теме.

— Он не мог рассказать ей все до конца, — возразила мисс Уинтер. — Кроме того, убийства были и другие. Бывало, говорит-говорит он о ком-нибудь таким сладким голосом, а потом вдруг взглянет пристально и скажет: «А через месяц он умер». И не подумайте, что он хвастался. Правда, я тогда не обращала на его слова никакого внимания, потому что сама была по уши в него влюблена. Как теперь этой вашей глупышке, мне и дела не было до того, что он там творил. Только однажды я была действительно потрясена. Клянусь богом, не умею он все так гладко объяснять и успокаивать, я ушла бы от него в ту самую ночь. Как сейчас помню его руки, унизанные золотом, а в них — записная книжка в коричневом кожаном переплете с застежкой. Думаю, он тогда был изрядно навеселе; иначе вряд ли решился бы ее показать.

— Так что же произошло?

— Не поверите, мистер Холмс! Как другие собирают бабочек или там мотыльков, Грюнер коллекционирует женщин. Эта коллекция — его гордость. В той мерзкой книжке содержится все: имена, фотографии и всяческие подробности. На подобную гадость, кроме него, не способен ни один человек. Если бы он решил ее озаглавить, лучшего названия, чем «Загубленные

мною души», ему не придумать. Ну да что о ней говорить — делу она не поможет, а если бы и помогла, откуда ее возьмешь, эту книжницу?

— А правда, где он ее держит?

— Как знать, где она теперь! Ведь уже больше года, как я от него ушла. Я видела, где он ее хранил тогда. Хотя он настолько аккуратен и постоянен в своих привычках, что, вполне возможно, эта книжка по-прежнему хранится в ящике для бумаг старого бюро, которое стоит в смежной с кабинетом комнате. Вы знаете расположение комнат в его доме?

— Я был у него в кабинете, — ответил Холмс.

— Ого, я вижу, вы не теряли времени даром. Ну, слава богу, может, нашлась управа и на моего милого Адельберта. Его кабинет состоит из двух комнат. Первая — это та, где между окон стоит большой стеклянный шкаф с китайской посудой. Там за столом есть дверь, которая ведет, так сказать, во внутренний кабинет. Это маленькая комнатуха, где он держит свои бумаги и личные вещи.

— Сигнализация есть?

— Адельберт и сам не трус, это вам подтвердит и его злейший враг. Правда, сигнализация все-таки есть, ее включают на ночь. Хотя у него и взяты-то нечего. Разве что-нибудь из китайской посуды?

— Да нет, — с видом знатока заметил Шинуэлл Джонсон. — Кто станет мараться? Ведь эти черепки ни продать, ни переплавить.

— Это верно, — согласился Холмс. — Хорошо, мисс Уинтер, если вы зайдете ко мне завтра в пять, я смогу ответить, можно ли будет организовать встречу с мисс де Мервиль. Я чрезвычайно признателен вам за помощь, не говоря о моих клиентах, которые сочтут...

— Нет-нет! — воскликнула женщина. — Денег мне не надо. Я хочу сама с ним расплатиться. Это и есть моя цена за услуги. Раз мы с вами заодно, я в вашем распоряжении и завтра, и вообще в любой момент, когда понадобится. Толстяк всегда поможет меня разыскать.

Мы расстались с Холмсом до следующего вечера, а когда вновь встретились за обедом в нашем излюбленном ресторане на Странде, я осведомился, как прошел визит к мисс де Мервиль. Холмс пожал плечами и рассказал мне то, что я теперь беру на себя смелость передать своими словами, так как его собственное повествование, несколько тяжеловесное и сухое по стилю, было бы лишено живости и увлекательности.

— Договориться о встрече было нетрудно, — начал Холмс, — потому что в стремлении хоть как-то загладить свою ужасную вину перед отцом — а именно так расценивается ее обручение с бароном — девушка в мелочах выказывает беспрекословное повиновение его воле. Генерал по телефону извещил меня, что она готова нас принять. В назначенный час явилась наша решительная соратница, так что в половине шестого мы были уже у дома № 104 на Баркли-Сквер, где в настоящее время и проживает герой былых сражений. Это оказался один из мрачных лондонских замков. По сравнению с ними даже церкви кажутся фривольностью. Нас провели в гостиную, где в позе ожида-

ния стояла сама мисс де Мервиль, бледная, серьезная и сдержанная, недоступная и непреодолимая, словно снежная вершина.

Честно говоря, мне трудно описать ее, Уотсон. Думаю, после встречи с нею, если, конечно, таковая состоится, вы, как прирожденный рассказчик, сделаете это гораздо лучше меня. Она, безусловно, очень хороша собой, но красота ее какая-то необычная, неземная, в ней что-то отрешенное. Такие лица писали средневековые мастера. И как только удалось этому мерзавцу заманить в свои грязные сети столь прелестное создание, вот что остается для меня загадкой! Впрочем, как говорят: «Крайности сходятся». Низменное и возвышенное, последний негодяй и непорочный ангел. Однако подобного сочетания я все же не встречал.

Она, конечно же, знала, зачем мы пришли — злодей успел напустить яду и на этот раз. Правда, появление мисс Уинтер, мне показалось, ее несколько удивило, хотя это никак не отразилось на ее поведении. С видом преподобной аббатиссы, снизошедшей до приема больных проказой нищих, она жестом приказала нам сесть. А от того, что мисс де Мервиль наговорила, у вас сейчас голова кругом пойдет, дорогой мой Уотсон.

«Итак, сэр, — произнесла она тоном, от которого можно было задрожать, как от арктического ветра, — мне известно, кто вы такой и зачем вы ко мне пожаловали. Предупреждаю вас сразу, можете считать вашу попытку очернить в моих глазах моего жениха барона Грюнера неудачной. Я согласилась на встречу с вами лишь потому, что сб этом меня просил отец, и результат ее не способен повлиять на мое решение стать женой барона».

Как мне стало жаль ее, Уотсон! На какое-то мгновение я даже представил себя на месте ее отца. Красноречие находит на меня довольно редко — по большей части мною руководит разум, а не сердце, — но тут уж я постарался вложить в свои слова всю теплоту, на которую только способен. Не жалея красок, я обрисовал ей и ужасное положение, в которое попадает женщина после замужества, если до того не узнала истинного характера своего избранника, и повинение, с каким она должна переносить мнимые ласки этих отвратительных рук и похотливых губ. Я был беспощаден к ее стыду, страху, страданиям, к безысходности ее положения. Но все напрасно. Мои страстные речи не вызвали ни румянца на ее бледно-матовых щеках, ни даже проблеска чувств в отсутствующем взгляде. Я сразу вспомнил, что говорил мне мошенник о гипнозе. Можно подумать, будто она, однажды впад в транс, так и продолжает пребывать в этом состоянии. И в то же время в ее ответах не было никакой неопределенности.

«Я терпеливо выслушала вас, мистер Холмс, — заявила она. — Однако ничего нового вам сказать не могу. Я прекрасно знаю, что Адельберт, мой жених, в прошлом вел весьма бурную жизнь, в течение которой ему пришлось испытать и горечь ненависти, и ужасную несправедливость клеветы. Вы не первый из тех, кто приходит ко мне с подобной ложью, но зато, я думаю, последний. Возможно, вы и желаете

мне добра, хотя, как я слышала, вы работаете за деньги, так что вам должно быть все равно, действовать ли в интересах барона или против него. Во всяком случае, я хочу, чтобы вы поняли раз и навсегда, что мы с ним любим друг друга, а мнение других по поводу наших отношений интересует меня не более, чем щебет птиц под окнами. Если ему и случилось оступиться, то, может быть, именно мне и суждено наставить на путь истины его благородную душу. Однако я не понимаю,— она повернулась к моей спутнице,— при чем здесь эта молодая особа».

Ответить я не успел,— девушка взвилась, как вихрь. Слово лед и пламя, сошлись лицом к лицу эти две женщины.

«Я скажу тебе, кто я такая! — гневно воскликнула мисс Уинтер, вскакивая со стула.— Я — его последняя любовница! Я — одна из тех многих, кого он совратил, обесчестил, а насытившись, бросил. Тебя ждет та же участь. Только смотри, как бы тебе не пришлось заплатить за свою ошибку собственной жизнью. Послушай, глупенькая, ведь это же верная гибель! Разобьет ли сердце или свернет тебе шею, но уж он найдет способ с тобой разделаться. Поверь, я здесь не из-за любви к тебе. Мне и дела нет до того, что с тобой станется. Я здесь — назло ему и из ненависти к нему, потому что хочу отомстить за все, что он со мной сделал. И нечего пляться на меня так, моя дорогая! Посмотрим еще, чем закончится для тебя вся эта история».

«Я бы не хотела затрагивать эту тему,— холодно ответила мисс де Мервиль.— Замечу только, что мне известно о трех любовных интригах моего жениха, каждый раз становившегося жертвой женского коварства. Но я абсолютно уверена, что он сполна искупил то зло, которое, возможно, вам причинил».

«Три интриги! — буквально взвизгнула моя спутница.— Дурочка! Какая же ты дурочка!»

«Мистер Холмс, я думаю, на этом мы можем расстаться,— послышался в ответ ледяной голос.— Я выполнила волю отца, согласившись вас принять, но не намерена подвергать себя злостным нападениям со стороны этой особы».

С криком проклятия бросилась мисс Уинтер к этой женщине, своим холодным спокойствием способной привести в исступление кого угодно. Еще мгновение, и она бы вцепилась мисс Виолетте в волосы, но я успел поймать ее за руку. Мне удалось вытащить ее из дома. Хорошо, что нас поджидал кеб, и дело обошлось без сцен, ведь она была прямо-таки вне себя от ярости. Признаться, я и сам не на шутку рассердился. Равнодушие и высокомерие этой женщины действуют крайне раздражительно, а мы еще с ног сбиваемся, чтобы ее спасти.

Итак, Уотсон, вы вновь наверстали упущенное. Теперь нужно обдумать дальнейший ход партии, поскольку мой гамбит оказался не совсем удачным. Я буду держать вас в курсе, так как, вероятнее всего, вам еще предстоит сыграть свою роль. Кстати, не исключена возможность, что противник постарается опередить наши действия.

Так и произошло. Их удар обрушился... Точнее сказать, его удар, потому как я ни за что не поверю

в участие мисс де Мервиль в этом заговоре. Мне не забыть той жуткой минуты, когда мой взгляд случайно упал на афишу, выставленную, как обычно, одноногим газетчиком на полдороге от «Гранд-отеля» к станции Чаринг-Кросс. Меня охватил какой-то животный ужас. С момента нашей последней встречи с Холмсом не прошло и двух дней, а тут с желтого листа объявления на меня смотрели страшные черные буквы: «ПОКУШЕНИЕ НА ШЕРЛОКА ХОЛМСА».

Новость настолько ошеломила меня, что некоторое время я не мог и пошевелиться. Я смутно помню все происшедшее потом: как схватил газету и умчался, не удосужившись даже за нее заплатить, за что вдогонку получил слова крайнего неодобрения; как оказался у входа в какую-то аптеку. И только отыскав в газете нужную заметку, я окончательно пришел в себя и принялся ее читать:

«С величайшим прискорбием сообщаем, что сегодня утром знаменитый частный сыщик Шерлок Холмс стал жертвой злонамеренного покушения, в результате которого его здоровью нанесен значительный ущерб. Насколько известно, это произошло около полудня на Риджент-Стрит у входа в ресторан «Кафе Ройял». Покушение было предпринято двумя мужчинами. По мнению врачей, раны в области головы и туловища, нанесенные пострадавшему тростями, очень опасны. Мистеру Холмсу оказана медицинская помощь в больнице «Чаринг-Кросс», после чего по его настоятельной просьбе он был доставлен в свою квартиру на Бейкер-Стрит. Злоумышленникам, по словам очевидцев, людям вполне респектабельного вида, удалось скрыться. Воспользовавшись черным ходом ресторана «Кафе Ройял», они выбрались на Глассхаус-Стрит, где и теряются их следы. Не вызывает сомнения их принадлежность к уголовному миру, представители которого так часто имеют основания для недовольства относительно успехов потерпевшего в его благородной деятельности».

Едва пробежав глазами газетную заметку, я вскочил в первый попавшийся кеб и помчался на Бейкер-Стрит. У дома стоял экипаж известного в те времена хирурга сэра Лесли Оукшотта, а в холле я увидел его самого.

— В настоящее время серьезной опасности нет,— коротко заключил он.— Несколько сильных ушибов, две рваные раны на голове. Пришлось наложить швы. Я ввел больному морфий, теперь ему необходим покой, однако непродолжительное свидание, думаю, не вредит.

Я потихоньку вошел в затемненную комнату. Оказалось, пострадавший пребывает в полном сознании, потому что тут же я услышал свое имя, произнесенное хриплым шепотом. Штора была опущена, но слабый свет все же проникал в комнату, освещая забинтованную голову моего друга. Сквозь белую повязку алым пятном проступила кровь. Я присел рядом и склонился к нему.

— Не пугайтесь так, Уотсон,— прошептал он совсем тихо.— Все не так уж плохо.

— Слава богу!

— Как вы знаете, у меня уже есть опыт подобных

сражений. Меня не так-то легко заставить врасплох. Правда, двоих для меня оказалось слишком много.

— Нужно что-то делать, Холмс! Скажите только, и я из этого негодяя всю душу вытрясу.

— Дорогой мой Уотсон! Пока мы ничего сделать не можем. От полиции злодеи улизнули, а прямых доказательств у нас нет. Подождите немного, у меня свои планы. Сейчас главное — как можно сильнее преувеличить опасность моих ран. Вас обязательно будут спрашивать о моем здоровье. Не бойтесь хватить через край. «Хорошо, если еще неделю протянет... сотрясение... бессознательное состояние...» В общем, что-нибудь в этом роде. Чем мрачнее будут вести обо мне, тем лучше.

— А как же сэр Лесли Оукшотт?

— С ним все в порядке. Радужных надежд на мое выздоровление у него не будет. Об этом я позабочусь.

— Вы еще что-то хотите сказать?

— Да. Передайте Джонсону, пусть позаботится о своей приятельнице. Эти подлецы теперь, конечно, займутся ею. Они ведь знают, что она нам помогает. Это срочно. Зайдите к Джонсону сегодня же.

— Хорошо, я пойду прямо сейчас. Что-нибудь еще?

— Положите на стол мою трубку и табак. Прекрасно. Приходите сюда каждое утро — будем обсуждать наши планы.

Тем же вечером мы договорились с Джонсоном, что он спрячет мисс Уинтер в укромном месте на окраине Лондона, где она будет оставаться до тех пор, пока не минует опасность.

В течение шести дней Холмс старательно играл роль умирающего. Регулярные сводки о его состоянии были одна мрачнее другой, им вторили в газетах заметки зловещего содержания. Однако наши ежедневные встречи убеждали меня в обратном. Выносливый организм и твердый характер моего друга творили настоящие чудеса. Холмс выздоравливал быстро, причем настолько, что временами казалось, будто он чувствовал себя еще лучше, чем притворялся. Склонность к замкнутости этого человека не позволяла ему посвящать в свои планы даже меня, ближайшего из друзей. На личном примере Холмс как нельзя лучше доказал, что самым удачливым заговорщиком был он сам и именно потому, что строил свои замыслы в одиночку. Я неотступно был рядом и все же постоянно ощущал, что нас разделяет пропасть.

На седьмой день швы сняли, хотя в вечерних газетах появилось сообщение о том, что у пострадавшего началось рожистое воспаление. Там же я почерпнул и еще одну новость, которую не без неприязни сразу передал Холмсу. Среди прочих объявлений уведомлялось, что пароходом «Руритания», который принадлежит компании «Кьюнард» и отплывает из Ливерпуля в пятницу, в Соединенные Штаты отправится барон Адельберт Грюнер. Цель визита — заключение крупной финансовой сделки. По возвращении барона из этой поездки состоится его бракосочетание с мисс Виолеттой де Мервиль, единственной дочерью... и т. д., и т. п. По тому, каким сосредоточенным стало бледное лицо Холмса, я понял, что новость серьезно огорчила его.

— В пятницу! — воскликнул он. — У нас только

три дня. Негодяй почувствовал неладное и пытается спастись бегством. Не выйдет! Ни черта не выйдет! Вот что, Уотсон, у меня к вам будет поручение.

— Слушаю вас, Холмс.

— Ближайшие двадцать четыре часа вы посвятите тщательнейшему изучению гончарного искусства Китая.

Отсутствие объяснений с его стороны я воспринял как должное. Многолетний опыт общения с этим человеком научил меня премудрости беспрекословного повиновения. Оставив Холмса одного, я медленно побрел по Бейкер-Стрит, на ходу пытаюсь сообразить, как же мне выполнить это необычное задание. Наконец я добрался до Сент-Джеймс-Сквер, где находится Лондонская библиотека, и смог перепоручить свои трудности моему приятелю Лоумаксу, служившему там помощником библиотекаря. И вскоре, зажав под мышкой увесистый том, я уже направлялся к себе на квартиру.

Говорят, что адвокат, в понедельник основательно подготовленный к допросу даже самого осведомленного в какой-либо области свидетеля, легко расстается с невольными приобретенными знаниями еще до конца недели. Нет, я, конечно, не стал специалистом по гончарному производству. Но весь тот вечер и всю ночь с небольшим перерывом для сна, а также следующее утро я усердно трудился, как губка впитывая в себя полезную информацию и заучивая на память каждое имя. Я научился различать стиль великих китайских керамистов, постиг тайну циклического календаря, узнал о марках Хунъю и сочинениях Тан Иня, проникся любовью к шедеврам Юнлэ и чудесным примитивам периодов Сун и Юань... На следующий вечер я предстал перед Холмсом. В нарушение постельного режима и на удивление всякому, кто следил за сводками о состоянии его здоровья, Холмс удобно расположился в своем любимом кресле, подперев рукой голову, по-прежнему покрытую толстым слоем бинтов.

— Ба, Холмс! — удивился я. — Если верить газетам, вы одной ногой уже в могиле.

— Пусть верят, кому надо, — ответил Холмс. — Итак, Уотсон, урок выучили?

— Во всяком случае, я учил.

— Хорошо. А поддержать разговор на эту тему сможете?

— Думаю, да.

— Дайте-ка мне с камина вон ту коробочку.

Холмс достал из коробочки какой-то небольшой предмет, аккуратной обернутый в тонкий восточный шелк. Под шелком оказалось маленькое изящное блюдце изумительного темно-синего цвета.

— Будьте осторожны, Уотсон. Это подлинник. Настоящая «яичная скорлупа». Изготовлено во времена династии Мин. Такое и на аукционе «Кристиз» не всегда встретишь. А весь сервис стоил бы баснословную сумму, впрочем, сомневаюсь, есть ли он вообще где-нибудь, кроме императорского дворца в Пекине. Увидав такую вещь, истинный знаток навсегда потеряет покой.

— И что же мне с ней делать?

Холмс вручил мне карточку, на которой было на-

печатано: «Д-р Хилл Бартон, Хаф-Мун-Стрит, 369».

— Это ваше имя на сегодняшний вечер, Уотсон. Вам предстоит нанести визит барону Грюнеру. Я знаю его привычки. В половине девятого он, вероятнее всего, будет свободен. О своем визите заранее известите его запиской, в которой, между прочим, сообщите, что хотите показать ему уникальный экземпляр из фарфорового сервиза периода Мин. Назовитесь врачом, по этой части трудностей у вас не будет. Итак, вы — коллекционер, блюдо случайно попало к вам в руки, и, зная об увлечении барона вещами подобного рода, вы не прочь уступить ему свой раритет по сходной цене.

— Как высока она может быть?

— Резонный вопрос, Уотсон. Незнание стоимости собственного товара подрывает репутацию продавца. Блюдец я получил от сэра Джеймса, но в действительности оно принадлежит, насколько я понимаю, все тому же «доверителю». Без преувеличения можно сказать, что равного ему нет в мире.

— А если предложить, чтобы его оценили специалисты?

— Превосходно! Вы сегодня в ударе, Уотсон. Предложите какой-нибудь аукцион, «Кристиз» или «Садебиз». Положим, сами назвать цену вы не решаетесь из деликатности.

— Что, если он меня не примет?

— Примет, в этом можете не сомневаться. Он совершенно помешан на коллекционировании, тем более что речь идет о той области, в которой он признан крупным специалистом. Присядайте, Уотсон, я вам сейчас все продиктую. Так, ответа требовать не станем. Напишем просто — о том, что вы собираетесь прийти и с какой целью.

Послание получилось замечательное — краткое, утихое и возбуждающее любопытство коллекционера. Дешешу отправили барону с курьером. В тот вечер с драгоценным блюдцем в руках и визитной карточкой на имя доктора Хилла Бартона в кармане я вышел из квартиры Холмса. Так началось это рискованное предприятие.

Роскошный дом с прекрасным парком вокруг свидетельствовал о немалом состоянии барона. Длинная извилистая аллея, по краям обсаженная редким кустарником, вывела меня на посыпанную гравием просторную площадь с античными статуями. Поместье строилось в лучшие времена по заказу какого-то южноафриканского «золотого короля», так что здание, вытянутое и приземистое, с башенками по углам, вид имело очень внушительный, хотя, конечно, в архитектурном отношении трудно было представить что-нибудь более ужасное. В дом меня впустил дворецкий, благообразной внешности которого позавидовал бы иной епископ. Затем я был передан в распоряжение ливрейного лакея и уж только тот отвел меня к барону.

Грюнер стоял у раскрытого шкафа между окон, того самого, в котором хранилась часть его коллекции. Когда я вошел, он обернулся. В руках у него была небольшая коричневая чаша.

— Садитесь, пожалуйста, доктор, — сказал он мне. — Вот, знаете, осматриваю свои сокровища и

размышляю над вашим предложением. Кстати, любопытствуйте, изготовлено во времена династии Тан — седьмой век. Уверен, более тонкой работы вы не встречали. Какое богатство цвета! А блюдо, о котором шла речь, у вас с собой?

Бережно развернув редкостный экземпляр минского фарфора, я вручил его барону. Грюнер сел за стол, придвинул лампу — уже начинало смеркаться — и принялся за изучение блюда. Мне тем временем представилась возможность рассмотреть поближе его самого.

Нужно отдать должное его необычайной красоте: в этом отношении репутация барона была вполне заслуженной. Он отнюдь не отличался богатырским телосложением, но вместе с тем фигура его была изящной и спортивной. На лице, по-восточному смуглом, — большие темные глаза. Их томный взгляд не мог не вызвать у женщины откровенное восхищение. Черные, как смоль, волосы великолепно сочетались с небольшими ухоженными усиками. Черты его лица были, в общем, правильными и даже приятными. Исключение составляли только прямые тонкие губы. Пожалуй, нельзя по-другому представить себе губы убийцы — жестокие, безжалостные, плотно сжатые, наводящие ужас, словно безобразная рана на лице. Грюнер не случайно носил усы — с их помощью он пытался скрыть этот сигнал роковой опасности, которым природа предупреждала его жертвы. Голос его располагал к беседе, а манеры были безупречны. По виду я не дал бы ему больше тридцати, хотя, как выяснилось впоследствии, барону было сорок два года.

— Превосходный, поистине превосходный экземпляр! — сказал он наконец. — И вы утверждаете, у вас есть все шесть? Весьма странно, что я ничего не слышал об этом великолепном сервизе. Насколько мне известно, в Англии существует только один ему подобный, однако едва ли он появится на рынке. Не сочтите за нескромность, доктор Хилл Бартон, откуда он у вас?

— Разве это имеет значение? — я очень старался, чтобы мой ответ прозвучал беззаботно. — Вы же сами видите, что это не подделка. А цену, я думаю, нам помогут определить специалисты.

— М-да, странно, — в его глазах сверкнул огонь недоверия. — Простите, но, когда имеешь дело с такими ценностями, вполне естественно, хотелось бы знать все до конца. В том, что это подлинник, я абсолютно уверен. Но если потом окажется — я ко всему должен быть готов, — что вы не вправе были продавать сервиз?

— На этот счет у меня есть гарантия.

— Интересно знать, чего они стоят, эти ваши гарантии?

— Это вы можете узнать в моем банке.

— Конечно-конечно. И все же ваше предложение кажется мне не совсем обычным.

— Ваше право отказать, — безразлично заметил я. — Вы первый, к кому я обратился, поскольку слышал о вас как о знатоке. Однако, думаю, у меня не будет трудностей с продажей сервиза.

— Откуда вам известно, что я знаток?

— Если не ошибаюсь, у вас даже есть труд о фарфоре.

— Вы его читали?

— Нет.

— Ах вот как! Чем дальше мы с вами беседуем, тем меньше я вас понимаю. Вы, знаток и коллекционер, в чьих руках такая редкость, даже не удосужились заглянуть в ту единственную книгу, которая, несомненно, раскрыла бы вам истинное значение и ценность этой вещи. Как вы это объясните?

— Я очень занят, ведь у меня обширная практика.

— Это не может служить оправданием. Если человек по-настоящему чем-то увлечен, он находит на это время, невзирая на всю свою занятость. Ведь в записке вы называете себя знатоком искусства.

— И это действительно так.

— Тогда позвольте задать вам несколько вопросов, я хочу убедиться в правдивости ваших слов. Должен признаться вам, доктор — если, конечно, вы на самом деле врач, — что обстоятельство, при которых нам с вами пришлось встретиться, кажутся мне все более подозрительными. Итак, что вы знаете об императоре Сему и как его имя связано с сокровищницей Сёсоин храма Тодайдзи, который находится поблизости от города Нара? Боже мой, неужели это для вас трудный вопрос? А не расскажете ли вы мне что-нибудь о династии Северная Вэй и развитии гонимого производства в этот период?

В порыве притворного негодования я вскочил со стула.

— Ваши вопросы, сэр, в высшей степени оскорбительны, — воскликнул я. — Вместо благодарности за оказанную вам услугу вы экзаменуете меня, как мальчишку. Не спорю, мои знания в данной области, возможно, не так глубоки, как ваши, но это не дает вам право разговаривать со мной в подобном тоне. Барон, не отрываясь, смотрел на меня. Взгляд его более не был томным. Он стал безжалостным, а улыбка сменилась хищным оскалом.

— Да перестаньте вы нести чепуху! Я ведь знаю, что вы — шпион, подсланный Холмсом. Вам не удастся меня провести. Ваш приятель, насколько мне известно, уже при смерти. Сам не может, так своих подручных решил использовать для слежки за мной. И вы посмели явиться сюда! Смотрите только, чтобы обратная дорога не показалась вам слишком трудной.

Он вскочил из-за стола. Я отступил назад и приготовился к защите, так как видел, что барон вне себя от ярости. Должно быть, он заподозрил неладное с самого начала, а учиненный допрос лишь подтвердил его опасения. Но разве мог я надеяться, что мне удастся ввести его в заблуждение! Барон судорожно рылся в ящике стола. Неожиданно его слуха коснулся какой-то звук из смежной комнаты.

— А-а! — закричал он и опрометью бросился к двери, которая находилась за его спиной.

В два прыжка я тоже оказался рядом. Сейчас мне сложно восстановить картину, представившуюся моему взору. Окно, выходящее в сад, было распахнуто настежь. Подле него, словно кошмарный призрак,

стоял Шерлок Холмс — голова в кровавых бинтах, лицо перекошенное и бледное. Но уже в следующее мгновение я услышал треск кустов лавра — это мой друг выпрыгнул в окно. С гневным криком хозяин дома ринулся за ним.

И вдруг! Все произошло в какую-то долю секунды, но я видел это совершенно отчетливо. В гуще листвы мелькнула женская рука. Тут же раздался жуткий вопль барона — этого крика мне не забыть до конца жизни. Он отпрянул от окна, закрыл лицо руками, волчком завертелся по комнате, потом упал на пол и, корчась, стал кататься по ковру. Его крики гулким эхом отдавались по всему дому.

— Воды! Ради всего святого, воды! — взмолился он.

Я схватил со столика графин и поспешил ему на помощь. В эту минуту в комнату вбежали дворецкий и несколько лакеев. Одному из них стало дурно, когда я нагнулся к пострадавшему и повернул к свету его изуродованное лицо. Оно было сплошь залито серной кислотой, которая безжалостно разъедала кожу, капала с ушей и подбородка. Один глаз стал совсем белым и неподвижным, другой — покраснел и воспалился. Лицо, которым еще несколько минут назад я любовался, теперь превратилось в какую-то ужасную бесформенную массу, словно по готовой картине художник провел грязной мокрой губкой.

Не вдаваясь в подробности, я объяснил слугам, как вышло, что барона облили кислотой. Кто-то сразу полез в окно, другие отправились на поиски в парк, однако было уже совсем темно, к тому же начался дождь. Сквозь стоны барон, ставший жертвой мести, всячески поносил свою обидчицу.

— Это же была она, эта ведьма Китти Уинтер! — восклицал он. — Ах, чертовка! Она за это поплатится! Жестоко поплатится! О боже, какая невыносимая боль!

Я смочил его лицо маслом, приложил к ранам вату, ввел морфий. Он был настолько потрясен, что абсолютно забыл о своем недоверии ко мне и льнул к моим рукам, словно я мог заставить прозреть эти остекленелые глаза. Возможно, я даже пустил бы слезу из сострадания к нему, не помни я всей низости и подлости этого человека. Мне было отвратительно прикосновение его горящих ладоней, поэтому я почувствовал огромное облегчение, когда, наконец, прибыл его лечащий врач, а за ним и специалист-дерматолог. Потом явился полицейский инспектор, и ему-то мне пришлось показать свою настоящую визитную карточку. Было бы бесполезно и даже глупо пытаться скрыть свое имя, поскольку в Скотленд-Ярде меня знали ничуть не хуже самого Холмса. На этом я покинул сей овеванный печалью и страхом дом и через час был уже на Бейкер-Стрит.

Холмс, очень бледный и изможденный, расположился в своем любимом кресле. Его привычного хладнокровия оказалось недостаточно, чтобы спокойно отнестись к последним событиям, кроме того, давали себя знать раны. С ужасом слушал он мой рассказ о превращении барона.

— Вот оно, возмездие за грех, Уотсон! — сказал он. — Рано или поздно, оно неминуемо наступает. И,

видит бог, грех был тяжкий,— добавил он, поднимая со стола коричневую книгу.— Вот то, о чем говорила мисс Уинтер. Если эта книжица не поможет нам расстроить свадьбу, тогда надеяться больше не на что. Но она нам поможет. Ни одна уважающая себя женщина такого не стерпит.

— Что это? Любовный дневник барона?

— Я бы сказал, хронология похоти. Впрочем, называйте как угодно. Едва услышав о существовании этого «дневника», я сразу понял, каким могучим оружием в наших руках он может стать. Я не хотел заострять на нем внимание, поскольку опасался, что мисс Уинтер где-нибудь проговорится. Но эта мысль не давала мне покоя. Когда на меня напали бандиты, я решил распустить слух о своей тяжелой болезни, чтобы усыпить бдительность барона. Получилось, что он сам мне помог. Конечно, было бы лучше выждать еще немного, однако меня поторопила весть о его отъезде в Америку. Он наверняка не рискнул бы оставить здесь такую компрометирующую улику. Вот почему я решил действовать. Ночное ограбление не представлялось мне возможным — барон слишком осторожен. А вот проникнуть в его дом вечером, заведомо зная, что внимание Грюнера будет чем-то отвлечено, я мог попробовать. Тут-то мне и понадобились вы вместе с этим синим блюдцем. Но я хотел точно знать, где хранится книжка: времени у меня было бы всего несколько минут, ведь оно ограничивалось вашими познаниями в области китайской керамики. Поэтому в последний момент я и взял девушку с собой. Я даже не подозревал, что за пакет она прячет под плащом.

— Кстати, барон догадался, что меня послали вы.

— Этого-то я и боялся. И все же вы преуспели в исполнении своей роли, что дало мне возможность завладеть книжкой, хотя уйти незамеченным я так и не смог. А, сэр Джеймс, рад вас видеть!

С величайшим вниманием наш посетитель выслушал подробный отчет Холмса о происшедших событиях.

— Вы совершили настоящее чудо! — воскликнул он, когда повествование было окончено.— Однако, по словам доктора Уотсона, раны Грюнера настолько ужасны, что мы можем считать нашу цель достигнутой и без этой отвратительной книжки.

Холмс отрицательно покачал головой.

— Вы не представляете, на что способны такие женщины, как Виолетта де Мервиль! Из сострадания она полюбит Грюнера еще сильнее. Нет-нет. Мы должны уничтожить его морально, а не физически. Книжка вернет ее на грешную землю, ведь записки сделаны бароном собственноручно. Уж этим она не сможет пренебречь.

Сэр Джеймс забрал с собой и книжку, и драгоценное блюдце. Я тоже торопился домой и вышел на улицу вместе с ним. Возле дома стояла карета. Сэр Джеймс вскочил в нее, торопливо отдал распоряжение кучеру в форменном головном уборе, и они тронулись. Как бы невзначай перекинув пальто через дверцу кареты, он прикрыл геральдический герб ее владельца. Тем не менее в ярком свете из окна я успел различить этот герб. От неожиданности я за-

мер, затем развернулся и снова поднялся к Холмсу, чтобы сообщить ему эту великую новость.

— Я знаю, кто был наш клиент,— воскликнул я, врываясь к нему в комнату.— Холмс! Это же...

— Преданный друг и истинный джентльмен,— произнес Холмс, жестом предлагая успокоиться.— Пусть это навсегда останется между нами.

Мне не известно, каким образом изобличили барона при помощи этой книжки. Сделал ли это сам сэр Джеймс, или столь деликатную миссию было решено поручить отцу девушки. Во всяком случае, желаемый результат был достигнут. Спустя три дня в газете «Морнинг пост» появилось уведомление о расторжении помолвки между бароном Адельбертом Грюнером и мисс Виолеттой де Мервиль. В той же газете сообщалось, что городской полицейский суд приступил к слушанию дела мисс Китти Уинтер, обвиняемой в злонамеренном применении серной кислоты. В ходе следствия выяснились смягчающие вину обстоятельства, поэтому вынесенный приговор оказался не слишком строгим. Холмс пригрозил обвинением в краже со взломом, но, когда цель благородна и к тому же есть влиятельный заступник, гуманным и гибким становится даже суровый британский закон. Моему другу еще не приходилось сидеть на скамье подсудимых.

Перевел с английского А. Левенко

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ ГОДА

Валерий МИРОНОВ

Рисунок Ольги Горячевой

Н О Я Б Р Ъ

Древние римляне девятый месяц года называли «ноявембером» (от латинского «новем» — девять). Так же называют его и сейчас эстонцы и венгры, датчане и голландцы, немцы, норвежцы и шведы. А созвучно этому — в целом ряде стран и союзных республик: в Грузии — «новэмбэри», в Латвии — «ноявембрис», в Молдавии — «ноямбрие», в Болгарии — «ноямври», в Румынии — «ноямбрие», в Англии и на суахили — «но-вембэ», в арабских странах — «ноу-вембар», в Греции — «ноямвриос», в Индии (на урду) — «навамбар», в Испании — «новиембро», в Италии — «нояембре», в Португалии и на эсперанто — «нояембро», во Франции — «нояембр».

В Китае ноябрь — это «одинадцатая луна», в Японии — «симоцуки», то есть «месяц инея».

Во Франции в период Великой французской революции и в дни Парижской коммуны ноябрь был «брюмером», то есть «месяцем туманов».

В Древней Руси ноябрь первоначально был девятым месяцем. Затем с XV века до 1700 года он был на третьем месте и лишь потом переместился на нынешнее. Его древнерусское название — «грудень» или «грудень». Диалектные названия ноября — «снеговой», «листопад» и «листожной», «бездорожник», «полужимник», «ледостав»... До сих пор в Сербии-Хорватии зовут ноябрь «студени», а «листопадом» величают в Белоруссии и на Украине, в Чехии и Польше.

Согласно так называемому «календарю счастливых камней» ноябрь соответствуют топаз и цитрин, а по «календарю цветов» — хризантема.

В ноябре наша планета находится в большом созвездии Скорпиона с очень красивой группиров-

кой звезд различной величины. Сердце Скорпиона — одна из красивейших звезд первой величины красновато-оранжевая Антарес, навигационная звезда.

ПРИМЕТЫ, ПОГОВОРКИ, ПРИСЛОВЬЯ...

Ноябрь — сентябрев внук, октябрев сын, декабрев брат, зиме родной батюшка.

Ноябрь — бездорожник: ни колесу, ни полозу нет ходу.

Ноябрь — сумерки года, солноворот.

Ноябрь — последний месяц живой воды.

Ноябрь — запевка зимы, ворота зиме.

В ноябре тепло морозу не указ. Сколько бы снегу ни выпало в ноябре — оттепели его сгонят.

Небо в ноябре — словно звездный шатер.

Если солнце восходит, а над ним облако — хорошей погоды не жди.

Солнце бредет вроде как в тумане, в облаках — то к дождю.

Если голубое небо частично видно сквозь высококучевые белые, иногда сероватые или синеватые облака в виде слоев, волн, гряд, состоящих из хлопьев и пластинок, то осадков не выпадет.

Когда облака идут низко, будет дождь и холод.

Хорошая погода сохранится, если у неба чистый, ярко-голубой цвет.

Ясный и тихий вечер предвещает хороший день.

Если вечером и ночью при подъеме на холм чувствуешь, чтоходишь в более теплый воздух, то это признак установившейся хорошей погоды.

Луна в тусклой дымке — к продолжительному ненастью.

Ясная луна — предвестник мороза.

В темную роздымь по тонким снегам яркие звезды — к большим холодам.

Ветер слабый или слабопорывистый, не меняет свое направление — пасмурная погода сохранится.

Ветер с севера — дождя не будет, небо прояснит.

Если при сильном падении барометра ветер усиливается, почти не изменяя своего направления, то следует ожидать временного затишья, а затем возобновления ветра (или бури) с противоположной стороны.

Южный ветер обещает тепло, северный — холода, которые придут вслед за низкими облаками.

Поворот ветра во время дождя (снега) вправо (с юго-восточного, южного на западный и северо-западный) и иногда с непродолжительным усилением — к улучшению погоды.

Если дым из трубы поднимается прямо кверху даже во время ненастья, но без ветра, скоро погода наладится.

Пороша всегда в безветрие ложится.

Первый осенний снег, падая, свешивается с крыш — долго не пролежит.

Туман спускается — к оттепели.

Возникновение продолжительных туманов — к оттепели.

Нарушение суточного хода температуры: вместо обычного ее понижения к вечеру, а тем более к утру, наблюдается повышение — признак начинающегося ухудшения погоды, к дождю.

После гололедицы осенью жди дождя.

Снег осенний ползет для ржицы, если на землю сырую ложится.

Если рябина зацвела поздно, то осень должна быть долгой.

Лист до заморозков опал — быть зиме теплой.

Снова появились грибы — не жди скорого снега.

Ворона всегда клювом к ветру садится.

Если утка еще сидит на воде и не улетает даже в холодный дождь, то хорошая погода еще долго продержится.

Петухи запели рано утром — потеплеет.

Воробы дружно расчирились — к оттепели, а если их совсем не слышно — к холоду и вьюге.

Гусь на одной лапке стоит — одевайся потеплее.

Синицы утром пицат — на ночной мороз.

Синички суетятся, кружатся, садятся, залетают и тут же вылетают из гнезд, клюют кору — скоро погода испортится.

Если во время дождя на лужах схватываются пузыри, то дождь будет еще раз.

Перед морозом вода в колодцах

и реках поднимается, перед дождем — опускается.

1 ноября. Проводы осени, встреча зимы.

4 ноября. Казанская.

Первый заправский зазимок, преход от осени к зиме.

Еще не зима, но уже и не осень.

Если небо заплачет, то следом за дождем и зима придет.

Бывает, что с утра дождь дождит, а ввечеру суробами снег лежит.

Выезжаешь на колесах, а полози в телегу клади.

5 ноября. Дождь пойдет — все лунки нальет.

Снежная крупа или град предвещают, что 22 ноября зима на ноги станет.

8 ноября. Родительский день, по обычаю поминают умерших предков.

Оттепель обещает теплую зиму и весну.

День по снегу — весна поздняя.

Холод и снег — к поздней и холодной весне.

10 ноября. Льянница, льянные смотрины — выхваливаются льянами.

Первый зимний день.

Осматривали и утеплили дома, скот помещали в зимние стойла.

11 ноября. Стригальницы, овечницы, праздник овчаров.

Последняя стрижка овец.

13 ноября. Последний день осенний.

14 ноября. Встреча зимы, первые морозы — начало зимы.

Ноябрь окаменит воды, наладит переходы.

Если устанавливается зимний путь, то это не окончательная зима — можно еще ждать оттепелей через неделю.

Ноябрь, юля, выводит разные кренделя.

Если развезет — не жди морозов до начала декабря.

Если лист с дерева упадет не чисто, то предстоит суровая зима и знойное лето.

Снег обещает большой разлив весной.

19 ноября. Ледостав, зима на ноги становится.

Если снег, зиму надо ждать снежную, хорошую для озимых.

20 ноября. Зима лед на воду ведет, лед торосится.

Ноябрь — разломи лед — пробуеет переход.

21 ноября. Оттепели и грязь, зима не стоит, земля не мерзнет.

Коли иней — жди больших снегов, а коли день зачнется туманом — ростепели быть.

Коли туман взбелеет незван — жди осеннюю грязь в серо-яблочную масть.

Если путь порушит, не жди пути до 19 декабря.

Скот загоняют на зимний корм.

22 ноября. Зимний день.

Зима совсем встает на ноги — налетают морозцы.

Иней на деревьях — к морозам, туман — к оттепели.

23 ноября. Настели наст, жди дождового наста.

Ноябрь на все горазд — и на снежную крупицу, и на серую водицу.

Ноябрь не устыдится — теплом поманит да градом ранит.

24 ноября. Сыру землю студит, морозит. Становится холодно и серdito.

Стужа что ни день, то хуже.

Короткие оттепели — позднее лето.

Если оттепель, жди после нее морозов.

25 ноября. Опрокинута осень на стылую озимь.

Если дождь или снег, то быть оттепелям до 4 декабря.

26 ноября. Пошли дни ненастные по одной дорожке.

27 ноября. Месяц к веткам изморозью прилип.

Иней — урожай овса, дождь — пшеницы.

Если инеем лес оброс — славный вымахнет овес.

Облачно или снежно — к ненастному маю.

Пельменная пора на Урале и в Сибири.

28 ноября. Зима приезжает на пегой кобыле (грязь и снег).

Уж коли снег ляжет, то лежать ему до половодья.

Переметет дорогу снежной косой — снега эти дронут только весной.

29 ноября. Земля потеет (преет), случаются оттепели.

Сильные ветры ведут за собой вьюги-метели.

30 ноября. Каков день, такова и зима.

Ноябрь — не зима, а только предзимье.

Если ноябрь ясен, сухая погода, — значит, будет он опасен для урожая будущего года.

Крутой месяц — к холоду.

Коль дождь западет в новолуние, ведрия не будет долго.

Погода улучшится, если вокруг луны появится уменьшающийся по размеру светящийся венец.

Если днем наблюдаются разрозненные облака, а к вечеру они исчезают, то это признак установившейся ясной и сухой погоды.

Ясная безоблачная погода зимой — признак скорого понижения температуры.

Когда далекие предметы кажутся близкими, что бывает при хорошей прозрачности воздуха, то вскоре может пойти дождь, а зимой — снег.

Ветер подул с северной стороны — к большим холодам.

Поздний листопад — на тяжелый год.

Листья с деревьев опадают быстро — жди суровой зимы.

Лист хоть и пожелтел, но отпадает слабо — морозы наступят не скоро.

Пока лиственница иголки не осыпается, снега не будет, и выпадет, так растает.

Если выпавший ночью снег остается на ветках деревьев, значит, останется и на земле.

При неурожае на шишки кедров, ели и сосны зима не бывает суровой.

Снега надует — хлеба прибудет, а вода разольется — сена наберется.

Если лед на реке становится грудками, будут и хлеба груды.

По утрам деревья в лесу покрыты обильным куржаком (инеем) — к урожаю.

Гусь пошел — скоро быть снегу. Синица к избе — зима на двор. Ворона под крыло нос прячет — к холоду и вьюге.

Галки собираются гурьбой и жмутся к жилию — жди большого снегопада.

Пищит (свистит) снегирь — скоро зима будет.

Воробьи прячутся под крышу — на мороз или перед метелью.

Петух без времени вечером кукарекает — к перемене погоды.

К холодной зиме в гнездах зимующих птиц много пуха, сухой травы, соломы.

Если домашняя птица прячет голову под крыло — будет холодно.

Появились поздней осенью комары — будет мягкая зима.

Высоко летят перелетные птицы, так снегу много будет, а низко — так малы снега будут.

Если белышья гнезда высоко на деревьях — зима будет теплая, с оттепелями, если низко — быть зиме холодной, морозной.

Белки, мыши, кроты делают больше, чем обычно, запасов кормов — готовятся к суровой зиме.

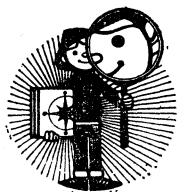
Заяц-беляк шубу сменил — зиму чует.

В сухой год зайцев больше.

Кошка на печи — к стуже, а коли на полу — то к теплу.

Кошка в клубок — мороз на пороге.

Если ожидается много вешних (полых) вод, медведь выбирает место для берлоги только на высоком месте.

МИР НА ЛАДОНИ

Серьезное с курьезным

«Благодарю за почет»

В 1880 году виднейшие русские ученые выдвинули Д. И. Менделеева в члены Петербургской Академии наук, но его кандидатура была отвергнута. Это вызвало резкий протест передовой общественности страны. Пять русских университетов избрали Менделеева своим почетным членом.

27 декабря 1880 года в Уральское общество любителей естествознания поступило заявление:

«Нижеподписавшиеся, желая почтить ученые труды замечательного русского химика, профессора Д. И. Менделеева, приобретши ему общеевропейскую известность, и скорбя о неизбрании его в число членов Императорской Академии наук — имеют честь обратиться к Уральскому Обществу Любителей Естествознания с следующим предложением: просить уважаемого Дмитрия Ивановича принять на себя звание почетного члена этого Общества. Декабрь 27 дня 1880 года».

Обращение подписали 16 человек, в том числе Н. Чупин, А. Миславский.

Подлинник хранится в Государственном архиве Свердловской области.

Тут же хранится ответ Менделеева — телеграмма:

«Глубоко благодарю Вас и сочленов за почет сибиряку Урал родной Менделеев».

В этом же деле находится и письмо выдающегося путешественника и ученого Николая Михайловича Пржевальского, датированное 28 мая 1881 года:

«Милостивый Государь. Я получил Ваше письмо и диплом на звание почетного члена Уральского Общества Любителей Естествознания. Глубоко тронут столь лестным для меня вниманием и прошу Вас передать гг. членам предсательствуемого Вами общества искреннюю мою признательность за высокую честь, мне оказанную.

С глубочайшим почтением и преданностью имею честь быть Ваш покорный слуга Н. Пржевальский».

Все эти три документа публикуются впервые.

И. НЕПЕИН

Отметчик гроз

7 мая (25 апреля по старому стилю) 1895 года на заседании Русского физико-химического общества А. С. Попов продемонстрировал в действии свою систему радиосвязи.

В «Журнале Русского физико-химического общества» было напечатано описание «прибора для обнаружения и регистрации электрических колебаний».

В обсуждении сообщения участвовал профессор Томского университета Федор Яковлевич Капустин. Он раньше и лучше других знал об изобретении радио. Это ясно из написанного почти за десять дней до исторического заседания письма. В нем Попов предлагал Капустину сделать попытки по совершенствованию когерера.

В упомянутом выше «Журнале» кроме сообщения о докладе Попова имеется статья Капустина об атмосферном электричестве.

Поскольку в ходе работ, относящихся к изобретению радио, перед Поповым встала задача выяснить, не будут ли атмосферные разряды мешать радиосвязи и нельзя ли применить приемник непосредственно для метеорологических наблюдений, он создал новый прибор, отличный от приемника связи по назначению и по конструкции и впоследствии названный грозоотметчиком.

Поездки в Петербург и переписка с Поповым позволили Капустину быть хорошо осведомленным о достижениях Попова в изобретении радио и о его применении в метеорологии.

В апреле 1896 года профессор Капустин доложил совету Томского университета о подготовке экспедиции в устье Енисея, в программу которой он включил и наблюдения над атмосферным электричеством.

Позже, в 1897 году, Попов докладывал в Электротехническом институте о применении своего прибора для решения вопроса — «есть ли в нашей атмосфере колебания, а если есть, то как они часты и от каких причин зависят?». Достиженные к лету 1896 года успехи в развитии радиосвязи и в практическом применении прибора Попова в метеоро-

логии позволяют сделать предположение, что Попов и Капустин надеялись в Енисейской экспедиции зафиксировать с помощью приемника перемены в атмосферном электричестве, вызванные изменением излучения Солнца во время затмения.

Отчеты об Енисейской экспедиции опубликованы в «Известиях» Русского географического общества и Томского университета, а в архиве Томской области хранится подлинник одного из них. Во всех документах указывается, что во время экспедиционных исследований на кровле специально сооруженной будки был установлен и работал «приемник для отметчика гроз Попова». Такое наименование прибора встречается в документах впервые.

Факт применения аппарата А. С. Попова в экспедиции по наблюдению солнечного затмения говорит о многом. И о том, что изобретение русского ученого сразу же нашло разнообразное практическое применение. И о том, что А. С. Попов наряду с задачей повышения дальности действия системы радиосвязи решал и задачу улучшения надежности системы, а также пропагандировал свою новую технику и добивался ее внедрения. И о том, что профессор Ф. Я. Капустин предпринял тогда попытку осуществить радиоастрономический эксперимент.

В. НИЛОВ

Русский сбитень

Сбитень — один из старинных русских напитков. Появился он давно, но особое распространение получил в XVIII—XIX веках. Им торговали на

улицах, в трактирах, чайных. Зимой продавцы сбитня носили его за спиной в огромных медных чайниках, покрытых теплой тканью, или продавали сбитень в специальных лавочках.

Сегодня мало кто из нас может похвастаться, что пробовал популярный когда-то на Руси напиток. Однако рецепт его не забыть, и для тех из вас, кто захочет приготовить сбитень, тайну напитка откроет кандидат химических наук из Новосибирска Р. Половинкина:

Для приготовления сбитня в кипящей воде растворяют мед, кладут лавровый лист, корицу, гвоздику, имбирь, кардамон, мускатный орех и другие пряности и кипятят.

Вот рецепт приготовления сбитня на 1 л воды.

Сахар — 150 г, мед — 150 г, лавровый лист — 2 шт., гвоздика, корица, имбирь и кардамон — по 5. Кипятить 10—15 мин., дать настояться и процедить.

Мед — 100 г, сахар — 50 г, корица — 0,3, гвоздика — 0,2, мята — 0,2, хмель — 3 шт. Растворить в кипящей воде мед и сахар, добавить корицу, гвоздику и кипятить 15 мин. В горячий напиток добавить мяту и хмель. Дать настояться и процедить.

О. АЛЕКСЕЕВ

Все это — на колесах

Японский студент Х. Уцуку летом 1984 года оседлал свой велосипед, отправился в долгий путь. И вот 46 тысяч километров позади. Уцуку проехал через обе Америки (Северную и Южную), пересек Африку. За время велосипедного сверхмарафона, продолжавшегося более тридца-

ти месяцев, Уцуку побывал в 38 странах.

А шведский каскадер К. Эрикссон, поставив свой автомобиль с помощью небольшого трамплина на два колеса, проехал двадцать тысяч метров. Он превысил прежний рекорд движения «на боку» сразу почти на одиннадцать километров.

Трюкач же А. Нюквист из Финляндии взобрался с автомобилем на трамплин для летающих лыжников (ему пришлось, естественно, воспользоваться подъемным краном). Казалось, все было предусмотрено. На горе разгона автомобиль быстро набрал скорость, но затем сразу «клюнул носом». Благо, эксперимент проводился зимой — под столом отрыва было много снега. Нюквист остался цел и невредим. К тому же, проявив все качества смелого и хладнокровного водителя, он не потерял управления.

В. АЛЕКСАНДРОВ

Школа для кенгурят

«Гербовые» животные Австралии — кенгуру — давно испытывают превратности судьбы: их то уничтожают, то оберегают... Уже продолжительное время дельцы выставляют кенгуру и на потеху зевакам, например — в роли боксеров, колотящих друг друга всеми четырьмя конечностями, ведь стоять они могут и на хвосте.

Очередной предприимчивый австралиец открыл в Мельбурне специальную школу для молодых кенгуру. Сначала животных приучают повиноваться человеку, затем — выполнять несложную домашнюю работу, а также играть с детьми.

С. ВЛАДИМИРОВ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Очерк Оксаны Булгаковой о династии Курчатовых. Заметки с Центральной выставки НТТМ-87.

Рассказ о двух покушениях на крейсер «Аврора». Начало НФ повести Севера Гансовского «...И медные трубы».

Стихи Николая Домовитова.

Рассказ криминалистов о похищении бриллианта «Визирь».

«Музыка и мы» — второй выпуск.

Окончание календаря народных примет погоды.

Главный редактор С. Ф. МЕШАВКИН

Редколлегия: Е. Г. АНАНЬЕВ, В. П. АСТАФЬЕВ, М. ГАЛИ, Ю. А. ГОРБУНОВ (зав. отделом краеведения), Г. В. ИВАНОВ (зав. отделом прозы и поэзии), С. И. КА-ЗАНЦЕВ (ответственный секретарь), В. П. КРАПИВИН, Ю. М. КУРОЧКИН, Д. Я. ЛИВ-ШИЦ (заместитель гл. редактора), Н. Г. НИКОНОВ, О. А. ПОСКРЕБЫШЕВ, А. К. СЕМЕРУН, К. В. СКВОРЦОВ, А. Н. СТРУГАЦКИЙ

Редакция: В. И. Бугров (отдел фантастики), Л. С. Будрина (технический редактор), В. В. Бурангулова (корректор), Л. Г. Гончарова (секретарь-машинистка), Ю. А. Горбунов (отдел краеведения), А. Д. Кононова (отдел писем), Ю. В. Липатников (отдел науки и техники), Е. И. Пинаев (художественный редактор), Ю. В. Шинкаренко, Н. А. Широкова (отдел публицистики и следопытской жизни)

Адрес редакции: 620219, г. Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 22в
Телефоны отделов: 51-55-56 (писем, публицистики), 51-22-40 (секретариат), 51-09-71 (фантастики, прозы и поэзии), 51-53-20 (науки и техники, следопытской жизни), 51-09-69 (краеведения)

Сдано в набор 09.07.87. Подписано к печати 21.08.87. НС 31182. Формат бумаги 84×108¹/₁₆. Высокая печать. Усл. печ. л. 8,82. Усл. кр.-отг. 11,78. Уч.-изд. л. 11,3. Тираж 410 000 экз. (2-й завод: 250 001—410 000). Заказ 473. Цена 40 коп.

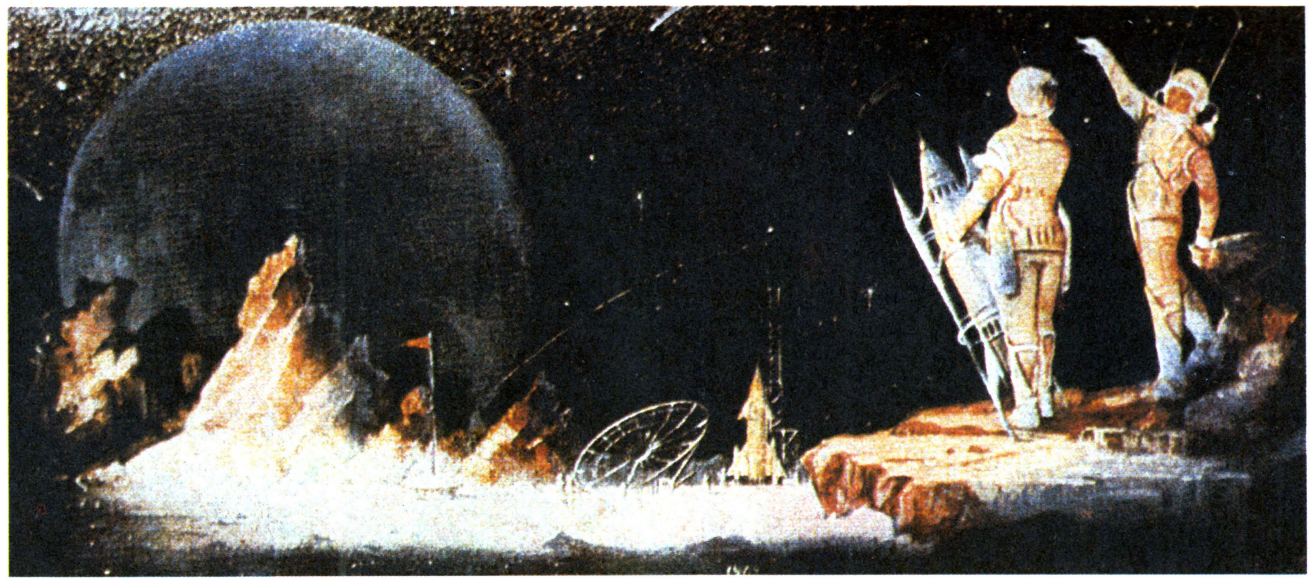
Типография издательства «Уральский рабочий». Свердловск, пр. Ленина, 49.

В. И. Лавров. «ЧАЙПИТИЕ». Шкатулка.

М. С. Чижов. «РАДУГА НАД ФЕДОСКИНЫМ». Шкатулка.

Г. И. Ларишев. «КОСМОНАВТЫ».

В начале века мастера из Федоскино стали расписывать знаменитые «лукутинские» табакерки. Шкатулочки эти высоко ценились среди русских аристократов и за границей. М. Н. Загоскин в книге «Москва и москвичи» 1840 года рассказывает, как один русский турист купил в Париже расписную коробочку из папье-маше и пожалел, что в России такие делать не умеют; а открыл крышку — и на внутренней стороне увидел подпись фабриканта Лукутина...

Настоящий рассвет лукутинского дела приходится на 40—70-е годы прошлого века. Федоскинские мастера писали пейзажи, портреты, исторические и мифологические сцены, бытовые крестьянские картинки. Производились чайницы, табакерки, спичечницы, шкатулки — каждая вещь имела прямое назначение.

С конца XIX века на творческие позиции мастеров стремится воздействовать русская буржуазия. Это не могло не сказаться на промысле, в традиции которого не укладывались грубые и безвкусные сюжеты: в 1904 году наследники Лукутина закрывают фабрику. Но в 1910 году стараниями энтузиастов лаковой миниатюры была создана «Федоскинская трудовая артель бывших мастеров фабрики Лукутина».

Октябрьская революция открыла новые возможности перед художниками промысла.

...Электричка добежала до станции Хлебниково, и уже через двадцать минут мы были в Федоскино. У входа на фабрику нас ждал Геннадий Иванович Ларишев — один из ведущих федоскинских художников. Мы отправились к зданию нового училища, которое готовят молодых мастеров для фабрики.

Старое искусство лаковой миниатюры живо благодаря тому, что не теряются связи между поколениями. Сохранение промысла в наш век технического прогресса — вообще удивительное явление; видимо, и в наше время стандартов и скоростей все больше хочется иметь что-то для души...

В течение четырех лет молодых художников посвящают в профессиональные секреты федоскинского письма. Они копируют произведения известных мастеров, составляют свои композиции. Лучшие дипломные работы учеников находятся здесь же, в музее, который создан в 1938 году, — в основу его легло собрание произведений лукутинских мастеров московского коллекционера А. С. Мокроусова.

Нам показали, как создаются шедевры из папье-маше. Сначала склеиваются на болванках листы картона, обсушиваются в печах. Потом изготовленные формы обтачивают на токарном станке, покрывают лаком, сушат — и вот блестящая, черная снаружи и красная внутри шкатулка попадает к мастеру-живописцу. Тут начинается самая важная часть работы — нанесение миниатюрного рисунка. Последняя стадия обработки — шлифовка и полировка. Все!.. После этого мы видим федоскинские шкатулки в художественных салонах и музеях.

Лаковая миниатюра — один из оригинальнейших видов русского народного творчества. Пока жив народ — не иссякнет родник народного искусства. Рядом с мастерами Палеха, Холуя, Мстеры будут жить и творить мастера из Федоскино.

Читатели сразу же обратили внимание (об этом говорят десятки писем) на первую публикацию из новой серии научно-популярных очерков «На грани фантастики» — «Маятник Вселенной». В новом году «Уральский следопыт» продолжит эту серию. Отдел науки и техники предлагает также, кроме испытанных рубрик — «О бра-тьях меньших», «Наука и техника» и др. — новую: «Будущее природы», в которой читатели найдут поучительные размышления о последствиях вторжения техники в природу.

Диалог-клуб «Подросток» приглашает школьников, учащихся профтехучилищ к спорам и размышлениям о...
 ...психологической подготовке к службе в рядах Советской Армии;
 ...об идеале будущего спутника жизни;
 ...«системных людях», «ништяках» и других представителях неформальных объ-единений молодежи, об их взаимоотношениях с комсомолом;
 ...о современных музыкальных направлениях — это разговор мы продолжим в разделе «Музыка и мы».

Одна из самых больших проблем современности — сохранение памяти о пред-ках, давних и близких, увековеченных героев и простого люда. Остро и деликатно размышляет об этой проблеме Виктор Шавырин в очерке «Над вечным покоем»: «...Культура не просто включает в себя, как важный компонент, уважение к пред-кам, но и начинается с него. Ведь даже неандертальцы клали в могилы цветы — и это было, видимо, первое по времени непрагматичное деяние человека. Не нача-лом ли разрушения культуры станет разрушение кладбищ, бурьян забвения?»
 Журнал продолжит тематические направления «Человек и Север», рассказы ветеранов и следопытский поиск героев гражданской и Великой Отечественной войн, «Клуб собирателей», «Мир на ладони». Отдельный тематический номер будет по-священ Дальнему Востоку.

Рис. Сергея Копылова
 Фото Игоря Горячева,
 Владимира Кунина,
 Виктора Петрова

ЧИТАЙТЕ В 1988 ГОДУ

Подписка на «Уральский следопыт»
 принимается «Союзпечатью» повсемест-
 но, без ограничений.
 Наш индекс 73413.
 Подписная цена на год —
 4 руб. 80 коп.

Цена 40 коп. Индекс 73413
 Уральский СЛЕДОПЫТ, № 10, 1—354.